A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

Провѣщаю гананія исперва:

Псал: 77. спі: 2.

ІИСУСЪ

ВЪ ВЕТХОМЪ И ВЪ НОВОМЪ ЗАВѢТАХЪ,

или

НОЧИ У КРЕСТА.

Стихотвореніе

Князя Сергія Шихматова,

Члена Императорской Россійской Академіи.

Восхвалю имя Бога моего съ пѣснію.

Псал: 68 ст: 31.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1824.

Отъ Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при С. Петербургской Духовной Академіи, печатать позволяется; но до выпуска изъ типографіи должно представить въ Цензурный Комитетъ *девять* экземпляровъ сей книги, для препровожденія оныхъ, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Маія 22 дня 1824 года. С. Петербургской Духовной Семинаріи

Ректоръ Архимандритъ *Поликарпъ.*

НОЧЬ У КРЕСТА.

Востань, моя душа! отъ мысленной дремоты,
Востань—и въ тишинѣ природы усыпленной,
Избывшая дневныхъ стужающихъ суетъ,
Ты Бога твоего въ часъ нощи помяни.
Отъ міра упразднись—и разумомъ свободнымъ,
Вступи, безмолвная, въ священный садъ писаній,
Гдѣ добродѣтелей прекрасные цвѣты
Пестрѣя издаютъ сладчайшую воню;
Гдѣ птицъ божественныхъ духовны, стройны пѣсни,
Слухъ сердца огласивъ, страстей плѣняютъ силу,
Ліютъ веселіе во внемлющій имъ умъ,
И мысли отъ земли возносятъ къ небесамъ
На крыліяхъ злашыхъ небесной голубицы.
Изъ нощи утренюй къ невидимому свѣту,
И солнце истинны въ глаголахъ живота
Очами свѣтлыми сквозь тѣни созерцай.
Воззри:—се блещетъ крестъ спасенія лучами!
На немъ Творецъ міровъ облекшись въ человѣка,
Распялся, и страдалъ, и умеръ за тебя;
Но въ вольной немощи явился Богомъ силъ,
Смерть смертью умертвилъ и обезсмертилъ мертвыхъ,
Адъ гордый потопталъ—и плѣнниковъ подземной
Плѣнилъ—и возвратилъ отчизнѣ въ небесахъ.
Къ симъ тайнамъ мыслію стремись, моя душа!

Взыщи и испытай свидѣнія Господни,
Внимай, какъ истинна, потокомъ безпрерывнымъ,
Благая свыше вѣсть, текла изъ вѣка въ вѣкъ:
Что жертва на крестѣ возставитъ падшій міръ.
Внимай, и повторяй—и утверждаясь вѣрой,
Надеждой веселясь, любовію пылая,
Спасеніе пріявъ Спасителя воспой,
Воспой—и поучись всю нощь Его хвалѣ,
О Немъ во струнахъ пой, о Немъ греми трубою.
Но спѣшно не дерзай на подвигъ многотрудный;
Смирись—и воскури молитвы ѳуміамъ
Предъ Богомъ разумовъ, Всевѣдцемъ всеблагимъ,
Да помощи своей твою сподобитъ немощь.
  О Ты, единственный источникъ и податель
Безсмертныхъ вѣчныя премудрости даровъ!
Вся испытующій—и бездны Божества—
Духъ истинны святый! Духъ жизни всемогущій!
Къ Тебѣ я вопію, изъ праха червь ничтожный;
Со страхомъ вопію, Ты съ милостью внемли.
Ты въ сонмы сихъ міровъ ничто осуществилъ,
Ты древле сотворивъ составъ земныя толщи,
Носился надъ водой—пучиною безбрежной—
И въ мертвости веществъ, созданій сѣмена,
Согрѣлъ и оживилъ Твоею теплотой.
Ты нынѣ пронесись полетомъ благодатнымъ
Надъ зыбью слабостей души моей нестройной,
И дѣйствіемъ Твоимъ, чистительнымъ отъ золъ,
Ея растлѣнное проникни естество,
Ея возобнови вещающія силы.
Богоразуміемъ ущедри разумъ скудный,

И свитокъ мнѣ раскрой божественныхъ писменъ,
И пѣсней благодать излей въ мои уста,
Читать и воспѣвать о Словѣ воплощенномъ;
О коемъ иногда, Тобою восперенный,
Взлетѣвъ во внутренность святилища небесъ
И въ тайну вѣчнаго приникнувъ существа,
Во слухъ вселенныя, во слухъ вѣковъ грядущихъ,
Сынъ грома возгремѣлъ: "въ началѣ было Слово,
И Слово было Богъ, и Слово стало плоть."—
Сый, всяческихъ творецъ, инымъ даетъ раждать,
И Самъ ли не родитъ, и будетъ ли неплоденъ?
Сый мыслящъ о Себѣ, въ Себѣ раждаетъ Слово,
Не мысль безсущную—живое существо,
Всю сущность рождшаго вмѣщающе въ себѣ,
Всѣмъ равное Ему—се Сынъ единородный,
Сынъ вѣчный вѣчнаго, въ отцѣ отцемъ живущій,
Во свойствахъ божества тождественный Ему,
И собственнымъ лицемъ раздѣльный отъ Него,
Богъ въ Богѣ, въ Жизни Жизнь, невидимаго образъ,
Всей славы отчія чистѣйшее зерцало,
Отъ свѣта перваго всесвѣтлая луча,
Зиждителю міровъ созиждущая мощь,
Премудрость Божія, десница, сила, Слово!
Симъ Словомъ посланнымъ отъ Вышняго на землю,
Отъ смерти исцѣленъ растлѣнный смертныхъ родъ;
И таинство сіе, для вѣрующихъ душъ,
Свѣтло въ явленіи словесъ боговѣщанныхъ.
Я зрю:—свершилися, по волѣ всемогущей,
И небо, и земля, и вся ихъ красота;

Творецъ почилъ отъ дѣлъ преставъ творить еще,
(Зане Его дѣла нескудны въ совершенствѣ ,
И новое ничто ихъ цѣлости невмѣстно,)
Почилъ—и взоръ пустивъ на зрѣлище міровъ,
О всѣхъ своихъ дѣлахъ возвеселился Самъ ;
Но первое имѣлъ и вящшее безмѣрно
Веселіе свое въ единомъ человѣкѣ.
Щедротами его начало предварилъ ,
И въ міръ грядущаго щедротами вѣнчалъ;
Онъ образомъ Своей неизреченной славы
Пресвѣтло осіялъ его словесну душу,
И вѣчности своей подобнымъ бытіемъ
Ее обогатилъ, да жизнію живетъ ;
Онъ дивно сочленилъ составъ его тѣлесный ,
Исполнилъ силами, украсилъ красотами,
И блески разума разсыпалъ на лице,
Да видятъ въ немъ Царя всѣ дольни существа.
Такъ милостью Творца прославленъ, возвеличенъ,
Отъ рукъ его пріявъ, рай сладости въ жилище,
Рая сладчайшую подругу житія ,
Свой жребій ублажалъ блаженный человѣкъ.
Всей твари чувственной разумный наблюдатель ,
Всей твари умственной таинникъ просвѣщенный,
Связь неба и земли, въ великомъ малый міръ,
Онъ свышнимъ пламенемъ божественной любви
Свое всесожигалъ смиреннѣйшее сердце,
Всещедрой благости въ благопріятну жертву.
Парящій къ Ней умомъ во храмъ превыше звѣздъ,
Онъ въ вышнихъ созерцалъ во свѣтѣ свѣтъ и свѣтъ;

Онъ долу зрѣлъ Его, Имъ свыше посѣщенный;
Общался въ простотѣ сладчайшей съ нимъ бесѣдѣ,
Въ сердечной глубинѣ скрывалъ Его слова,
И жизнь своей души ихъ сладостью питалъ.
Носящъ въ груди своей безстрастія спокойство,
Невинностью одной одѣянъ безъ одежды,
Не видѣлъ въ наготѣ къ стыдѣнію вины;
Но въ тѣлѣ и душѣ свѣтился правотой,
Но въ тѣлѣ и душѣ Творца препрославляя,
Блаженствомъ обоихъ блаженствовалъ сугубо,
Сынъ свѣта воплощенъ, земное божество!
Но чѣмъ, увы! воздалъ за всѣ сіи дары?
Пріявъ отъ Творческой премудрости и силы
Съ разумнымъ естествомъ свободу самовластну,
(Да служитъ волею всемірному Царю,
Да вольное Ему покорство на земли
Явивъ, сподобится съ нимъ царствовать на небѣ,)
Онъ заповѣдь Его нарушилъ, вѣроломный,
Судъ смерти на себя всероднаго навлекъ;
Отторгшись отъ Отца предалъ себя врагу,
И сталъ, нещастнѣйшій, добыча древней злобы.
Но кто, но кто сей врагъ, который человѣка
Коварствомъ въ пагубу прельстилъ и низпровергъ?
Противникъ Божества, отколѣ онъ возникъ?
Созданіе и онъ Зиждителя вселенной,
Всеблагости Его причастникъ и служитель,
И въ день, когда блеснулъ изъ тьмы небытія,
Былъ вѣрная печать подобія Творца;
Величія Его чертами преукрашенъ,
Добротами свѣтящъ, денница Солнца славы,

Ходилъ на Божіей превыспренней горѣ
Средь камней огненныхъ, среди небесныхъ силъ,
И многихъ осѣнялъ могущими крилами.
Во всѣхъ его путяхъ былъ святъ и непороченъ,
Доколѣ предъ лицемъ Всевидца—судіи
Въ немъ, въ тайнѣ помысловъ, неправда обрѣлась,
Неправда гордости о собственномъ изрядствѣ.
(Зане и въ Ангелахъ, равно какъ въ человѣкѣ,
Возможность согрѣшать, не даръ отца щедротъ,
Но первобытнаго ничтожества ихъ слѣдъ,
Оставлена была для подвига къ наградѣ.)
Въ немъ блескомъ красоты затмилася премудрость,
Онъ данными ему лучами совершенствъ,
Подателя забывъ, прельстился, рекъ: я Богъ!
И дмящійся въ себѣ божественностью мнимой,
Мечталъ равенствовать ничтожный со Всесиль-
нымъ.
Онъ строи безъ числа водимыхъ имъ духовъ,
Гордыню имъ вдохнувъ—увлекшій за собой,
Строптивый возопилъ: "взойду на небо неба,
Поставлю мой престолъ превыше звѣздъ высокихъ,
И буду Вышнему подобенъ божествомъ!"
Свѣтъ свѣтовъ отвратилъ отъ зла свое лице;
И злобы полчища померкли мракомъ нощи,
И всѣ низринулись какъ тучи съ неба долу.
Лучъ молніи блеснулъ низринутымъ во слѣдъ,
И въ преисподней тьмѣ воспламенился адъ,
Пучина изъ огней безлучныхъ, черныхъ, дымныхъ,
И гнѣва Божія волнуемая вихремъ.
Кипитъ—и безднами зіяетъ въ глубину,

И выспрь вздымается горами на горахъ;
Кипитъ—и бурями ревущими шумяща,
Пріемлетъ во свои палящи, мрачны хляби,
Изъ неба изверговъ падущихъ съ высоты;
Да влаются въ ея клокочущихъ волнахъ,
Окованны вокругъ Зиждителевой силой,
И всемъ ихъ существомъ, безсмертнымъ для страданій,
Терзаясь мучатся и гибнутъ безъ конца.
Такъ истинны врага Богъ правды поразилъ;
Но врагъ—какъ твердое, разжженное желѣзо,
Біемо млатами твердѣетъ отъ ударовъ, —
Подъ лютой казнію творится вящше лютъ.
Онъ, въ гордости своей, враждуя Богу силъ,
Снѣдаясь завистью къ блаженству человѣка,
Невинному сему умыслилъ ковъ убійства;
На новую сію ущедренную тварь
Умыслилъ пагубу, Творцу ея въ укоръ.
И промыслъ Вышняго, какъ бездны неиспытный,
Злой волѣ попустилъ свершиться въ месть злодѣю;
Да злобой раздраживъ гнѣвъ Божій до конца,
Въ день гнѣва испіетъ всю чашу адскихъ золъ,
И огненнымъ всѣхъ мукъ поглотится потопомъ,
Дотолѣ въ немъ горѣть доколѣ длится вѣчность;
Да злобою подастъ Всеблагости вину
Надъ жертвою его излиться полнотой:
Сосудъ ея щедротъ, паденьемъ сокрушенный
Изъ праха возсоздать, исполнить вновь сокровищъ,
И свѣтло озлатить лучами Божества,
И свѣтлый пренести въ небесный свой чертогъ.

Но врагъ не разумѣлъ:—Онъ узъ своихъ ослабу
Всезлобный ощутивъ, воздвигнулся изъ ада,
Носящъ въ себѣ самомъ отчаянія адъ,
На подвигъ пагубы понесся сквозь міры,
На землю низлетѣлъ, облекся тѣломъ змія ,
И въ тѣняхъ тишины, въ Едемскомъ вертоградѣ,
Волнуясь и кружась віется змій вражды.
Онъ взоры уловивъ прамашери людей,
Отверзъ свои уста точащи ядъ лукавства;
Отъ сердца своего рыгая ложь съ хулою,
Дерзнулъ, неистовый, на Бога клеветать,
И зависти упрекъ Благому нанести.
Онъ умъ слабѣйшія изъ двоицы словесной
Какъ мглою омрачилъ пытливостью порочной ;
Онъ хитрой лестію—что будетъ божествомъ—
Ей сладко пошепталъ въ отверстый сердца слухъ;
Онъ смертнаго плода видѣніемъ прекраснымъ
Прельстилъ,очаровалъ и раздражилъ въ ней чувства;
Изъ сердца у нее похитилъ смерти страхъ,
И дерзость ей вдохнулъ попрать завѣтъ небесъ.
И дерзкая, увы! простерла алчну руку,
Насытилась сама—и сильная соблазномъ,
Въ сѣть хитраго ловца супруга повлекла.
Онъ жалостью о ней истаявъ отъ любви,
Онъ обоженія надеждой обуянный,
И заповѣдь Творца, и всѣ забылъ щедроты ,
Вкусилъ—и ядъ грѣха возчувствовалъ въ себѣ;
Искусомъ бѣдственнымъ позналъ добро и зло;
Позналъ, какъ познаетъ болящій неисцѣльно,
И горесть немощей составъ его грызущихъ,

И сладость здравія, котораго лишенъ.
Змій злобы возсвисталъ на падшую чету,
Ихъ пагубѣ смѣясь, гордясь какъ побѣдитель,
Пріялъ надъ ними власть — и чадамъ тьмы изъ бездны
Открылъ на земный шаръ широкую стезю,
Да носятся надъ нимъ въ воздушной высотѣ,
И въ пропасти злодѣйствъ да вержутъ человѣка,
Но гдѣже человѣкъ? гдѣ слава всей вселенной?
Гдѣ радость Ангеловъ, веселіе Творца?
Увы! коль измѣненъ отъ прежняго себя!
Сугубой смертію растливъ свою природу,
Отпалъ отъ Сущаго, собою сталъ ничтоженъ,
По тѣлу—прахъ и тлѣнъ, по духу—мракъ и зло.
Въ немъ образъ Вышняго престалъ уже сіять,
Какъ солнце свѣтлое не свѣтится во блатѣ;
Любовь его къ Творцу прешла во страхъ враждебный,
Имъ грѣхъ возобладалъ какъ жертвою тиранъ,
Онъ сердцемъ и умомъ померкъ, окаменѣлъ.
Отъ студныхъ помысловъ, отъ страстныхъ вожделѣній,
Мятется въ немъ душа, неистовствуетъ тѣло;
Онъ срама не терпя нечистой наготы,
Отъ собственныхъ своихъ скрывается очей,
Широкимъ листвіемъ препоясуетъ чресла,
И трепетенъ бѣжитъ во мракъ древесныхъ тѣней,
Да свѣтъ не озаритъ студа его предъ нимъ,
И тьма, отъ всѣхъ существъ, его да утаитъ.
Но гласомъ Господа ízзванъ изъ мрачной чащи,
Да станетъ на судѣ предъ правдой милосердой,

Не плакался предъ ней во прахъ уничиженъ;
Но сердцемъ уклонясь въ лукавыя слова,
Искалъ вины грѣху, себя обезвиняя,
И въ гордости дерзнулъ творить виновнымъ Бога.
Такъ милость Судіи отрѣявъ отъ себя,
Весь гнѣву Божію подпалъ, и изнемогъ.
Раздался клятвы громъ надъ гордымъ чадомъ гнѣва:
Отъ Божія лица отверженъ онъ далече,
Отъ древа живота, сынъ смерти, отжененъ,
Изъ рая изселенъ въ плачевную юдоль,
Да въ потѣ отъ трудовъ снѣдаетъ хлѣбъ печали,
Доколѣ, претружденъ, земля отыдетъ въ землю,
И въ землю тлѣнія, и въ землю вѣчной тьмы.
Свершился приговоръ—и страждетъ человѣкъ
Въ странѣ изгнанія, внѣ сладкія отчизны;
Карать мятежника подвиглась вся природа,
И нѣтъ ему нигдѣ убѣжища отъ золъ.
На небо ли воззритъ: гремитъ изъ мрачныхъ тучъ,
И мещетъ въ долъ огни, и вержетъ воды яры;
Приникнетъ ли къ землѣ: неплодствуетъ подъ клятвой,
Лишь терны и волчцы плодитъ ему сама;
Дерзнетъ ли на Едемъ страшливый бросить взоръ,
Тамъ блещущъ херувимъ стоитъ на стражѣ грозенъ,
И входъ ему претитъ мечемъ молніеноснымъ.
И воздухъ на него враждой отяготѣлъ,
Не дышетъ сладостью всегдашнія весны,
Но лютыхъ Зной и Хладъ въ свои пріемлетъ нѣдра,
Палить и раззноблять составъ его скудельный.
Согласія стихій разрушился союзъ,

И бури, возшумѣвъ, помчались по землѣ,
Холмятъ хребты морей, трясутъ огромны горы,
И смѣсію грозятъ всей твари поднебесной.
И рабственны предъ нимъ животныхъ племена,
Не зря уже на немъ величія лучей,
Власть падшаго царя попрали дерзновенно,
И лютостью своей его повергли въ трепетъ;
Онъ самъ несмысленнымъ подобенъ сталъ скотамъ,
Зане не разумѣлъ честь царскую свою,
Зане надъ разумомъ господство предалъ чувствамъ.
Оттолѣ въ немъ самомъ источникъ всякой злобы
Неизсякающій изъ сердца искипѣлъ,
Потекъ отъ праотца въ потомки, въ родъ и родъ.
(Плоды отъ корени отравнаго отравны)
Оттолѣ человѣкъ, въ зачатіи нечистый,
Родится зараженъ проказою грѣха,
Сынъ гнѣва естествомъ, погибели сосудъ,
Закона Божія въ Едемѣ нарушитель;
Родится бѣдствовать отъ дѣтства до кончины,
Подъ тяжкимъ бременемъ напастей и скорбей.
Такъ зло единаго растлило цѣлый родъ,
(Какъ небо надъ землей возносится высоко,
Такъ правда Божія превыше правды нашей;
И смертный не мечтай постичь ее умомъ.)
Такъ казнь единаго простерлася на всѣхъ.
Оттолѣ смертные, отъ Бога отчужденны,
И рѣемы на зло дыханьемъ духа злобы,
Въ неправду уклонясь взыскали сердцемъ ложь;
То влаясь на волнахъ сомнительныхъ надеждъ,

То въ мрачну падая отчаянія бездну,
О блескахъ суеты стязуются всечасно;
Всю жизнь трепещущи послѣдняго ихъ дня,
Жадаютъ чувственныхъ минующихъ утѣхъ;
Рабы и плѣнники страстей и вождел҃ѣній,
И ближнимъ и себѣ злостраждущи злодѣи,
Нечестіе и зло творятъ внутри сердецъ,
Нечестіе и зло износятъ и въ дѣла:
Гортань ихъ—гробъ отверстъ, рыгаетъ смрадъ злорѣчій,
Языкъ ихъ точитъ лесть, ядъ медомъ ослажденный,
И полны горести и клятвы ихъ уста,
И скоры ноги ихъ пролить невинну кровь,
И хитры руки ихъ сплетать на правду козни,
Стези ихъ—зло и вредъ, путь мира имъ безвѣстенъ,
И скрылся Божій страхъ отъ наглыхъ ихъ очей.
Гордыня съ завистью гнѣздятся въ ихъ душахъ,
И адскаго огня въ нихъ заражаютъ искры.
Убійство и татьба, развратъ и студодѣйство,
Какъ рѣки разлились по проклятой землѣ,
И міръ отверженный погрязъ въ пучинѣ золъ;
Погрязъ, и омерзѣлъ, и гибнетъ невозвратно.
И кто погрязшаго возставитъ мышцей сильной,
Возставивъ извлечетъ изъ смертной глубины?
Не Божій ли глаголъ преслушалъ человѣкъ?
Не власть ли Всецаря отринулъ рабъ продерзкій?
И казнь его вины, безмѣрная безмѣрной,
Прострется за предѣлъ теченія временъ,
Достигнетъ вѣчности, не кончится и тамъ.

Судитель праведенъ Создатель человѣка:
И правда ли Его потерпитъ грѣхъ немстимый?
Злодѣя пощадивъ помилуетъ ли зло?
Проститъ ли за ничто долгъ вѣчный должнику?—
Великъ во благости Создатель человѣка:
И благость ли Его оставитъ безпомощну
Злохитрой завистью прельщенную ко злу,
Свою изъ видимыхъ прекраснѣйшую тварь?
Забудетъ ли въ конецъ возлюбленну исперва?
Предастъ ли гибели созданную къ блаженству?
Сама ли превративъ созданія мету,
Дастъ аду вознести на небо гордый рогъ?—
Кто правдѣ съ благостью; стязующимся въ Богѣ,
Устроитъ торжество, взаимное противнымъ?—
Премудрость Божія счетаетъ ихъ собой.—
Премудрость Божія, въ сокровищахъ своихъ,
Возможность обрѣла, изъ зла содѣлавъ благо,
Дать славу Божеству и милость человѣку,
И правду утолить и благость превознесть.
Бывъ образомъ живымъ, бывъ силою Творца,
Она единая сильна была собою
По образу Его твореніямъ созданнымъ
Съ нимъ сходство возвратить, отъятое грѣхомъ.
Она въ самой себѣ, и прежде всѣхъ вѣковъ,
Провидѣвъ смертную болѣзнь души словесной,
Драгое врачевство безсмертія и жизни
Предуготовила падущей въ смертну сѣнь,
И трудъ цѣленія пріяла на себя.
Пріяла совершить себя достойный подвигъ:
Вся сущая вездѣ, сойти съ небесъ на землю,

(Не мѣстъ премѣною—явленіемъ себя,
Явленіемъ своей ко грѣшникамъ любви,)
Сойти—и плотію одушевленной, чистой,
Изъ дѣвственныхъ кровей истканной духомъ свыше,
Облекшись—воспріять грѣхъ міра на себя,
И чашу смертную испить за грѣшный міръ;
И смертію стяжавъ безсмертіе для смертныхъ,
Сразить имущаго державу смерти вѣчной;
Гнѣвъ Божій укротить—и вновь отцу щедротъ
На вѣкъ усыновить отверженныхъ имъ чадъ.
Какъ прежде свѣтъ сіялъ безъ солнца самъ собою,
И послѣ какъ въ чертогъ вступилъ въ сіе свѣтило;
И нынѣ, въ немъ присущъ, златитъ и дольній міръ
И всю превыспренню осіяваетъ твердь,
Въ предѣлахъ вещества сіяньемъ безпредѣльный.
Такъ Божій истый Сынъ, отъ свѣта свѣтъ исконный,
Сверкающій въ мірахъ, сіяющъ самъ въ себѣ,
Вселился полнотой безмѣрной Божества
Въ словесно-чувственну природу человѣка,
И смертнымъ видимо явился, солнце правды,
Святыней просвѣтить грѣховную ихъ тьму.
Но немощь ихъ щадя, да блескъ его лучей
Ихъ душъ не ослѣпитъ мерцающіе взоры,
Имъ прежде предпослалъ зарю, разсвѣтъ и утро;
Исперва въ разныя различно времена
Себя проначерталъ, прообразилъ, пророкъ,
Свѣтился въ праотцахъ, въ законѣ и въ пророкахъ,
И тако, чаемый, нощь бездны разгоняя,
Востокъ отъ высоты открылся на востокѣ,

И день спасенія вселенной возсіялъ.
Сей Вышняго совѣтъ превѣчный, непреложный,
Впервые проявленъ надъ падшимъ человѣкомъ,
Когда ему Творецъ судъ смерти произнесъ:
Онъ милость отъ него отсѣкъ не до конца;
Онъ скорбь его души, отчаянной отъ страха,
Отрадно растворилъ спасительной надеждой:
Что сѣмя чистое нескверныя жены,
Сынъ дѣвы-матери, сынъ вѣчнаго отца,
Сотретъ и измождитъ главу злотворца змія.
Хоть въ пяту угрызенъ свирѣпымъ будетъ гадомъ,
Хотя какъ человѣкъ постраждетъ люту смерть,
Но царство вражіе разрушитъ и истнитъ,
И плѣнникамъ врага дастъ древнюю свободу,
Свободу святости, виновну вѣчной славы.
Услышалъ человѣкъ, кѣмъ будетъ онъ спасенъ,
Увѣровалъ въ него по дару Божества,
И сею изъ рая напутствованный вѣрой,
Въ бѣдахъ изгнанія смиренъ и благодушенъ,
Чрезъ вѣки многія, всечасно день и нощь,
Вздыхалъ къ грядущему Спасителю отъ золъ;
И покаяніемъ умилостивя небо,
Со упованіемъ вселился въ персть земную;
Оставилъ по себѣ потомству безъ числа
Богатствъ дражайшее сокровище свое,
Пріятую съ небесъ божественную вѣру.
Но грѣшника-отца грѣхолюбивы чада
Блуждая по стезямъ пороковъ и злодѣйствъ
И злою волею развратныхъ ихъ сердецъ
Далече, далѣе, отъ Бога отходящи,

И сладостраствуя въ утѣхахъ плоти шумныхъ,
Забыли Господа, Создателя міровъ;
И тварямъ принесли честь должную Творцу,
И злату и сребру и камени и древу
Дѣламъ ихъ хитрыхъ рукъ сліяннымъ, изваяннымъ,
Бездушнымъ божествамъ, кумирамъ ихъ страстей,
И сквернымъ чтилищамъ отверженныхъ духовъ,
Безумцы, кланялись, молились раболѣпно;
И кровію скотовъ, увы! и человѣковъ,
Радѣли обагрять ихъ требищъ олтари.
Врагъ Бога и людей, ихъ видя слѣпоту,
О ней торжествовалъ, въ гордынѣ непреклонный,
И вящше отягчалъ свое надъ міромъ иго.
Но Вышній сотворилъ не всуе всѣхъ людей; —
Онъ злобнымъ попустилъ погибели сынамъ
Во злобѣ погибать по волѣ ихъ свободной;
Но въ родѣ грѣшниковъ строптивомъ, развращенномъ,
Останокъ праведныхъ оставилъ для себя.
И кроткіе сіи, малѣйшіе числомъ,
(Которыхъ, благодать спасающаго Бога,
Отъ вѣка предъизбравъ оправдывала къ славѣ)
Ему единому служили отъ сердецъ;
И вѣру праотца преемственно храня,
Блюли неугасимъ ея свѣтильникъ ясный.
Блюли—и при его свѣтѣніи чудесномъ,
Провидѣли вдали въ теченіи вѣковъ
Обѣтованное спасеніе людей.
Въ нихъ свято чтилася священнѣйшая тайна
О жертвѣ за грѣхи единственной, всемірной,

И перстомъ Божіимъ въ ихъ жизни и дѣлахъ
Живописалася для будущихъ родовъ.
Въ нихъ вѣры истина, какъ въ тѣняхъ ей подобныхъ,
Какъ въ сходныхъ образахъ являлась многочастно,
Себѣ въ сердца людей предустроя путь
Когда благоволитъ познаться имъ сама.
Се Авель праведный чтитъ жертвой Бога правды;
Незлобивыхъ овецъ незлобивѣйшій пастырь,
Онъ агнцевъ-первенцовъ, тукъ стада своего,
Во всесожженіе на жертвенникъ вознесъ.
Вознесъ—ту чаему прознаменуя жертву,
Которая одна сотретъ главизну злобы,
На милость обратитъ гнѣвъ праведный Творца,
И отъ истлѣнія освободитъ всю тварь;
Вознесъ въ неложное свидѣтельство всей твари,
Что самъ къ Отцу щедротъ любовію сгарая,
Предъ Вѣчнымъ падая смиреніемъ въ ничто,
Готовъ о Немъ страдать—и всѣхъ своихъ благихъ
И жизни своея лишиться доброхотно
Во славу своего Создателя-Владыки.
Богъ правды внемлющій мольбамъ сердецъ простыхъ,
Призрѣлъ на Авеля и на его дары;
Призрѣлъ—и огнь живый слетѣлъ струею съ неба,
И друга Божія боголюбезну жертву
Пожралъ и потребилъ предъ взорами его,
И въ немъ самомъ возжегъ веселія восторгъ.
Блаженъ! . . . но что я зрю? — не сей ли правды чтитель,
Самъ жертва первая неправой, хищной смерти,
Самъ язвенный падетъ и плаваетъ въ крови?

Какое лютое чудовище въ звѣряхъ,
На агнца кротости напавшее во злобѣ,
Багрится первое убійствомъ человѣка?
Увы! не змій, не тигръ—но человѣкъ, но братъ—
Но Каинъ первенецъ, и первый мужъ кровей! —
Онъ, за нечестіе таящееся въ сердцѣ,
За зло небрежности во внѣшней Богу жертвѣ,
Отъ правды Божіей въ дарахъ его презрѣнъ,
Гордыней обуянъ и завистью грызомъ,
На брата добляго взиралъ лукавымъ окомъ;
И ненависть ему за нѣжность воздавая,
И доблести его сіяній не терпя,
Предъ коими какъ нощь онъ злобой померцалъ,
Восталъ какъ на врага, неистовый, на друга,
И сердцемъ кроткаго заклалъ каменносердый.—
Но кровь невинная возвысивъ громкій гласъ,
Изъ праха вопіетъ на небо къ Судіи;
И судъ отмщенія постигъ братоубійцу.
Се Онъ, проклятія запечатлѣнный знакомъ,
Являющъ въ мертвости испадшаго лица,
И въ тусклыхъ, взорами блуждающихъ, очахъ,
Все бѣдствіе души отчаяньемъ объятой,
Упрековъ совѣсти терзаемый бичами,
Гонимый зрѣлищемъ убійства своего,
Со стонами въ груди, со трепетомъ въ костяхъ,
Страшилище людей, скитается какъ призракъ.
Бѣжитъ изъ мѣстъ въ мѣста—и всюду ненавистный,
(Да длится казнь его) нигдѣ по всей землѣ
Не срящетъ для себя убійственной руки.

Такъ Авель истинный, Господь и правда наша,
Отъ братіи своей по крови Авраама,
(Которыхъ жертвами гнушался Всеблагій,
За то, что злобою въ груди своей дыша,
При жертвахъ чувственныхъ не жертвовали духомъ,
И чтили Божество лишь громкими устами.)
Невинность самая, убійствомъ умерщвленъ;
Зане примѣръ Его дѣяній и словесъ,
Зерцало ясное живыя въ Бога вѣры,
Ихъ гордость унижалъ, вскрывалъ ихъ лицемѣрство.
И зависти змія шипяща въ ихъ сердцахъ,
На правду раздражась его угрызла въ смерть;
Но къ Богу возопилъ гласъ крови боготочной,
И злу приспѣла казнь—и братія-убійцы
Носящи съ клятвою знакъ рабства ихъ грѣху,
Изгнанны изъ своихъ отеческихъ домовъ,
Презрѣнны отъ людей, отверженны отъ Бога,
Стеня и трепеща блуждаютъ по вселенной,
И вѣки бѣдствуя не гибнутъ отъ вѣковъ,
Да служатъ истиннѣ свидѣтели-враги.—
Се Ное, Вышняго и дольнихъ примиритель,
Словесныхъ племени вторый родоначальникъ,
Отъ казни смертныя спасаетъ жизнь земли.
Во дни его земля растлѣлася отъ золъ,
Зане разрушился предѣлъ межъ тьмы и свѣта;
И Божіи сыны на дщерей человѣковъ
Взоръ страстный устремивъ—и блескомъ ихъ красы
Прельстясь на пагубу себѣ и всей землѣ,
Со злыми добрые счетались сердцами.
Родились гордые, зловидны исполины

Взалкали властвовать, чудовища вражды,
Кичась огромностью дебелыхъ ихъ тѣлесъ,
Закономъ для себя свою имѣя силу,
Весь міръ исполнили убійствъ и нестроеній;
И смертныхъ племенамъ на всякій студъ грѣха
Явились смѣлые и быстрые вожди. —
И смертныхъ племена, стремясь въ пути пороковъ,
Вдались нечистотамъ, безчестію природы;
Плотская мудрствуя душами стали плоть,
И духа Божія отгнали отъ себя.
Призрѣлъ Господь къ землѣ: и се полна неправды;
Умножились на ней словесныхъ рода злобы,
И мысли всѣхъ людей стремилися на зло.
Творецъ преогорченъ позорищемъ злодѣйствъ,
Размыслилъ самъ въ себѣ что сотворилъ словесныхъ,
(Вѣщаю Божія языкомъ человѣковъ)
И рекъ навесть потопъ на злобствующій міръ.
Лишь Ное благодать обрѣлъ предъ Судіей,
И съ племенемъ своимъ единъ изъ смертныхъ рода
Помилованъ спастись отъ гибели всемірной,
Чтобъ искру естества гасимаго возжечь.
Онъ въ сердце воспріявъ божественный глаголъ,
Міръ цѣлый осудилъ своею въ Бога вѣрой;
Онъ правды Божіей немолчный проповѣдникъ,
Вѣкъ времени сносилъ томительны труды,
Отъ древъ согромождалъ спасенія ковчегъ,
И духомъ не поникъ въ ругательствахъ отъ міра:
Но зданіе свершивъ, чудесное для чуда,
Устроилъ въ немъ отъ бѣдъ, грозящихъ всей землѣ,

Себѣ убѣжище и роду своему
И твари дышущей спасаемымъ останкамъ.
Укрылся праведникъ—и се, открылся съ неба
На зло продерзкое нещадный Божій гнѣвъ;
И се, по манію Творца и Судіи,
Подземной глубины разверзлися истоки,
И водъ превыспреннихъ расторгнулися хляби;
И бездна, мать морей, раждаетъ новыхъ чадъ,
И съ ревомъ изъ ея неизмѣримыхъ нѣдръ
Несутся новые на землю океаны.
Изъ тучъ шумятъ дожди—и цѣлыя пучины
Обрушась падаютъ на землю отъ небесъ.
Свирѣпствуетъ потопъ: пожралъ лице земли,
Восходитъ въ высоту—и низко подъ водами
Сокрылъ высокихъ горъ надоблачны вершины.
Нѣтъ суши на землѣ, весь море земный шаръ,
И жизни всякое дыханіе на немъ
Погибнуло въ волнахъ съ преступнымъ смертныхъ родомъ.
Лишь Ное, огражденъ защитою небесной,
Въ ковчегѣ безъ вреда носился по зыбямъ,
Доколѣ надъ землей гнѣвъ Божій мимотекъ;
И словомъ Вышняго изсякли грозны воды,
И влажное лице земли опустошенной
Открылось солнечнымъ живительнымъ лучамъ,
Омытое отъ скверны всемірнаго грѣха.
Тогда, хвалящійся спасеніемъ Господнимъ,
На землю чистую исходитъ чистый сердцемъ,
И жертву Господу возноситъ съ торжествомъ,
И новой милостью вѣнчается съ небесъ.

Господь съ рабомъ благимъ завѣтъ поставилъ
вѣчный,
Что вновь не приложитъ казнить потопомъ землю;
Завѣта своего далъ знаменье землѣ,
Дугу во облакѣ, изъ свѣта и воды,
Различностью цвѣтовъ блестящую прекрасно;
Творцу воспоминать о милости во гнѣвѣ,
Отъ твари отвращать потопа страшну казнь.
Такъ Ное выспренній, собою совершенъ,
(Воистинну покой, воистинну утѣха,
Словеснымъ отъ грѣха скорбящимъ, утружден-
нымъ;)
И рода праведныхъ отецъ, вторый Адамъ,
Собою примирилъ съ небеснымъ земный міръ,
Творца-карателя со тварію преступной!
Онъ, древомъ своего мученія и смерти,
Отъ смерти безъ конца, потопа вѣчныхъ мукъ;
Содѣлалъ грѣшникамъ спасеніе во вѣкъ.
Онъ, вѣчныя любви завѣтъ неразоримый,
Между Всесильнаго и слабыхъ земнородныхъ,
Уставилъ, утвердилъ ходатайствомъ своимъ.
Оттолѣ навсегда, въ надзвѣздныхъ небесахъ,
Вкругъ трона Божія, какъ знаменіе мира,
Дуга подобная видѣніемъ смарагду
Явилася блистать предъ Божіимъ лицемъ:
Да смотритъ на ея прекрасный, кроткій блескъ,
И помнитъ о своемъ со смертными союзѣ,
Щадитъ ихъ немощи и не наводитъ гнѣва;
И сына своего заслуги въ нихъ любя,
Да будетъ имъ въ отца, они ему въ сыновъ.

Оттолѣ въ мірѣ семъ, въ потопѣ беззаконій,
Въкоторомъ безъ числа словесныхъ гибнутъ души,
Оплотъ отъ волнъ грѣха для грѣшниковъ готовъ:
Се церковь Божія, таинственный ковчегъ,
Изъ древа крестнаго распятымъ сооруженный;
(Въ которомъ, высота божественная вѣра,
Надежда—долгота, и широта—любовь;
Въ которомъ лишь одномъ спасеніе душамъ.)
И золъ нечестія неистовая бездна,
Со всею яростью его обуревая
Вотще ему грозитъ рушеніемъ въ конецъ.
Онъ плаваетъ легокъ поверьхъ ея валовъ,
Покоенъ, невредимъ подъ кровомъ благодати.
Самъ Ное выспренній, въ немъ чадъ своихъ спасая,
Его путеводя хранитъ отъ бурь земныхъ,
Доколѣ окормитъ къ пристанищу небесъ.
Се вѣрный Авраамъ съ послушнымъ Ісаакомъ
Священнодѣйствуютъ — сынъ жертва, жрецъ родитель, —
Великое свое служеніе Творцу;
Во образъ оныя безмѣрныя любви,
Какою движимый отецъ щедротъ и славы,
Самъ предалъ своего возлюбленнаго сына
На жертву за грѣхи мятежниковъ-рабовъ;
Во образъ оныя безмѣрныя любви,
Какою движимый сынъ Вѣчнаго безлѣтный,
Самъ жертвой сотворясь, невинный о виновныхъ,
За грѣшниковъ подъялъ мученіе и смерть.—
Какъ злато средь огня пріемлетъ чистоту,
И вящше цѣнное блистаетъ вящшимъ блескомъ;

Такъ въ пещь поверженный скорбей и искушеній
Святыней просіялъ великій Авраамъ;
Великихъ милостей достойный сталъ сосудъ,
И въ смертныхъ нѣтъ ему подобнаго во славѣ.
По гласу Вышняго изъ родины любезной
Изшелъ пришельствовать средь чуждыя земли,
Не вѣдая куда лежитъ ему стезя;
Напастей тяготу носилъ не унывая,
Ходилъ предъ Господомъ—и зрѣлъ Его присущимъ
При всѣхъ своихъ дѣлахъ и помыслахъ души,
Соблюлъ Его законъ, пріялъ Его завѣтъ,
(Да симъ изгладится грѣхъ праотца въ потомкахъ)
Въ безчадіи доспѣлъ до старости глубокой;
Сталъ мертвенъ плотію, но вѣровалъ въ душѣ,
Что сбудется на немъ божественный глаголъ,
Что такъ размножится его подъ солнцемъ сѣмя,
Какъ звѣзды въ небесахъ и какъ песокъ при морѣ;
Но вѣровалъ, презрѣвъ и ветхій свой составъ
И лѣта поздныя неплодныя жены.
Толь вѣра твердая ему вмѣнилась въ правду;
И въ правдѣ праведникъ достигнувъ совершенства
Нарекся Божій другъ—и первый изъ людей
Чье имя своему Богъ вышній приложилъ,
Всѣ доблести свои вѣнчалъ страннопріимствомъ.
Онъ съ неба странниковъ, самъ странствующій къ небу,
Сподобился ввести въ сѣнь мирную свою,
Познать безвѣстныя для смертнаго судьбы,
И тайны промысла зрѣть явны предъ собою;
Сподобился пріять, долготерпѣньемъ вѣрный,

Одно вседушное желаніе свое,
ОтЪ Господа ему обѣтованный плодЪ:
УвидѣлЪ наконецЪ, увидѣлЪ Ісаака,
РодителямЪ своимЪ смѣхЪ радости сердечной,
Веселіе земнымЪ грядущимЪ племенамЪ;
ВзлелѣялЪ, возрастилЪ, и вѣрой умудрилЪ
Младенца, отрока, и юношу драгаго,
И ждалЪ уже узрѣть, вокругЪ своей трапезы,
Цвѣтущи отрасли отЪ вѣтьви своея,
Да сЪ радостью отЪ нихЪ приложится кЪ отцамЪ.
Но вѣрѣ добляго еще единый подвигЪ
Труднѣйшій предлежалЪ — да вЪ полномЪ блескѣ славы
ПрейдетЪ отЪ всѣхЪ трудовЪ кЪ покою навсегда.
ТакЪ друга своего ВсевѣдецЪ искушалЪ:
ВелитЪ—(да благодать прославится вЪ немЪ силой)
Нѣжнѣйшему отцу, единственнаго сына,
ЖезлЪ старости его, любовь его души,
Надежду сладкую потомства безЪ числа,
Заклать—и вознести во всесожженье Богу.
УслышалЪ АвраамЪ—и укрѣпившись сердцемЪ;
И духу запретивЪ, пріемлетЪ огнь и ножЪ,
На сына возложивЪ древЪ бремя для костра,
ВедетЪ кЪ закланію сію безцѣнну жертву;
ВедетЪ—и на пути отЪ жертвы вопрошенный:
„Се огнь и се древа, родитель! гдѣ овча?"
ПронзенЪ печалію пронзается еще;
Но скорбь безвременну отЪ сына отдаляя,
Лица не измѣнилЪ, и гласомЪ не дрожащимЪ
ИзрекЪ его словамЪ пророчественЪ отвѣтЪ.

На гору Божію безмолвенъ съ нимъ востекъ,
Тамъ жертвенникъ создавъ, изнесъ изъ сердца
тайну.
Услышалъ Ісаакъ—и, сынъ отца достойный
Навыкнувъ отъ него покорствовать Творцу,
Безсловенъ, волею, вдаетъ себя на смерть,
Готовъ во цвѣтѣ лѣтъ увянуть въ жертву Богу.
Тогда, о зрѣлище и Ангеламъ чудесно!
Взявъ сына своего имъ дышущій отецъ,
Связуетъ узами, возноситъ на олтарь,
И жертвы чистыя не оскверньвъ слезами,
Всѣмъ сердцемъ вѣруя, что Богъ неложенъ въ словѣ,
Что мертвый сынъ его ему отдастся живъ,
Пріемлетъ остріе нетрепетной рукой,
Возноситъ поразить. . . но Ангелъ Божій съ неба
Воззвалъ, и возбранилъ свершить чадоубійство.
Озрѣлся Авраамъ—и видитъ предъ собой
Рогами въ терніи держимаго овна,
Пріемлетъ Божій даръ, приноситъ Богу въ жертву.
А сына своего, драгаго Ісаака,
Котораго уже заклалъ въ своей душѣ,
Воскресшаго пріявъ объемлетъ восхищенный,
Лобзаетъ кроткаго и сердцемъ и устами,
Слезами радости кропитъ его лице,
И съ нимъ Всещедраго величитъ похвалой.
Тогда ему Господь поклялся Самъ Собою,
(Поклясться большимъ кѣмъ всѣхъ большій не
имѣя)
Что въ немъ словесныхъ родъ благословится весь,
Что сѣменемъ его спасется цѣлый міръ.

Тогда, отъ Господа за вѣру просвѣщенный,
Увидѣлъ Авраамъ сердечными очами
День Сына Божія во плоти на земли,
Увидѣлъ день чудесъ—и радостью взыгралъ;
И жертвы Божіей въ пожертомъ Ісаакѣ
Съ восторгомъ созерцалъ подобіе живое,
И образъ истинны для будущихъ родовъ.
Такъ преданный отцемъ небесный Ісаакъ,
На тойже высотѣ Моріи многохолмной,
Какъ жертва Вышнему закланъ за земнородныхъ.
Такъ древо крестное, на коемъ убіенъ,
До мѣста лобнаго понесъ на раменахъ.
Такъ устъ не отверзалъ, когда, среди злодѣевъ,
Страдалъ отъ лютыя враговъ свирѣпыхъ злобы,
Терпѣлъ поносную, болѣзненную смерть.
Такъ терніемъ вѣнчанъ, висящій на крестѣ,
Умученъ умиралъ какъ страстный человѣкъ,
И вкупѣ пребылъ чуждъ страданія и смерти
Безстрастный божествомъ; (какъ въ жертвѣ Авраама
Закланіе пріялъ овенъ не Ісаакъ)
Такъ истинно воскресъ, межъ мертвыми свободь,
И смерти притупивъ убійственное жало
Вознесся ко отцу съ земли на небо неба,
И человѣчеству далъ славу Божества.
Се, тѣнь грядущаго Спасителя людей,
Іаковъ свѣтится незлобный, нелукавый;
Котораго Господь, по тайнамъ благодати,
Избралъ и возлюбилъ младенца въ ложеснахъ,
Не сущаго еще для зла и для добра.

Пріемля не вотще даему туне милость,
Онъ въ сердцѣ положилъ восходы къ совершенству,
И отъ плачевныя юдоли смертной тьмы
Ко свѣту высился степенями любви,
И свыше укрѣпленъ востекъ отъ силы въ силу,
Доколѣ Самъ къ нему съ небеснаго Сіона
Сошелъ—и чистому явился, Богъ боговъ.
Онъ посланный Отцемъ въ далекую страну
Изъ рода праведныхъ взыскать себѣ невѣсту,
Достойную раждать благословенно сѣмя,
Въ которомъ процвѣтетъ спасеніе земли,
Онъ брата-недруга предутоляя гнѣвъ,
Творится волею изгнанникъ изъ отчизны;
Изъ дома отчаго, кипящаго богатствомъ,
Единъ, безъ помощи, исходитъ въ нищетѣ.
Но спутствуетъ ему премудрость съ высоты;
На правыя стези наставивъ друга правды,
Она ему дала святыхъ высокій разумъ
Познать и испытать, что тѣсный путь скорбей
Преводитъ странниковъ съ земли на небеса.
Она и Божіе ему открыла царство,
Для коего Самъ Богъ отъ вышнихъ снидетъ долу,
Истнитъ надъ смертными владычество грѣха,
И правду воцаритъ въ ихъ мысляхъ и сердцахъ,
И паки къ небесамъ присовокупитъ землю
Какъ область отъ Его отторженну державы,
И мщеніе свершитъ надъ хищникомъ-врагомъ.

Се идетъ праведникъ по собственной землѣ
Въ наслѣдство вѣчное ему отъ Бога данной,
Но жителямъ ея безвѣстенъ и отметенъ;

Лишенъ пристанища и странствомъ утружденъ,
Онъ камень положилъ въ возглавіе себѣ;
Возлегъ обнощевать на яснѣ, безъ покрова,
Сномъ тонкимъ воздремалъ — и сердцемъ бдящій
Богу,
Отъ Бога посѣщенъ видѣніемъ во снѣ.
Онъ зритъ: -се лѣствица возвысилась предъ нимъ,
Стояща на земли главой коснулась неба,
И Ангелы съ небесъ, его покоя стражи,
Степенями ея нисходятъ до него,
И паки отъ него восходятъ въ высоту;
Онъ взоры къ небесамъ по лѣствицѣ простеръ:
Самъ Вышній на ея превыспренней вершинѣ
Предсталъ—и на него приникъ очами долу,
Какъ будто цѣлый міръ оставивъ для него
Всѣмъ промысломъ своимъ печется лишь о немъ;
Самъ силы своея щитомъ необоримымъ
Его пріосѣнилъ отъ будущихъ напастей,
И мужествомъ облекъ—и съ нимъ поставилъ вновь
Тотъ вѣчный вѣчнаго спасенія завѣтъ,
Который завѣщалъ со клятвой Аврааму
И въ тысящи родовъ сынамъ его отъ вѣры.
Услышавъ Божій гласъ, узрѣвъ Его лице,
Отъ сна, притрепетенъ, Іаковъ воспрянулъ;
И домомъ Божіимъ, небесными вратами,
Покоя своего провозглашая мѣсто,
Возглавный камень свой воздвигнулъ къ высотѣ,
Поставилъ въ памятникъ видѣнія чудесъ,
Помазалъ въ жертвенникъ явившемуся Богу,
И тайны своея премудрости превѣчной

Явившему его душевнымъ очесамъ.—

Такъ Слово, Божій Сынъ, словесныхъ естество,
Подвигся самъ взыскать далекое грѣхами,
Взыскать и обручить себѣ въ невѣсту чисту;
Богатый полнотой всѣхъ отчихъ совершенствъ;
Отъ щедраго Отца, сокровища благихъ,
Въ одеждѣ смертности исходитъ нищъ на землю,
Во образѣ раба вселенныя Владыка.
Творца въ смиреніи міръ гордый не позналъ,
Творецъ пришелъ къ своимъ, отвергли и свои;
Въ пути по терніямъ труждался онъ какъ стран-
никъ,
Всѣхъ всюду ущедрялъ, и самъ лишался крова
Куда бы приклонить возмогъ свою главу;
Доколѣ совершилъ пришельствіе свое,
И въ гробѣ каменномъ, за грѣхъ всемірный жертва,
Сномъ смерти опочилъ по подвигѣ страданій:
И гробъ свой освятилъ Всевышнему въ олтарь.
Онъ ставъ посредникомъ средь Бога и людей,
Воздвигся въ лѣствицу между земли и неба:
Самъ нижняя степень—сошествіемъ до плоти,
Самъ верьхъ ея горѣ—единствомъ со Отцемъ.
Бывъ меньшій Ангеловъ какъ смертный человѣкъ,
Слугами ихъ творитъ служить своимъ клевретамъ,
Спасенія его наслѣдникамъ избраннымъ,
Къ нимъ милости носить небеснаго Отца,
Къ Отцу прошенія земныхъ Его сыновъ.
Онъ силою своей расторгнулъ узы смерти,
Восталъ—и на себѣ создалъ неразрушимо
Изъ вѣрныхъ на земли духовный Богу домъ;

И затворенныя небесныя врата
Возшествіемъ своимъ отверзъ для земнородныхъ.
Се сынъ Израиля Іосифъ богомудрый,
Сынъ старости его и лучшей изъ супругъ,
Любезнѣйшій отцу изъ всѣхъ его сыновъ
За свѣтлую его межъ братій добродѣтель,
Прекрасный образомъ, прекраснѣйшій душею,
Прошедъ нижайшую смиренья глубину,
Вознесшись отъ нея на высоту честей,
Въ себѣ прообразилъ страданіемъ и славой
Все вѣры таинство, сугубое въ единствѣ.
Онъ доброе избравъ отъ юности своей,
Всѣмъ сердцемъ распалясь въ божественну любовь,
Процвѣлъ во цвѣтѣ дней дарами благодати:
Онъ зрѣлъ въ гаданіи небесныхъ сновидѣній
Сужденную ему надъ братіями власть;
Повѣдалъ братіямъ въ сердечной простотѣ;
И завистью ихъ грудь глубоко уязвленна
Къ любимому отцемъ исполнилась враждою,
И слова мирнаго не стало въ ихъ устахъ.
Но сынъ незлобія мстилъ дружбою врагамъ;
И се, къ отсутственнымъ, влекомый чувствомъ братства,
Родительской любви усердный къ нимъ посланникъ,
Спѣшитъ въ далекій путь—да ихъ возвеселитъ
Благословеніемъ отъ нѣжнаго отца;
Спѣшитъ—но братія (не братія—злодѣи)
Узрѣвъ его вдали неистовствуютъ гнѣвомъ,
И ядомъ зависти кипящіе въ сердцахъ
Стремятся, буйные, смѣясь судьбамъ небесъ,

Убійствомъ предварить его надъ ними область.
На тихаго птенца напали змѣи люты,
И ризу пеструю—которою отецъ
Торжественно явилъ свою къ нему любовь —
Съ раменъ его сорвавъ, невиннаго страдальца
Во мрачный, тощій ровъ ввергаютъ гибнуть гладомъ:
Но скоро измѣнивъ сей злобы ихъ совѣтъ,
Его изъ пропасти изъявъ для вящшихъ бѣдствъ,
Имъ, кровію своей, творятъ ужасну куплю,
И брата продаютъ въ раба иноплеменнымъ;
А ризу пеструю, раздравъ, окровавивъ,
Приносятъ ко отцу да зритъ и познаетъ:
Позналъ—и возрыдалъ объ отрокѣ сладчайшемъ,
Погибшемъ отъ зубовъ неистоваго звѣря;
Но отрокъ не погибъ:—онъ родины, отца,
Всѣхъ жизни радостей, всего лишился въ мигъ,
Но Вѣчный пребылъ съ нимъ оставленнымъ отъ смертныхъ,
И милостью ему сопутствовалъ въ Египетъ.
Тамъ юный праведникъ въ терпѣніи понесъ
Тяжелый рабскаго служенія яремъ,
И дружбы благодать обрѣлъ у властелина.
Онъ въ рабствѣ сохранилъ душевную свободу,
И адомъ на него хитросплетенну кознь,
(Да ложе брачное владыки своего
Присвоитъ обольщенъ супругой вѣроломной,)
Неблазный чувствами, расторгъ какъ паутину:
Трепещущъ согрѣшить предъ Божіимъ лицемъ,
Владыкѣ зломъ воздать за милости къ рабу,

Отвергъ прелестницу, стыдясь ея безстыдства,
И ризу ей свою влекущей въ сѣть соблазна
Оставивъ, убѣжалъ—и адъ препобѣдилъ,
Не давъ съ себя совлечь одежду чистоты.
Но наглая жена порокъ свой безобразный
На непорочнаго возвергла словомъ ложнымъ,
И солнце свѣтлыя невинности его
Затмилось тучею чернѣйшей клеветы.
И онъ, въ безмолвіи подъемля судъ неправды,
Столпъ цѣломудрія и мученикъ и слава,
Какъ скверный брака тать, безчестимъ, поносимъ,
Печали остріемъ пронзенный до души,
Оковами стягченъ, ввергается въ темницу.
Но съ нимъ сошедшая въ ровъ тощій и глубокій,
И спасшая его отъ прелестей грѣха,
Премудрость Божія, была и въ узахъ съ нимъ.
Онъ ею вдохновенъ мужался въ бурѣ бѣдствій,
И чаялъ не сомнясь спасающаго Бога;
Онъ ею вдохновенъ, стяжалъ и въ узахъ честь,
Провидѣлъ жребіи двухъ сплѣнниковъ своихъ,
И жизнь единому, и смерть прорекъ другому,
И самъ терпѣніемъ свою избавилъ душу:
Какъ зодчій воспріявъ величественну мысль
Воздвигнуть зданіе высоко до небесъ,
Въ началѣ всѣхъ трудовъ до сердца роетъ землю,
Да основаніе изъ камней неразсѣдныхъ
Сложивъ незыбкое въ подземной глубинѣ,
На томъ соорудитъ громаду столпостѣнъ.
Такъ Вышній, предъизбравъ Іосифа ко славѣ,
На тверди всѣхъ добротъ, смиреніи глубокомъ,

Высокое его величіе наздалъ,
Да не обрушится своею тяготой;
И лѣта многія, и многими бѣдами,
Избраннаго сего во благѣ утверждая,
Смирялъ, уничижалъ, и тако превознесъ.
Царю послалъ съ небесъ пророчественный сонъ,
И лишь Іосифу единому далъ разумъ
Въ немъ скрытыя прочесть временъ грядущихъ
тайны,
И царству возвѣстить обиліе и гладъ.
Прочелъ и возвѣстилъ—и промысломъ благимъ
Изъ тьмы узилища возносится внезапно
На свѣтлую степень близь царскаго престола,
И рабъ изъ рукъ царя пріемлетъ царскій жезлъ.
И се, одѣянный въ порфиру и виссонъ,
Высоко возсѣдящъ на царской колесницѣ,
Носящій на рукѣ златъ перстень фараона.
Златою гривною блестящій на груди,
Является какъ царь, и обтекая градъ
Отвсюду слышитъ кликъ: Египта повелитель!
И новымъ именемъ гремитъ: Спаситель міра! —
Спасая племена отъ лютыхъ глада бѣдъ,
Пшеницу онъ собралъ во дни обильныхъ жатвъ
Подобну множествомъ песку при брегѣ моря,
И грады-житницы насыпалъ до вершины;
Во дни неплодія хранилища отверзъ,
И въ сытость препиталъ народы безъ числа,
И въ рабство притяжалъ Египетъ Фараону.
Тогда и судъ небесъ свершился проявленный:
Тогда и братія предатели его,

Невольно послуживЪ—страстей своихЪ рабы —
Возшествію его на высоту державства,
Поверглися предЪ нимЪ лицемЪ своимЪ на землю,
Молясь да утолитЪ снѣдающій ихЪ гладЪ,
И гибнущихЪ спасетЪ щедротою своей.
Тогда, избавившій народы чужеземны,
И собственный свой родЪ исторгЪ изЪ зѣва смерти,
ДалЪ чуждымЪ и своимЪ спасеніе и жизнь.
ОнЪ братію свою поверженну воздвигЪ,
И сердцемЪ умилясь, слезЪ токи проливая,
ОбЪялЪ, облобызалЪ—и плачь ихЪ неутѣшный
О злѣ ихЪ злобою умышленномЪ ему,
Утѣшилъ благостью и промысломЪ небесЪ;
КЪ себѣ ихЪ приселилЪ, ущедрилЪ ихЪ богатствомЪ,
И власти своея покровомЪ безнавѣтнымЪ
ПокрылЪ—да зла избывЪ почіютЪ во благихЪ,
И щастіемЪ цвѣтутЪ предЪ взорами его.
Тогда Іосифа обЪялЪ Израиль старецЪ,
И сердцемЪ сЪ нимЪ слился, и вЪ радость ожилЪ
духомЪ
И низко преклонилЪ на верьхЪ его жезла
Свою сѣдинами вѣнчанную главу;
И тако вЪ немЪ почтилЪ—грядущихЪ тайнозритель—
Величіе и власть Того владыкЪ Владыки,
КоторымЪ вся земля избавится отЪ зла,
И вся поклонится подножію Его.—
ТакЪ посланЪ кЪ братіи, кЪ заблуждшимЪ человѣкамЪ,
ІосифЪ мысленный, Спаситель истый міра,
СынЪ Бога вышняго, возлюбленный Отцу,

Какъ братъ ихъ посѣтилъ обиліемъ любви,
Пришелъ благословить преотягченныхъ клятвой,
Возвелъ ихъ къ истиннѣ ученій высотою,
И таинъ Божіихъ открылъ имъ глубину,
И Самъ, реченную словеснымъ всѣхъ вѣковъ,
Свою грядущую провозвѣстилъ имъ славу.
Но завистью гонимъ старѣйшинъ злобно гордыхъ,
За цѣну рабскую имъ проданный на смерть,
Безмолвенъ на судѣ при шумѣ злыхъ клеветъ,
Неправымъ Судіей за правду осужденный,
Всю кровь свою излилъ въ мученіи позорномъ.
Но Богъ не пострадалъ—лишь риза Божества,
Лишь человѣчество терзалося отъ мукъ;
Висящій на крестѣ, какъ судія всемірный,
Единаго изъ двухъ распятыхъ съ Нимъ злодѣевъ
Въ жизнь вѣчну оправдалъ по милости своей,
Другаго правдою на вѣчну предалъ смерть.
Самъ мертвый возлежалъ въ могильномъ, темномъ ровѣ,
Самъ къ узникамъ сошелъ въ темницу преисподню,
Изъ сѣни смертныя открылъ имъ къ свѣту путь;
Изшелъ изъ гроба живъ—и паки воспріялъ
На небѣ, на земли, всевластія державу.
Но кровный свой народъ (изъявъ изъ нихъ начатокъ)
За зло невѣрія оставилъ и отвергъ;
Къ язычникамъ пренесъ свой царственный престолъ,
И слова Божія размноживъ имъ пшеницу,
Въ жизнь вѣчну напиталъ ихъ алчущія души,
И силою своихъ божественныхъ даровъ
Отцу и Самъ Себѣ міръ дольній пріобрѣлъ.

А братія Его, истаевая гладомъ,
Еще упорствуютъ припасть къ нему съ мольбами,
И въ пищу отъ него пріять небесный хлѣбъ;
Но придутъ наконецъ, увѣруютъ въ Того,
Которому они теченіе ко славѣ
Умыслили препнуть убійствомъ беззаконнымъ,
И тѣмъ запечатлѣвъ пророчества о Немъ,
Явились, вопреки ихъ злобныя вражды,
Величію Его споспѣшники невольны.
Но придутъ каяся, оплачутъ горькимъ плачемъ
Жестокость, слѣпоту, сердецъ ихъ и умовъ;
И родъ Израиля, вѣнецъ племенъ земныхъ,
Увѣнчанъ милостью, и вновь усыновленный
Чрезъ Сына Божія Отцу Его и Богу,
Въ восторгѣ, въ торжествѣ, весь вѣрой обновленъ,
Со всей вселенною поклонится кресту. —
Пади, моя душа! предъ знаменьемъ священнымъ,
Которое дано отъ Бога человѣкамъ,
Да гнѣва Божія избѣгнутъ смертныхъ стрѣлъ;
Предъ коимъ Ангельскій благоговѣетъ ликъ,
Воспомнивъ что на немъ, Царь славы воплощенный,
Въ щедротахъ, въ милостяхъ, богатый и великій,
Смиреніемъ себя умалилъ, истощилъ,
Да жизнь безгрѣшнаго, закланная за міръ,
Для проданныхъ подъ грѣхъ искупомъ будетъ клятвы.
Пади, благодари, и радуйся со страхомъ
О дарѣ милости пріятомъ отъ небесъ,
Что далъ тебѣ Господь, въ безмолвіи нощномъ,
Внимать Его словамъ и поучиться въ вѣрѣ;

Что въ праотцахъ святыхъ о словѣ крестномъ
тайны,
Отъ многихъ малая, открывъ твоимъ очамъ,
Сподобилъ и тебя о немъ нѣмотствовать,
Таинниковъ Его ученьми вразумленна;
Что далъ тебѣ Господь, хвалить во гласѣ пѣсни,
Отъ вѣка чудное смотреніе Его,
Крестомъ возоживить словесныхъ мертвый родъ.—
Достоитъ величать Тебя, о Жизнодавецъ!
Который на крестѣ простеръ всемощны руки,
И крѣпкаго врага державу сокрушилъ.
Но смертный ли языкъ и бренныя уста
Величія Твои повѣдаютъ достойно?
Ты въ немощь естества влей силу благодати;
Да богомысліемъ питающійся умъ,
Въ слѣдъ вѣры правыя стремящійся къ Тебѣ,
Возможетъ избѣжать лжемудрія ловитвы;
Возможетъ, воспріявъ отъ церкви почерпало,
И ъ нѣдръ глубокаго писаній студенца,
Извлечь воды живой чистѣйшія струи;
И оной истинны испить небесну сладость,
Что крестъ, спасеніе повиннымъ смерти вѣчной;
Что крестъ во всѣхъ вѣкахъ, какъ древо живота,
Для смертныхъ приносилъ безсмертія плоды. —

НОЧЬ ВТОРАЯ.

Кончина закона Хрістосъ.

Рим: гл. 10. ст: 4.

НОЧЬ У КРЕСТА.

Еще, моя душа! воздвигнися изъ мрака,
И въ часъ полунощный, доколѣ дремлетъ утро,
Сонъ тяжкій лѣности оттрясшая отъ вѣждъ,
Урани, бодрая, на твой священный трудъ,
На дѣло пѣнія въ псалтири звонкострунной
О агнцѣ Божіемъ, закланномъ прежде вѣка
За всѣ во всѣхъ вѣкахъ грѣхи всея земли;
О славѣ благости и правды Божества,
О жертвѣ на крестѣ, которую издревле
Перстъ Божій прописалъ въ подобіяхъ чудесныхъ,
Когда Израилю, его спасеній Богъ,
Съ Синая завѣщалъ о жертвахъ свой завѣтъ.
Урани ко кресту—и воззови на небо,
Да снидетъ, какъ роса на жаждущую землю,
На мертвенность твою, жизнь жизни, благодать,
И дастъ твоимъ очамъ, отъявъ отъ нихъ покровъ,
Увидѣть чудеса грядущія вселенной
Во службахъ жертвенныхъ сѣновнаго закона,
Завѣтовъ Божіихъ проразумѣть союзъ
И вѣры тождество, единой въ обоихъ;
Узрѣть, при отблескѣ премудрости небесной,
Что въ ветхомъ новый скрытъ, и ветхій явенъ въ новомъ,
Что Сый, явивыйся во плоти на земли,
Вся измѣняющій премѣны всякой чуждъ,

Но тотъже, совершенъ, вчера и днесь и вѣчно.
Дерзай—внушилъ Господь твой вопль уничиженный,
Исполнилъ во благихъ желаніе твое;
И сѣнь свидѣнія раскрылась предъ тобой.
Со страхомъ приступи къ святилищу Господню,
Приникни, обозри—и мыслію высокой
Отъ тѣней возносись ко истиннѣ вещей,
И пой согласную степеней вѣры пѣснь.
Но первѣе познай—(да съ вѣрой несомнѣнной
Пріимешь отъ него путей Господнихъ тайны) —
Кто сѣнь соорудилъ вселенныя Творцу:
Кто въ сѣни, видами богослужебныхъ дѣлъ,
Для вѣрныхъ проявилъ, какъ притчами живыми,
Имущаго спасти Адамовъ родъ отъ клятвы?
Угодникъ Господа, кротчайшій изъ людей,
Надъ коимъ удивилъ Господь свои судьбы!
Онъ, взятый отъ воды—гдѣ тьмы равно невинныхъ,
Мучительствомъ на смерть до жизни осужденны,
Едва рожденные гробъ ранній обрѣли —
Отъ общей гибели избавился единъ;
Мучителемъ-царемъ на лоно воспріятый,
Возросъ какъ царскій сынъ на степеняхъ престола;
Но чести, роскоши, слагалися вотще
Да сердце юнаго уловятъ въ суету.
Онъ вѣрой ставъ великъ презрѣлъ великость міра,
И всѣ въ ничто вмѣнивъ сокровища Египта,
Избравъ облобызалъ безчестіе креста.
Пришельцу на земли явился Богъ небесъ,
Явился въ купинѣ горящей неопально,

И пастыря послалъ пасти народъ избранный,
Отъ волка исхитить драгихъ Его овецъ.
Онъ страшенъ въ знаменьяхъ, на гордаго потекъ,
И жезлъ въ его рукѣ—бичь казней для Египта.
Тамъ съ трепетомъ ему служила вся природа,
И мстила варварамъ за Божіихъ людей:
Тамъ рѣки потекли—не сладкою водой —
Но смрадными кровей дымящихся струями,
И жаждой возгорѣлъ Египетъ кровожадный.
Тамъ пруги тучами на воздухъ налегли,
Пожрали всякій плодъ, пожрали всякій злакъ,
И гладомъ изнуренъ изсохъ Египетъ тучный.
Тамъ жабы безъ числа, какъ рати страшной сила,
Изъ водъ произлились Египтянъ воевать,
И жабами вездѣ вскипѣла ихъ земля,
И нѣтъ ниже царю убѣжища отъ гадовъ.
Тамъ весь песокъ земный — претворшись въ насѣкомыхъ —
Весь ожилъ—да піетъ Египетскую кровь.
Тамъ струпами горя снѣдалась всяка плоть.
Тамъ тысящами жалъ глубоко изъязвленный
Отъ мухи слабыя ревѣлъ Египетъ сильный.
Тамъ смерть на пажитяхъ, свирѣпствуя въ стадахъ,
Несытая убійствъ насытила себя.
Тамъ огнь и градъ и дождь, вдругъ падали смѣшенны,
Въ дождѣ горящій огнь и градъ въ огнѣ не тающъ,
И трупами поля всхолмились къ облакамъ.
Тамъ тьма подземная, свѣтъ неба омрачивъ,
Густая, тяжкая, напала на Египетъ,
И три дни длилася ночь ужасовъ для злобы,

И тьмою ослѣпленъ, повергшійся во прахъ,
Египетъ издыхалъ отъ страха бѣдъ и золъ.
Тамъ гнѣва Божія посланникъ, Ангелъ лютый,
Прошедъ съ конца въ конецъ Египетскую землю,
Всѣхъ первенцовъ ея избилъ въ полнощный часъ,
Отъ гордаго Царя до нищихъ изъ рабовъ,
И весь возсѣтовалъ, восплакался Египетъ.
Тамъ сила Вѣчнаго прославилася въ смертномъ:
Онъ море чермное расторгъ своимъ жезломъ,
Онъ путь Израилю сквозь бездну проложилъ:
И пѣшъ, немокрыми и прашными ногами,
Средь влажной глубины Израиль шелъ къ свободѣ,
И воды огустѣвъ стояли по странамъ
Какъ двѣ высокія кристальныя стѣны.
Тамъ гордый Фараонъ со тысящьми, со тьмами,
Коней и колесницъ и всадниковъ избранныхъ,
Народа Божія гонитель и въ водахъ,
Волнами поглощенъ подъ безднoю погибъ. —
    Такою Моисей вѣнчался свыше славой,
Рабъ Бога вышняго, богъ дольній Фараона,
Ходатай ревностный межъ Бога и людей;
Чрезъ коего Господь, спасая свой народъ
Рукою крѣпкою и мышцею высокой,
Исторгъ изъ огненной, желѣзной рабства пещи;
Чрезъ коего Господь сказалъ изъ рода въ родъ
Сынамъ Израиля хотѣнія свои,
Сказалъ, когда для нихъ сошелъ на верьхъ Синая
Во облакѣ, въ огнѣ, въ величіи, во славѣ:
Тогда, весь воздухъ былъ отъ гула звучныхъ трубъ,
Какъ пещь горящая дымилася гора,

И туча рдяная, чреватая грозами,
Носилась надъ ея вершиной раскаленной;
И молніи съ высотъ, какъ огненны струи,
Лились по крутизнамъ ея кремнистыхъ ребръ;
И громы въ слѣдъ громовъ сугубили удары,
И вкругъ тряслась земля, и вкругъ дрожжало небо.
Тогда предъ Господомъ, во прахъ склонясь челомъ,
При страшныхъ зрѣлищахъ весь ужасомъ объятъ,
Израиль трепеталъ внимая гласу силы,
Какимъ ему Господь гремѣлъ свои уставы.
Тогда лишь Моисей, пристрашенъ бывъ и самъ,
Воззванный Господомъ дерзнулъ на верьхъ горы,
Во mракъ Божественный гдѣ Сый скрывался въ тайнѣ,
И тамъ лицемъ къ лицу предсталъ Владыкѣ твари,
И съ нимъ бесѣдовалъ устами ко устамъ,
И весь, внутри и внѣ, прославясь возблисталъ.
Четыредесять кратъ спускалось солнце въ бездну,
И слѣдъ его златый горѣлъ на небесахъ;
И праведникъ забывъ о бренности своей,
Отъ хлѣба не вкусилъ, отъ влаги не испилъ;
Но въ Бога умъ впѣривъ, и съ Нимъ сливаясь сердцемъ,
Глаголомъ Божіимъ однимъ питался въ сладость,
И свышней мудрости насытился даровъ.
Увидѣлъ на горѣ, въ видѣніи чудесъ,
Всю славу горняго Зиждителева храма,
Весь чинъ служенія безплотныхъ силъ предъ Вѣчнымъ,
Всю тайну страшную—смерть Бога на крестѣ! —
Всю тайну страшную спасенія людей.

Увидѣлъ—и пріявъ отъ Божіей десницы
Закона правоты священныя скрижали,
Устроилъ на землѣ по образу съ небесъ
И сѣнь свидѣнія и жертвы и жрецовъ,
И смертныхъ научилъ чтить Бога боголѣпно.
Но слѣпотствующимъ сердечными очами
Не смѣя обнажить трисолнечной зари,
Онъ чудный блескъ ея, до зрѣлости временъ,
Какъ облакомъ прикрывъ преображеній тайной,
Лишь искры истинны разсыпалъ имъ во мракѣ;
Но тверди звѣздныя сліянные лучи
Предъ сими искрами преходятъ въ темноту.
О велелѣпіе, достойное святыни!
Чудится взоръ и мысль художеству, богатству;
Блестящая внутри и златомъ и сребромъ,
И мѣдью твердая божественная сѣнь,
Красуется во кругъ цвѣтистой пестротою
Сцѣпленныхъ межъ собой опонъ ея широкихъ.
Тамъ блещущій виссонъ, багрѣюща волна,
Тамъ ткани тонкія отъ козіихъ власовъ,
Тамъ кожи овнія червленны и лазурны,
Тамъ крѣпость съ красотой связуются искуствомъ.
О коль величественъ видъ утварей святыхъ!
О коль пророчественъ священнодѣйствій чинъ!
Богъ неба и земли чествуется единый;
И чаемый съ небесъ, Мессія, искупитель,
Присущій силою во образахъ своихъ,
Въ дань Богу отъ людей святитъ животныхъ кровь;
Святитъ и для людей въ источникъ благодати
Да въ немъ отъ нечистотъ омоются грѣховныхъ.

Путь къ сѣни Божіей открытъ имъ для того:
Входить предъ Господа во дворъ Его святый,
Взирать и кланяться къ Его Святому храму,
При внѣшнемъ олтарѣ для жертвъ и всесожженій,
И къ милости склонять верховной правды судъ.
Единые жрецы, на коихъ изліянъ
Таинственный елей помазанія свыше,
Прагъ сѣни преступивъ дерзаютъ во святая,
Предъ Господа вносить людей Его мольбы,
И службы совершать по сану своему:
Предъ Господомъ вжигать свѣтильникъ седмисвѣтный,
(Отъ злата стебль его, и вѣтьви седмь отъ злата)
Предъ Господомъ курить сладчайшій ѳиміамъ
На злато-древяномъ, кадильномъ олтарѣ,
Изнесшемъ отъ угловъ четыре рога златы;
И хлѣбы чистые, живые теплотою,
Пшеницы сладкій тукъ, на златъ священный столъ,
Въ даръ жертвы предлагать предъ Господомъ щедротъ;
И къ Богу припадать предъ внутренней завѣсой,
Не смѣя далѣе ниже приникнуть взоромъ.
Туда, въ единый день, единъ великій жрецъ,
Вступаетъ съ трепетомъ предъ Божіе лице,
Съ молитвой о грѣхахъ и съ кровію завѣта.
Тамъ мѣсто страшное, Дабиръ, святыхъ святая!
Тамъ чудный таинствомъ свидѣнія ковчегъ,
Отъ древъ нетлѣющихъ, вкругъ златомъ обложенъ,
И Божіихъ писменъ вмѣщающій скрижали;
На немъ отъ злата кровъ—и Херувимы славы

Злашые, распростря широкія крилѣ,
Сооснѣняя кровъ зряшъ лицами въ ковчегъ;
И самъ невидимо на нихъ какъ на престолѣ
Царь славы возсѣдитъ—и гласомъ благодатнымъ,
Священныхъ слугъ своихъ священнѣйшей главѣ,
Являетъ таинства благихъ своихъ судебъ.

Такъ Вышній освятилъ святынею небесной
Селеніе свое средь сонма земнородныхъ;
И въ день торжественный, когда святая сѣнь,
Какъ домъ прибѣжища для грѣшныхъ отъ грѣха,
Левитовъ и жрецовъ священными руками
Межъ кущъ Израиля поставилась во станѣ,
Се облакъ огненный ее пріосѣнилъ,
И слава Божія исполнила ее,
Явилася и внѣ въ лучахъ свѣтлѣйшихъ солнца,
И вѣрныхъ озаривъ, открыла взоръ ихъ умный,
Прозрѣть иную сѣнь—не дѣло бренныхъ рукъ,
Но трудъ премудрости Зиждителя міровъ,
Гдѣ Богъ воистинну вселится въ человѣкахъ,
И будетъ имъ вѣщать въ отверстый слухъ сердечный,
И правды Своея научитъ ихъ судьбамъ.

Не сѣнь ли Божія вся церковь на земли?
Не части ли ея—избранные въ словесныхъ,
Союзомъ дружества взаимно сопряженны,
Пространны широтой божественной любви,
Какъ въ кущахъ странники, витающи въ тѣлахъ,
И златомъ доблестей украшенные свѣтло,
И покаянія носящи власяницу,
И кровію красны, за вѣру пролитой,

И ясны какъ лазурь надеждой горнихъ благъ?
Не въ ней ли истинна свои содержитъ тайны?
Не въ ней ли Духъ святый, свѣтило благодати,
На души вѣрныя ліетъ отъ полноты
Седми своихъ даровъ живительны лучи,
Да тьму ихъ просвѣтивъ, согрѣвъ ихъ къ жизни вѣчной,
Наставитъ ихъ на путь спасенія и славы?
Не въ ней ли хлѣбъ живый, снизшедый отъ небесъ,
И міру мертвому дарующъ нову жизнь,
И теплъ любовію ко грѣшникамъ наземнымъ,
Какъ жертву предложивъ себя за нихъ предъ Богомъ,
Спасаетъ души ихъ, питаетъ Божествомъ?
Не въ ней ли съ крестнаго святаго олтаря,
Отъ душъ распявшихся утѣхамъ чувствъ и міра,
И пламенемъ любви небесныя горящихъ,
Восходитъ къ Вышнему въ пріятную воню
Кадило сладкое хваленій и молитвъ?
Не въ ней ли Божіе, существенное Слово,
Вселившись, какъ въ ковчегъ, во плоть одушевленну,
Едину чистую отъ смертной тли грѣха,
И злата лучшую сіяніемъ добротъ,
Почіетъ въ таинствѣ, приступномъ токмо вѣрѣ?
О людяхъ, человѣкъ, ходатайствуетъ къ Богу,
Отцу совозсѣдитъ на тронѣ Божества,
И щедро богатитъ сокровищами благъ
Душевну нищету земныхъ и смертныхъ братій?
И силы горнія, съ благоговѣйнымъ страхомъ,
Зря въ человѣчествѣ Царя ихъ и Творца,
Не смѣютъ приникать глубокимъ ихъ умомъ

Смиренія Его въ неизмѣриму бездну;
Но падаютъ предъ Нимъ—и пѣснь хвалы немолчной
Спасителю поютъ на небѣ, на земли.
Воздвиглась скинія—и съ шумомъ празднества
Предъ Господа потекъ ликующій Израиль;
И жертвы предъ олтарь, отъ чистыхъ безслове-
сныхъ,
Къ закланію ввелись: ораmели-волы,
И агнцы кроткіе, и мирныя изъ птицъ:
(Да чтитель Божества научится отъ жертвы
Пастись на пажитяхъ незлобія и мира,
И ниву своея воздѣлывать души,
И духомъ отъ земли парить на небеса.)
Оттолѣ воспріялъ, по заповѣди свыше,
Владычество свое законъ священнодѣйствій:
Се Бога Вышняго священникъ Ааронъ,
Среди своихъ сыновъ, священниковъ по немъ,
Межъ Бога и людей общенія посредникъ,
Грядетъ къ святилищу, да жертвы по завѣту,
Приноситъ за себя, приноситъ за народъ.
Грядетъ одѣянный священства красотой:
Одежда долгая отъ бѣлаго виссона,
И риза верхняя со звономъ на ометѣ,
Небесной синевы имѣющая блескъ,
И чудный свѣтлою нарамникъ пестротой
Отъ злата, синеты и яркой багряницы,
Весь станъ его покрывъ, стягаются при персяхъ
Широкимъ поясомъ злашистымъ и цвѣтнымъ.
Рядами на груди, дванадесять числомъ,
Всего Израиля собою знаменуя,

Сверкая свѣтятся драгіе блескомъ камни,
И слово судное слагается изъ нихъ;
На словѣ по странамъ златыя писмена
Вѣщаютъ разуму о свѣтѣ съ совершенствомъ.
Блестятъ на раменахъ два цѣнные смарагда,
Носящи на себѣ, по равному числу,
Ваянны имена Израильскихъ колѣнъ.
Почіетъ на главѣ священное увясло,
И златомъ тройственнымъ, плетеннымъ по лазури,
Вѣнчается вокругъ—и прямо надъ челомъ
Златою дщицею красуется спреди,
На коей Божія написана святыня,
Въ томъ имени Его включенная великомъ
О немъже смертнаго безмолвствуютъ уста.
Такимъ величіемъ украшенный отвнѣ,
Въ сей ризной лѣпотѣ читалъ первосвященникъ
Какія внутренни духовныя доброты
Должны преукрашать его высокій санъ:
Невинность житія, желаній высота,
О вѣрѣ проповѣдь, немолчная для вѣрныхъ
Въ безмолвіи самомъ примѣра гласомъ сильнымъ,
И цѣломудріемъ связаніе страстей,
И свѣта истинны сокровище въ умѣ,
И въ сердцѣ къ ближнему любови совершенство;
И подвигъ пастыря:—усердіемъ нелестнымъ
Пасомыхъ имъ овецъ носить въ своей груди,
Терпѣньемъ до конца носить на раменахъ;
И помнить, воспріявъ святительство святое,
Что Богу одному принадлежитъ святыня,
Что всякій человѣкъ собою грѣхъ и тьма,

И помня воздавать смиреніемъ за даръ.

Такими чувствами внутрь сердца преисполненъ,
Между жрецовъ иныхъ, виссономъ облеченныхъ,
Блистающъ какъ луна межъ сонма свѣтлыхъ звѣздъ,
Въ долгъ сана своего вступилъ великій жрецъ.
Вступилъ—и за людей ліется кровь животныхъ,
И жертвы разныя приносятся различно,
И образуется единая во всѣхъ,
Та жертва вѣчная всемірныя хвалы,
Которою Творецъ прославится достойно,
И тварь словесная искупится отъ клятвы,
И небо милостью преклонится къ землѣ.

Се вводитъ Ааронъ тельца ко олтарю,
Да всесожженіемъ умилоститъ Бога,
И дань воздавъ Творцу отъ тварей благодарныхъ,
Даръ новый низведетъ щедротъ Его на нихъ;
И въ пеплъ истнивъ приносъ принесшимъ дастъ урокъ,
Что всяко бытіе ничто предъ Самобытнымъ.
И се, предъ Господомъ заклавъ избранну жертву,
И окрестъ на олтарь кровь теплу проліявъ,
И тѣло съ туками отъ кожи обнаживъ,
Омывъ отъ нечистотъ и раздробивъ на части,
На кажду изъ частей посыпавъ соль завѣта,
Всѣ части до одной возноситъ на олтарь;
И къ нимъ привозложивъ безкровный Богу даръ,
Сомленную во прахъ чистѣйшую пшеницу,
Съ елеемъ смѣшанну исцѣженнымъ отъ маслинъ,
И сверьху возліявъ, кровь гроздія, вино,
Вершитъ молитвами таинственный обрядъ.

Молитвы востекли въ храмъ Божій пренебесный,
И слава Божія сошла на сѣнь святую;
И огнь отъ Господа, какъ молніи стрѣла,
Палъ съ неба на олтарь, и все на немъ возжегъ,
И вся воспламенясь испепелилась жертва,
И дымъ ея возшелъ до выспренняго свода,
Благоуханія предъ Господомъ воня.
Симъ чудомъ Вышняго Израиль пораженъ
Повергся на лице и Вышнему далъ славу.
Сей чудный свышній огнь отщолѣ непрестанно
Питаемый всегда, пылалъ на олтарѣ,
И жертва всякая всѣхъ Божіихъ людей
Лишь имъ возжженная святилася предъ Богомъ.
Такъ ревностнымъ огнемъ любви своей безмѣрной
Къ небесному Отцу и къ братіямъ земнымъ,
Сынъ Божій Самъ Себя на крестномъ олтарѣ
Какъ жертву всесожегъ за міръ грѣху повинный,
И Самъ Себя всего, за смертныхъ осужденныхъ,
До смерти истощилъ предъ правдой Судіи.
Такъ кровь свою за нихъ единожды проливъ,
За нихъ на всякій день приносится безкровно,
Видъ хлѣба и вина закровъ свой полагая,
Имъ вѣчной милости ходатайствуя даръ.
Такъ духа отъ Отца не въ мѣру воспріявъ,
Сей радости елей ліетъ своимъ избраннымъ,
Свѣтъ, пищу, врачевство, помазаніе въ славу.
Такъ щедрою рукой имъ сыплетъ благодать,
Завѣта новаго божественную соль,
И ею отъ грѣха хранитъ ихъ души цѣлы.
Такъ съ неба Самъ сошелъ, и огнь повергъ на землю,

И въ жертвы Божеству возжегъ сердца людей.
Се вводитъАаронъ тельца ко олтарю,
Да жертвой о грѣхѣ невольно согрѣшенномъ
Испроситъ грѣшникамъ прощенія пощаду.
Се старцы, возложивъ ихъ руки на тельца,
Сердцами признаютъ предъ Богомъ правоты,
Что цѣлый сонмъ людей за грѣхъ повиненъ смерти.
И се предъ Господомъ заклавъ избранну жертву,
Кровь теплуАаронъ ліетъ у олтаря,
И токмо тукъ единъ, отъ тѣла отдѣливъ,
Возноситъ на олтарь горѣть огнемъ священнымъ;
А тѣло давъ жрецамъ да въ пеплъ сожгутъ внѣ стана,
Самъ чашею златой отъ крови почерпнувъ,
Грядетъ въ святилище—безмолвенъ въ тишину—
И ставъ предъ внутренней завѣсою святыни,
Седмижды омочивъ свой перстъ въ кроваву чашу,
Седмижды кровію предъ Господомъ кропитъ;
Взливаетъ жертвы кровь на роги олтаря
Отколѣ ѳиміамъ благоухаетъ Богу,
И проситъ—да Господь, сѣдяй на херувимахъ,
На жертву обратитъ виновнымъ должну казнь
И славу своего откроетъ имъ лица.
Такъ жертву о грѣхѣ, (которымъ во Адамѣ
Невольно согрѣшилъ преступный родъ словесныхъ,
Который волею размножилъ безъ числа,)
Сынъ Божій плоть свою, природы смертной тукъ,
Предавшій на крестѣ огня лютѣйшимъ мукамъ,
Внѣ града пострадалъ—и роги древа клятвы
Своею кровію невинной омочивъ,

На кротость преложилъ гнѣвъ страшный Божества.
Такъ кровію своей, до капли пролитою,
Подвигнувъ преклонилъ Царя къ рабамъ строптивымъ,
Подвигнувъ преклонилъ оставить имъ вины,
За кои Онъ на немъ—на сынѣ за враговъ —
Карая утвердилъ свою державну руку.
Такъ кровію своей, людей своихъ избранныхъ,
Седмижды въ таинствахъ таинственно кропя,
Отъемлетъ всякое нечестіе ихъ душъ,
И святость имъ даетъ, и дарствуетъ имъ силу,
Да въ слѣдъ Распятому, внѣ суетнаго міра,
Его носящіе поносный міру крестъ,
Исходятъ, чуждые жилища на земли,
Но въ небѣ вѣчнаго взыскующіе града;
И смѣютъ приступать къ престолу благодати,
Гдѣ милость хвалится на праведномъ судѣ. —
Се агнца Ааронъ привелъ ко олтарю,
Да вольной жертвою спасенія и мира
Преклонитъ Божество призрѣть на человѣка;
Спасти и умирить свою словесну тварь
Изъятіемъ отъ золъ, поданіемъ благихъ,
Исполненный обѣтъ пріять благоутробно.
И се предъ Господомъ заклавъ избранну жертву
И кровь спасенія проливъ у олтаря,
Лишь туки отдѣливъ сжигаетъ на огнѣ
Да будутъ Господу воня благоуханна;
А плоть закланія, безтучну и безкровну,
Служащимъ олтарю удѣлъ отъ олтаря,
Принесшему даетъ—да жертвенный свой даръ

Своими вознесетъ предъ Господа руками,
Да вкупѣ со жрецомъ свершивъ священнодѣйство
Часть жертвы потребитъ, въ свидѣтельство себѣ
Что жертва Господу о немъ принесена,
Что жертвой Господа почтивъ благоугодно
Спасется онъ отъ бѣдъ, благословится миромъ,
И новой милостью ущедрится съ небесъ.
Такъ агнецъ кротости, сынъ Бога и Отца,
Закланный на крестѣ, за грѣшниковъ безгрѣшный,
Сталъ жертвою о нихъ спасенія и мира;
И въ рогъ спасенія воздвигнулъ имъ свой крестъ,
Которымъ прободенъ адъ лютый изнемогъ
И трепетенъ пустилъ изъ челюстей добычу.
Царь мира для людей, спасенія начальникъ,
Онъ, гласомъ Ангеловъ, въ рожденіи своемъ
Землѣ благовѣстилъ спасеніе и миръ,
Онъ ей спасеніе содѣлалъ на Голгоѳѣ,
Онъ миръ ей даровалъ воставъ отъ сна во гробѣ.
Онъ милость вѣчную изливъ на смертныхъ родъ,
И днесь таинственно за нихъ бывая жренъ,
Своею кровію спасаетъ ихъ отъ гнѣва;
Имъ плоть свою даетъ — негиблющее брашно —
Да ею обожась воспомнятъ вновь и вновь,
Что кровь Его за нихъ струилась со креста,
Что плоть Его за нихъ дробилась отъ мученій,
Что Богу примирясь чрезъ смерть Его едину,
Его безсмертіемъ спасаются они.
Се грѣшника предъ сѣнь приводитъ Ааронъ,
Проказы на себѣ носившаго заразу,
И оскверненнаго святитъ священнодѣйствомъ.

Объятый лютою болѣзнью нечистотъ,
Грызеніемъ ея израненъ, острупленъ,
Отгнанный отъ людей, отгнанный отъ святыни,
Гонящій самъ себя гніеніемъ и смрадомъ,
Онъ плача и стеня скитался внѣ полка;
Дни тяжкіе влача, отрады всякой чуждъ,
Взывалъ не престая на небо о пощадѣ.
Взыванія его услышались на небѣ,
И милосердія ему отверзлась дверь;
И вдругъ его составъ вновь здравіемъ процвѣлъ.
Потекъ предъ Господа страдалецъ благодарный,
Предсталъ святилищу, да въ радостномъ восторгѣ
Свою священнику покажетъ чистоту,
Даръ Богу принесетъ, и паки освященъ
Святому Божію соединится сонму.
От птицъ его приносъ, двѣ чистыя, живыя:
Единую на смерть обрекъ великій жрецъ,
И пролилъ кровь ея въ струю воды живой;
Другую омоча въ водѣ окровавленной
Со древомъ кедровымъ, съ волною и съ иссопомъ
На мужа воскропилъ—и свышнія цѣльбы
На немъ запечатлѣвъ явленну благодать,
Пернатую пустилъ, и живу и свободну,
Летѣть на высоту небесныя лазури;
И мужу чистому открылъ желанный путь
Въ сонмъ Божіихъ людей и къ дому Божества.
Такъ человѣчество отгнанное по правдѣ
Отъ дольняго рая, отъ выспренняго неба,
Отъ лика Ангеловъ, отъ Божія лица,
Проказою грѣха растлѣнное въ конецъ,

Скиталось въ ужасахъ плачевныя юдоли,
Добыча золъ земныхъ и злобы преисподней,
Доколѣ Божій сынъ сошелъ къ нему съ небесъ,
И смертныхъ тлѣющимъ облекшись естествомъ,
За грѣхъ ихъ положилъ свою безгрѣшну душу.
Онъ воду съ кровію, до сердца прободенный,
Изъ сердца источилъ—живительну струю—
И человѣчество кропленіемъ ея
Очистясь, исцѣлясь, спаслось отъ смерти вѣчной,
И пакибытіемъ возобновилось къ славѣ.
Онъ кровію своей креставшись на крестѣ,
Вознесся съ торжествомъ изъ гроба въ небеса,
Востекъ надъ Ангеловъ—и одесную Бога,
За трудъ спасенія погибшихъ человѣковъ,
Возсѣлъ, и воспріялъ божественный покой.
И человѣчество отъ бѣдствій на земли
Съ Нимъ вкупѣ вознеслось въ небесное блаженство;
Имъ чистое какъ свѣтъ, вселилось съ Нимъ во свѣтѣ,
Превыше горнихъ силъ, близъ трона Божества.
Се таинствомъ съ небесъ знаменнованный день,
Востекъ на высоту на быстромъ лѣта кругѣ
Къ недвижной вѣчности катящемся отъ вѣка;
День очищенія Израилю всему.
Стекается весь сонмъ ко Господу предъ сѣнь,
Смиряясь кается отъ сердца съ горькимъ плачемъ
О всѣхъ содѣянныхъ предъ Господомъ неправдахъ.
Предъ сонмомъ Ааронъ, скорбящимъ соскорбящъ,
Вступилъ въ священное служеніе свое,
Да жертвы принесетъ—и Господа благаго

Умолитъ о Его усвоенномъ народѣ,
По немощи своей попользшемся ко злу.
Онъ всесожженіемъ и жертвой о грѣхѣ
Очистивъ самъ себя предъ страшнымъ Богомъ правды,
Со страхомъ приступилъ къ ходатайству о людяхъ:
Взявъ двухъ козловъ отъ козъ за весь Господень сонмъ,
Предъ сѣнію святой поставилъ обоихъ,
И жребіемъ рѣшивъ ихъ участи различны,
Единаго заклалъ, оставилъ жизнь другому.
Онъ кровь закланнаго въ святилище внося
И съ нею ѳиміамъ въ кадильникѣ златомъ,
Дерзнулъ предъ Господа за внутренню завѣсу;
Но трепетенъ дерзнулъ—и дымомъ ѳиміамнымъ
Какъ облакомъ закрывъ отъ собственныхъ очей
Присутствомъ Божества таинственный ковчегъ,
(Да Господа на немъ узрѣвъ не узритъ смерти)
Онъ теплой кровію за сонмъ закланной жертвы
На очистилище седмижды воскропилъ,
И трепетенъ изшедъ предсталъ народу вновь.
Предсталъ—и на главу животнаго живаго
Онъ обѣ возложилъ свои священны руки,
И молится надъ нимъ, молитвой отъ души,
Предъ Богомъ благости, да милость Онъ свою
Пробавивъ удивитъ на кающемся сонмѣ;
И Богу благости, съ печалію сердечной,
Всѣ исповѣдуетъ грѣхи Его людей,
Самихъ и ихъ отцевъ, къ началу восходя

И всякій родъ и вѣкъ творя повиннымъ Богу.
Слагаетъ на главу живой за смертныхъ жертвы,
Падущую на нихъ съ карающихъ небесъ
За ихъ нечестіе проклятій тяготу;
А жертву предаетъ завесть въ пустыню дику,
Да возметъ на себя, въ непроходиму землю,
Всѣ беззаконія, неправды и грѣхи
Всѣхъ, мертвыхъ и живыхъ, Израиля сыновъ,
И гибнетъ тамъ за нихъ подъ мщеніемъ небеснымъ.
Но правда Божія надъ тварію ничтожной
Могла ли совершить судъ строгости ея?
Но всуе ли законъ ревнителямъ своимъ
Всегодно обновлять сію уставилъ жертву;
И тѣже вновь грѣхи воспоминать предъ Богомъ,
Вновь каяся Ему себя окаевать?
Не самый ли законъ ревнителямъ своимъ
О немощи своей свидѣтельствовалъ громко,
О немощи своей привесть ихъ къ совершенству?
Вѣщая гласомъ жертвъ: не можетъ кровь скотовъ
Словесныя души омыть нечистоту,
Не самый ли законъ своихъ питомцевъ слабыхъ
Какъ пѣстунъ приводилъ къ ходатаю въ защиту,
Да правду улучатъ лишь вѣрою въ Него?
Онъ въ дольній міръ входя рекъ Богу и Отцу:
„Ты жертвъ не восхотѣлъ закономъ приносимыхъ,
Ты тѣло мнѣ свершилъ себѣ въ достойну жертву,
И я иду страдать свершая Твой совѣтъ“ —
Онъ міра всѣ грѣхи взявъ волей на себя
Всю правды Божіей подъялъ нещадну строгость;
Ей въ жертву Самъ Себя предавъ за человѣковъ

Ихъ лютой злобою мучительно закланъ,
Онъ спасъ своихъ убійцъ—и сый благословенъ
Онъ сталъ за грѣшниковъ на древѣ крестномъ
клятва.
Но гнѣва Божія перунъ, грѣховъ отмститель,
Надъ правымъ разразясь угасъ въ его крови,
И грѣшники о Немъ благословились вновь.
Самъ жертва за грѣхи, Самъ жертвы сей свя-
щенникъ,
Онъ кровію своей, путемъ живымъ и новымъ,
Въ святилище вошелъ, не въ рукотворну сѣнь,
Но въ небо вышнее, въ храмъ славы Божества,
Гдѣ всяческихъ Творца премудрость, благость, сила,
Сліянными свѣтясь красотъ своихъ лучами,
Въ чистѣйшій міръ духовъ льютъ радости восторгъ;
Гдѣ Сущій отъ Себя, самъ всяческихъ Творецъ,
Единый въ Троицѣ и троичный въ единствѣ,
Во свѣтѣ возсѣдитъ для тварей неприступномъ
И Самъ отъ вѣчности блаженствуетъ въ Себѣ.
Тамъ Божію лицу представъ своимъ лицемъ
Сынъ Божій воплощенъ, Спаситель человѣковъ,
И кровію своей — дражайшею цѣною —
На вѣки искупивъ отъ клятвы смертныхъ родъ,
Очистилъ совѣсть ихъ отъ мертвыхъ дѣлъ грѣха.
Предсталъ съ ходатайствомъ о грѣшникахъ Свя-
тому;
И тамъ священствуя священствомъ непреложж-
нымъ,
Приноситъ Вышнему молитвъ ихъ ѳиміамъ,
Приноситъ Вышнему ихъ дѣлъ усердну дань,

Приноситъ Вышнему сердецъ ихъ жертву живу,
Самъ молится о нихъ молитвою всесильной,
И свыше отъ Отца даръ правды совершенъ
Даетъ имъ на земли, и дастъ на небесахъ
Блаженства вѣчнаго даяніе благое.
Толь живо, видомъ жертвъ, тождественно различныхъ,
Въ законѣ прописалъ Мессію Моисей;
Но Сына Божія для Божіихъ сыновъ
Онъ ясно предъявилъ и первѣе закона,
Когда установилъ въ тебѣ, Египетъ! пасху,
Предъ страшной нощію, въ которую Господь,
Карающій тебя, прошелъ твою страну;
Когда вострепетавъ твои бездушны боги
Предъ Богомъ истиннымъ духовъ и всякой плоти
Низверглись, рушились—и вихремъ возмятенъ
Въ воздушной пустотѣ разсѣялся ихъ прахъ;
Когда ты возрыдалъ о первенцахъ несчетныхъ
Невидимой рукой внезапно убіенныхъ,
И скорбію скорбя утѣшиться не могъ,
И страха устрашась грядущихъ вящшихъ каръ,
Извергъ Израиля изъ рабства на свободу.
Предъ страшной нощію твоей послѣдней казни,
Рабъ вѣрный Господу во всемъ Его дому,
Отъ Господа пріявъ далъ заповѣдь своимъ:
Да возмутъ по домамъ овча единолѣтно,
Домъ каждый для себя—полъ мужескъ, безъ порока,
Заколютъ къ вечеру, и кровію его
Помазавъ на дверяхъ и праги и столпы,
Огнемъ да испекутъ закланное животно,

И съ горькимъ зеліемъ, съ безвкуснымъ, тощимъ
хлѣбомъ,
По сонмамъ да снѣдятъ въ таинственной нощи,
Но кости отъ него не рушатъ ни одной.
Поспѣшно да снѣдятъ—жезлы въ рукахъ имѣя,
И обувь на ногахъ, и поясы о чреслахъ,
И образъ странниковъ готовыхъ въ дальній путь;
И въ нощь отмщенія за праги ихъ домовъ
Ступить да не дерзнутъ да не умрутъ съ врагами.
Исполнилъ весь народъ всю заповѣдь Господню
И спасся посреди безчисленныхъ смертей;
Во гнѣвѣ бо Господь Египетъ проходя
Все множество избилъ Египтянъ первородныхъ,
Но милостью покрылъ людей своихъ гонимыхъ;
Кровь пасхи своея увидѣлъ на дверяхъ,
И домы низменны своихъ смиренныхъ чадъ
Минулъ—не попустивъ проникнуть въ нихъ убій-
ству.
Взыгралъ веселіемъ о Господѣ Израиль
Средь плача общаго Египетской земли,
И въ праздникъ освятилъ своей избавы день.
Такъ пасха истая, Мессія, агнецъ Божій,
Себя за грѣшниковъ жертвопринесшій Богу,
Единый въ смертности чистъ, непороченъ, святъ,
Какъ сила отчая полнъ мужества въ себѣ,
Своею кровію избавилъ земнородныхъ
Отъ рабства Князю тьмы, отъ узъ грѣховныхъ
тяжкихъ,
Отъ гнѣва Божія, который, обходя
Обходитъ съ казнію подсолнечну страну

Въ нощи нечестія лежащую безпечно,
И вѣчной смертію мертвитъ словесны души,
На коихъ, по святымъ Святѣйшаго судьбамъ,
Кровь агнца Божія не канула съ креста.
Лишь агнецъ сей единъ отчаяннымъ надежда:
Онъ язвенъ, прободенъ руками беззаконныхъ
Весь плотію изгибъ, весь кровію истекъ,
Но кость (здѣсь таинство) не сокрушилась въ Немъ.
Онъ, правдою небесъ, претящей міру адомъ,
Невѣдѣвшій грѣха вмѣненный въ грѣхъ за грѣшныхъ,
Во цвѣтѣ дней своихъ, въ скончаніи временъ,
Закланъ—и воспріявъ судъ міра на себя,
Собою защитилъ отъ казни осужденныхъ.
Онъ пасха Божія, спасительная міру,
Испекся на крестѣ мученія огнемъ,
Смерть горькую вкусивъ за чуждые грѣхи,
Сталъ грѣшникамъ своимъ безсмертной жизни пища;
Питая ихъ собой, въ себя ихъ претворяя,
Скудельныхъ, смертностью одѣянныхъ еще,
Творитъ ихъ Божію причастныхъ естеству.
И вѣрные земли, достойные по вѣрѣ
Снѣдать небесную, божественную пасху,
Вкушаютъ отъ нея, очистивъ домъ души
Отъ кваса ветхаго пороковъ и страстей;
Вкушаютъ съ горестью раскаянія въ сердцѣ
О всѣхъ, до помысла, винахъ своихъ предъ Богомъ,
Вкушаютъ не косня въ теченіи своемъ
Отъ странствій по землѣ къ отчизнѣ въ небесахъ;

О чреслахъ мысленныхъ имѣя поясъ вѣру,
Давъ склонностямъ души (которыми ко благу
Стремится по пути волчцевъ и терній зла)
Какъ обувь крѣпкую смиреніе, любовь;
На твердый жезлъ креста надеждой возлегая,
И живо чувствуя въ восторгѣ благодарномъ
Распятаго за нихъ страданія и смерть.
Закономъ вразумленъ Израильскій народъ
Въ великомъ таинствѣ грядущаго Мессіи,
Зрѣлъ истинну сію—залогъ блаженства міру —
(Да глубже внѣдрится она въ сердцахъ людей,
И вѣру оснуетъ незыблемую въ нихъ)
Богоявляему въ событіяхъ съ нимъ дивныхъ,
Когда онъ шествовалъ сквозь дикую пустыню
Къ предѣламъ радостнымъ желанныя земли;
Когда, невидимо водительствуя имъ,
Спасалъ его Господь рукою Моисея,
И множилъ чудеса таинственны и страшны:
Дня знойнаго въ пути понесшій тяготу
Израиль возжаждалъ среди безводныхъ мѣстъ,
И воплемъ возопилъ къ угоднику Господню
Да чудомъ угаситъ его палящу жажду.
Рабъ Господа призвалъ, и внялъ Господь рабу,
И славой превознесъ смиреніе его.
Вождь сонма предъ лицемъ избранныхъ сонма старцевъ,
Предъ Господомъ самимъ, взявъ жезлъ свой чудотворный,
(Которымъ поразивъ пучину онъ разсѣкъ)
Чудесной силою на подвигъ облеченъ,

Ударилъ симъ жезломъ въ Хоривскій твердый камень,
И съ шумомъ полились изъ ребръ его кремнистыхъ,
И быстро потекли, въ пустынѣ токи водъ,
Прозрачны какъ кристалъ и сладостны какъ медъ.
Израиль съ ужасомъ и съ радостью и съ вѣрой
Прославилъ Господа присущаго въ немъ силой;
И спѣшно устудивъ прохладой питія
По жиламъ у него кипящей крови жаръ,
Новъ жизнію потекъ въ страну обѣтованну,
По скорбному пути веселыми ногами,
Хвалясь о Господѣ помощникѣ въ скорбяхъ.
Такъ долго на земли, въ пустыни житія,
Родъ смертныхъ заблуждалъ внѣ родины небесной,
Томился жаждою существеннаго блага,
И въ жаждѣ бы погибъ и палъ бы въ бездну золъ;
Когда бы не Господь злощастному помогъ.
Онъ самъ къ нему сошелъ спасти его собою;
Онъ крестъ избравъ себѣ въ орудіе на подвигъ,
Отъ злобы адскія ко древу пригвожденъ,
Симъ древомъ поразивъ расторгъ, разрушилъ адъ.
Онъ въ ребра копіемъ, какъ камень, пораженный,
Для смертныхъ гибнущихъ излилъ преизобильно
Неизсякающи безсмертія струи;
И смертные піютъ—и чуственныхъ страстей
Духовнымъ питіемъ гасятъ свирѣпый пламень;
И мирны, радостны, новосозданны сердцемъ,
Стезями трудными скорбей, страданій, мукъ,
Сквозь мертвую страну текутъ къ землѣ живыхъ.
Палъ Богу своему народъ нетерпѣливый,

Израиль, первенецъ между народовъ міра,
Котораго Господь въ наслѣдіе Себѣ
Избралъ—и милостьми ущедривъ увѣнчалъ:
Онъ странствіемъ своимъ, помалу многолѣтнымъ,
Стуживъ, негодовалъ о тягости пришельства;
О легкой тягости, зане Господь былъ съ нимъ,
И облакомъ во дни, и нощію огнемъ
Предшествовалъ ему въ пустыни непроходной,
И хлѣбомъ Ангельскимъ питалъ его обильно,
И промысломъ своимъ носилъ превыше бѣдъ,
Какъ носитъ на крилахъ птенцовъ своихъ орелъ.
Онъ странствіемъ стуживъ, нечувственный предъ Богомъ,
Все множество забылъ Его благодѣяній,
Ниже воспомянулъ силъ, знаменій, чудесъ,
Содѣянныхъ Творцемъ спасающимъ его.
Онъ сердцемъ похотѣлъ благъ чувственныхъ, ничтожныхъ,
И духа своего не могъ увѣрить съ Богомъ;
И низкой мыслію поникшаго ума
Въ Египетъ обратясь палъ въ буйство и мятежъ,
На Бога возроптал, восталъ на Моисея,
И свыше на себя навлекъ за дерзость кару.
Разжегся Божій гнѣвъ на сонмъ ропотниковъ,
И зміи огненны напавъ на нихъ въ стану,
Грызеніемъ своимъ жестокимъ, ядовитымъ,
Наносятъ ихъ тѣламъ глубоки, знойны язвы,
Наносятъ скорую, болѣзненную смерть.
Зря трупами своихъ уже усѣянъ долъ
Призналъ свою вину, раскаялся Израиль,

Ко Господу воззвалъ устами Моисея;
Отъ Господа прiялъ таинственну цѣльбу:
Услышавъ Моисей Всеблагости глаголъ,
Отъ мѣди слилъ змiю, вознесъ ее на знамя,
Воздвигнулъ предъ людьми—и всякъ отъ угрызенныхъ,
Носящъ уже въ крови змiиный смертный ядъ,
Привзникнувъ отъ земли, на мѣдяну змiю
Высоко средь полка висящую на древѣ,
Взоръ томный возводилъ—и вдругъ, чудесной силой,
Отъ язвы исцѣлясь, отъ смерти оживалъ.
Тогда избавленный возрадовался сонмъ;
Тогда и Моисей, въ пророческомъ восторгѣ,
Въ грядущихъ временахъ креста провидѣвъ тайну,
Воззвалъ къ спасаемымъ словесныхъ племенамъ:
,,Утѣшьтесь, смертные! вы узрите въ день благъ
Висящу вашу жизнь предъ вашими очами!"
Такъ праотца людей ужаливъ жаломъ смерти
Змiй древнiй угрызалъ весь родъ его по немъ;
Змiинымъ полчищемъ своихъ подземныхъ силъ
Въ пустынѣ смертности воюя человѣковъ,
Своимъ ихъ заражалъ неисцѣлимымъ ядомъ;
Себѣ подобными содѣлывая зломъ,
Къ себѣ ихъ привлекалъ въ погибель безъ конца.
Сынъ Божiй на земли сталъ сыномъ человѣка,
Плоть страстную прiялъ, подобную грѣховной,
Но чуждую грѣха, (какъ яда мѣдный змiй)
За грѣшниковъ на крестъ вознесся отъ земли;
И грѣшниковъ къ Себѣ, отъ пагубы предъ ними,
Отчаянныхъ привлекъ въ спасенiе и славу,

И свыше имъ излилъ цѣлебну благодать
Да змій имъ не вредитъ заразою своей.
Оттолѣ смертные, съ лица земнаго круга,
На древо крестное высокое до неба,
Возводятъ очеса съ надеждою въ душѣ;
Зрятъ Бога своего распятаго за нихъ,
И съ Нимъ соединясь любовію отъ вѣры,
Врачуются отъ язвъ грѣхомъ имъ наложенныхъ,
И духомъ возродясь, преходятъ съ торжествомъ,
Отъ смерти вѣчныя въ блаженну, вѣчну жизнь.
Въ законѣ жертвами, въ народѣ чудесами,
Рабъ Божій Моисей, избранный отъ изранныхъ,
Давъ міру падшему надежду стати вновь,
Сподобился еще, и самъ въ своемъ лицѣ,
Представить всѣмъ вѣкамъ, всему словесныхъ роду,
Спасителя земли величественный образъ.
Возлюбленъ Господу отъ дѣтства своего,
Призванъ въ посредники межъ Бога и людей,
Завѣта Божія ходатай земнороднымъ,
Онъ казнями казнивъ Египетъ жестосердый
Извлекъ Израиля изъ звѣрскія страны,
Гдѣ рабствомъ отягченъ въ трудахъ онъ изнемогъ.
Онъ Божіихъ людей, мучителемъ гонимыхъ,
Спасая препровелъ сквозь чермную пучину,
Гдѣ люди Божіи, спасаемые имъ,
Въ него крестилися во облакѣ, въ водахъ;
Гдѣ силою своей, съ безславіемъ на вѣки,
Погрязъ и потонулъ Египетъ съ Фараономъ.
Онъ свыше власть пріявъ, Князь Божіихъ людей,
Судилъ имъ Божій судъ, далъ свышній имъ законъ

И въ ономъ полноту наземнаго блаженства;
Въ пустынѣ, на пути къ землѣ млека и меда,
Ихъ алчущихъ питалъ, ихъ жаждущихъ поилъ,
Чудесной пищею, чудеснымъ питiемъ.
Онъ древомъ претворилъ во сладость горьки воды:
Онъ ставшiй на горѣ, и въ крестъ простерты руки
При ревностной мольбѣ воздѣвшiй къ небесамъ,
Далъ мощь Израилю симъ знаменьемъ однимъ
Всю силу одолѣть злыхъ полчищъ Амалика.
Онъ къ братiямъ своимъ, подручникамъ строптивымъ,
Толь ревностну питалъ въ груди своей любовь,
Что сонму падшему предъ Господомъ во грѣхъ
Молитвой пламенной ходатайствуя милость,
Молился—да Господь, коль ихъ накажетъ гнѣвомъ,
Изгладитъ и его изъ книги своея,
Да съ тѣломъ гибнущимъ погибнетъ и глава.
Священствомъ облеченъ несредственно отъ Бога
Онъ Бога призывалъ—и сходное съ небеснымъ
Устроилъ Вышнему жилище на земли;
Священниковъ святилъ—и людямъ показалъ
Какъ Господу служить служенiемъ угоднымъ.
Онъ духа Божiя свидѣтельствомъ неложнымъ
Пророчествомъ великъ, грядущая прозрѣвъ,
Прорекъ плачевную Израиля судьбу,
Судьбу Израиля, увы! богоубiйцы.
Онъ въ тѣлѣ—верьхъ честей!—нарекся Боговидецъ,
Зрѣлъ Бога созади—не въ славѣ Божества,
Невмѣстной никому изъ созданныхъ существъ,
Но въ человѣчествѣ, въ смиренiи глубокомъ,

ВЪ которомЪ СамЪ ТворецЪ, по благости безмѣрной,
Со смертными пожить явится на земли.
ОнЪ таинство сіе Израилю всему
Вѣщая возвѣстилЪ, когда, исполнясь духа,
Приближась кЪ вѣчности, предЪ небомЪ и землею
Воспѣлъ торжественно свою исходну пѣснь:
„Тебѣ, избранный родЪ! отЪ крови твоея,
Пророка, какЪ меня, воздвигнетЪ БогЪ спасеній;
Того послушайся во всѣхЪ Его глаголахЪ,
И вЪ лѣта вѣчныя блаженство твой удѣлЪ;
Но гибель злой душѣ, которой тяжкій слухЪ
ПребудетЪ и тогда невходенЪ слову благу!"—
Но истинна рекла что равный Моисею
ПророкЪ не возникалЪ изЪ сущихЪ отЪ земли;
И кто же сей грядый, предЪ коимЪ Моисей
УмолкЪ—и лишь Ему внимать велѣлЪ всей твари?
Кто сей толь славимый?—Не Ты ли Сый отЪ вышнихЪ,
ПророкЪ всевѣдущій, пророковЪ торжество,
И Князь Царей земныхЪ и Царь всея земли,
Ходатай милости отЪ Бога человѣкамЪ,
Мессія, ІисусЪ, помазанникЪ, Спаситель?
Ты посланный ОтцемЪ спасЪ братію свою,
ОтЪ власти хищныя мучителя ихЪ душЪ;
Ты пагубой казнилЪ ЕгипетЪ преисподній,
Ты гордаго смирилЪ подземной Фараона,
Ты смертныхЪ свободилЪ стонавшихЪ подЪ ярмомЪ,
ПодЪ коимЪ ихЪ держалЪ земнаго вѣка богЪ,
ПодЪ коимЪ ихЪ томилЪ—безчестя родЪ ихЪ славный
ВЪ дѣлахЪ отЪ бренія постыдныхЪ и тяжелыхЪ.

Ты смертныхъ свободивъ, проводишь съ торже-
ствомъ
Сквозь воду новаго по духу бытія,
Сквозь воду, чермную отъ крови боготочной;
Гдѣ грязнутъ безъ числа, гонящіе ихъ совѣсть,
Ихъ тѣла и души мучители—грѣхи,
Гдѣ сила адская ввергается въ потопъ.
Ты смертныхъ свободивъ закономъ духа жизни
Отъ клятвъ, которыми законъ грѣха и смерти
Ихъ немощь поражалъ нещадно до конца,
Въ серцахъ ихъ возродилъ, мать доблестей, любовь.
Ты къ небу ихъ ведешь путемъ пустыни міра,
Твоя къ нимъ благодать, какъ столпъ огня и влаги,
Нисходитъ прохлаждать палящей страсти зной,
Нисходитъ просвѣщать померкшей мысли тьму.
Ты пища, питіе, душъ алчущихъ и жаждныхъ;
Ты горести для нихъ содѣлываешь сладки
Цѣлебной силою отъ древа—отъ креста;
Ты руки къ небесамъ воздѣлъ за падшій міръ,
Распятый на крестѣ, Царь правды, сильный въ
брани,
И знаменье Твоей надъ царствомъ зла побѣды
Рать злобную женетъ невидимыхъ враговъ,
Претящихъ Твоему избранному полку
Войти по подвигахъ въ покой обѣтованный.
Ты тако возлюбилъ Твоихъ сочеловѣковъ,
Ты тако возлюбилъ грѣхомъ растлѣнный родъ,
Что душу положилъ за грѣшниковъ свою
Что душу положилъ—смиренный, кроткій сердцемъ!
За дерзкихъ пререкать словамъ Твоимъ, о Слово!

За злобныхъ воздавать враждою за любовь.
Ты небомъ на земли Твою содѣлалъ плоть,
Святилищемъ живымъ, въ которомъ Вездѣсущій
Вселился существомъ витать межъ земнородныхъ.
Ты смертнымъ преизлилъ отъ святости Твоей
И церковь славную создалъ изъ нихъ Творцу,
Въ которой Онъ живетъ премудростью и силой;
Ты церкви славныя первосвященникъ вѣчный,
Ты Богу и Отцу—ставъ жертвой о грѣхахъ —
Единый на землѣ воздалъ достойну честь.
Ты смертныхъ вразумилъ—да кланяются Богу
Не въ дымѣ тучныхъ жертвъ, но въ истиннѣ и
въ духѣ,
Смиривъ и сокрушивъ сердца свои предъ Нимъ,
Познавъ и возлюбивъ Благаго красоту.
Ты тайны вѣдаешь превѣчнаго совѣта
О лѣтахъ, временахъ, несвѣдомыя тварямъ.
Ты жребіи людей хранишь въ Твоей рукѣ,
И царствъ земныхъ судьбы исходятъ отъ Тебя.
Ты міру показалъ пророчественнымъ словомъ
День страшный для него—погибели и жизни —
Когда, горящъ огнемъ, разрушится въ конецъ,
И весь испепелясь очистится отъ золъ,
И въ новой лѣпотѣ возникнетъ онъ изъ пепла;
День страшный Твоего пришествія во славѣ,
Когда услышится гласъ силы Твоея,
И мертвыхъ воззоветъ изъ тлѣнія на судъ,
На судъ предъ правдою всевѣдущей, всемощной;
Когда Ты на главы рабовъ Твоихъ послушныхъ
Возложишь царскіе нетлѣнные вѣнцы,

И Самъ ихъ возведешь въ соцарствіе Себѣ;
Когда Ты на главы рабовъ Твоихъ мятежныхъ
Обрушишь тяжкіе Твоихъ проклятій громы,
И бурей возмятешь и ввергнешь ихъ стремглавъ
На вѣчность въ огненну отчаянія дебрь.
Никто, кромѣ Тебя, нигдѣ не видѣлъ Бога;
Ты видишь всю всегда Зиждителеву славу,
Ты Самъ сіяніе сей славы въ полнотѣ,
Ты въ нѣдрѣ Бога Богъ, Ты въ лонѣ отчемъ Сынъ;—
Ты въ плоть вселивыйся, отъ дѣвы непорочну,
И человѣчеству спряженному съ Тобою
Далъ видѣть Божество какъ есть оно въ себѣ.
Ты, вѣрнымъ до конца, сподвижникамъ Твоимъ
Въ войнѣ съ началами, властями тьмы и злобы,
Въ награду вѣрѣ ихъ ревнительной по Богѣ
Дашь видѣть Божество какъ видѣть можетъ тварь,
И симъ видѣніемъ блаженствовать во вѣкъ. —
Тебя, моя душа, величитъ велегласно;
Тебя благодаритъ за новую щедроту,
Которою въ нощи ущедрилъ Ты ее,
Давъ ей проусмотрѣть, что въ письмени святомъ
Сокрыто отъ очей читающія плоти;
Что духомъ Моисей, Твой людямъ провозвѣстникъ,
Писалъ имъ о Тебѣ, спасителѣ людей;
Давъ ей совокупить въ подобіе Твое,
Раздѣльныя черты, которыми для вѣрныхъ
Тебя предобразилъ начальный во пророкахъ:
Да вѣруя душа свидѣтельствамъ чудесъ,
Тобою дышущимъ писаніямъ его,
Въ Тебя растущею усовершится вѣрой.

Съ Твоею во устахъ усердною хвалою
И бодрствуя въ нощи во бдѣніи святомъ,
И сладкій солнечный срѣтающая свѣтъ,
Тебѣ моя душа взываетъ умиленно:
Пролей отъ высоты, о мысленное солнце!
На мракъ ея и хладъ Твой теплый, яркій лучъ,
И даждь—по множеству ко всѣмъ Твоихъ щедротъ,
Да въ видящей Твоихъ преображеній блески,
Блестящъ увидится Твой образъ богомужный;
Даждь ей, привергшейся надеждой ко кресту,
Твою возчувствовать ко грѣшникамъ любовь,
И словомъ воспѣвать, безсильной пѣть дѣлами.
Даждь словомъ воспѣвать Твою, о Слово! тайну,
Отъ вѣка явную избраннымъ всѣхъ вѣковъ:
Что узритъ всяка плоть спасеніе свое
Лишь въ воплощеніи Твоемъ непостижимомъ.
Ты силы Твоея глаголомъ носишь землю,
Ты даруй Твой глаголъ мнѣ грѣшному земли,
Изъ праха тлѣнности, изъ бренія страстей,
О милости Твоей хвалясь неосужденно,
Тебя превозносить живущаго въ высокихъ,
Тебя великаго и милостью въ судѣ,
Тебя великаго и въ милости судомъ.

НОЧЬ ТРЕТІЯ.

О Іисусѣ вси пророцы свидѣтельствуютъ.

Дѣян. гл. 10. ст: 43.

НОЧЬ У КРЕСТА.

Вся тварь покоится подъ мирнымъ кровомъ нощи;
Но ты, моя душа! прервавъ порывомъ мыслей
Покой нечувствія твоихъ тѣлесныхъ чувствъ,
И тихая внутри при внѣшней тишинѣ,
Спѣши съ веселіемъ на подвигъ твой словесный.
Спѣши—не потерпи, взыскующая горнихъ,
Чтобъ тлѣнная тебя отяготила плоть,
Земная храмина обременила умъ
Стремящійся къ лучамъ премудрости небесной.
Привергнись, припади, и примѣшайся съ вѣрой
Предъ Господомъ твоимъ умершимъ за тебя,
Предъ Богомъ твоего по смерти живота;
И силой отъ креста несомая чудесной
Несись къ подножію святой горы Сіона,
Дарами тучныя божественныхъ щедротъ,
И усыренныя росами отъ небесъ;
Которую Господь избралъ себѣ въ жилище,
На коей крутизну, Духъ Господа всесильный,
Взимая возносилъ избранныхъ отъ людей,
Вознесши просвѣщалъ — провидѣть издали
Грядущаго отъять отъ ада миръ преступный;
Своимъ дыханіемъ одушевлялъ ихъ души,
Своимъ совосхищалъ восторгомъ ихъ сердца,
Самъ пѣніе влагалъ въ ихъ чистыя уста,
Достойно возвѣстить всей чающей вселенной

Ея спасеніе спасителемъ распятымъ,
И къ славѣ отъ студа востаніе — крестомъ.
Се Божія гора возносится къ звѣздамъ,
Се, мраку на поляхъ нощному возлежащу,
Уже свѣтило дня златитъ ея вершину.
Тамъ, свѣтомъ дышущій и близкій къ небесамъ,
Тамъ ликъ пророческій гремитъ въ концы земли,
Что Слово отъ небесъ сойдетъ исправить землю
И скотный смертныхъ родъ содѣлать вновь сло-
весным
И правдой обновить растлившійся грѣхомъ.
Симъ Вышняго пѣвцамъ внимай, моя душа!
И звуки нѣкіе ихъ пѣсней богокрасныхъ,
Хотя прерывные, хотя нестройнымъ гласомъ,
Дерзая повторяй, во славу Божества,
Въ честь вѣры правыя, въ уроки для себя.
Се, вящшій славою, въ вѣнцѣ отъ камней
честныхъ,
Предначалъ торжество Давидъ боголюбезный;
Царь божіихъ рабовъ, рабъ Бога всецаря,
Уста свои отверзъ и духа въ нихъ привлекъ,
И сладостно воспѣлъ бія въ созвучны струны:
Блаженъ, кто не пошелъ на думу нечестивыхъ,
Не сталъ и на пути любителей грѣха,
И на сѣдалище не сѣлъ душеубійцъ;
Кто сердцемъ не отпалъ отъ выспренняго блага,
Не прилѣпился злу, не утвердился въ злобѣ;
Но въ слово Вышняго вникая день и ночь
Святится волею, свѣтлѣется умомъ,
И къ Господу всегда горѣ имѣетъ очи.

Господь не укоснивъ его ущедритъ свыше,
Ущедритъ разумѣть Всещедраго пути.
Такъ щедрилъ и меня Богъ разумовъ, Господь:
Онъ истинну свою, Онъ свѣтъ свой животворный,
Послалъ прикрытому примракомъ сѣни смертной;
Онъ тайны мнѣ явилъ премудрости своей,
Онъ бездну мнѣ открылъ благихъ своихъ судебъ;
Я разумомъ приникъ—и разумъ мой ничтожный,
Въ сіяніи Его всеблагости всесвѣтломъ,
Какъ искра въ пламени, затмился и исчезъ.
Я милости Его ужасся чудесамъ;
Я вѣруя дерзнулъ — Его глаголать силы,
Его благовѣстить спасеніе и правду,
Которую съ небесъ откроетъ онъ землѣ,
Которымъ посѣтитъ погибшій дольній міръ:
Отъ сердца своего Богъ истинны и свѣта
Изнесъ въ Себѣ Самомъ, Тебя, о Слово благо!
Тобою Самъ Себя изрекъ, изобразилъ;
Тобою бытіе воззвалъ изъ ничего,
Тобою повелѣлъ — и сотворились твари,
Тобою утвердилъ висящи звѣздны своды,
И землю основалъ на твердости ея;
И Ты, едино съ Нимъ, живешь на небесахъ.
Тебя послалъ съ небесъ избавить земнородныхъ
Отъ внѣдренныхъ грѣхомъ въ природу ихъ растлѣній;
Тебѣ, о Слово! рекъ: Ты сущностью мой сынъ,
Я днесь Тебя родилъ (днесь — вѣчность у Творца)
Родилъ, не сотворилъ, превѣчнаго превѣчный!
Ты царь отъ Господа поставленъ надъ Сіономъ
Господне возвѣщать велѣніе рабамъ.

Цари вселенныя! народовъ судіи!
Покорствомъ разума облобызайте сына,
Да зла не узрите, когда надъ злобнымъ міромъ
Какъ молнія блеснувъ палящій Божій гнѣвъ,
Истнитъ блуждающихъ отъ праваго пути.
Избавитель земли съ небесъ обѣтованный!
Въ спасеніе людей помазанный отъ Бога!
Къ Тебѣ, имущему источникъ живота,
Болѣзнуя вздыхалъ сынъ смерти человѣкъ;
Вздыхалъ со всѣмъ своимъ пребѣдствующимъ родомъ,
И чая ожидалъ и чаялъ ожидая
Въ щедротахъ Твоего пришествія къ нему.
Ты съ выспреннихъ приникъ, призрѣлъ на земный долъ,
И внялъ вздыханіямъ грѣхами окованныхъ;
И милостивъ сынамъ, въ отцѣ ихъ умерщвленнымъ,
Судилъ ихъ разрѣшить отъ тяжкихъ смертныхъ узъ,
И вновь безсмертіемъ почтить ихъ естество.
Се, силы Твоея вседѣтельныя дѣло,
Которое во дняхъ содѣлаешь грядущихъ,
Которое предрекъ во древнихъ временахъ!
Я зрю: Ты приклонилъ надзвѣздны небеса,
Сошелъ—но не въ лучахъ божественныя славы;
Но человѣчества затмивъ себя покровомъ,
Сошелъ, уничижась до нашей нищеты.
Какъ дождь наносится безъ шума на руно,
Какъ тихо падаетъ роса на землю суху,
Такъ тихъ смиреніемъ, молвою не шумящій,
Безвѣстенъ Ты сошелъ, для смертныхъ смертенъ самъ;

И мать Сіонъ рекла: родился человѣкъ,
Родился человѣкъ, надежда человѣковъ!
Ты сильный крѣпостью средь немощной природы,
Ты племя падшее словесныхъ на земли
Извлекъ и совозвелъ, изъ пропасти страстей,
Отъ бренія грѣховъ, отъ тины беззаконій,
На твердый Твоего единства съ ними камень;
Поставилъ въ высотѣ незыблемо во вѣкъ,
И пѣснь хвалы гремитъ Тебѣ съ лица земли.
Ты подвигъ совершивъ возшелъ на херувимовъ,
Взлетѣлъ на горняя, и скрылся въ отчемъ лонѣ,
Въ непроницаемой отъ свѣтолитій тьмѣ,
Въ селеніи Твоемъ на небесахъ небесъ.
Умолкъ пророкъ и царь—и се, восторга полный,
Завѣта ветхаго пророкъ и благовѣстникъ,
Ликуя возгласилъ Исаія святый,
И громкую воспѣлъ возлюбленному пѣснь:
Богъ неба и земли глаголетъ—слыши, небо!
И ты, земля! внуши божественны глаголы,
И вся, внимай Творцу, имъ созданная тварь!
Се древнія свои Всещедрый чудеса
Вѣнчаетъ знаменьемъ чудеснѣйшимъ и новымъ:
Се дѣва чистая зачнетъ во чревѣ сына,
Родитъ—и нарекутъ Его Еммануилъ.
Се родъ нашъ возродить родилось отроча;
Сынъ вѣчнаго Отца!—и даровался смертнымъ,
И возвеличилось Его надъ всѣми имя:
Совѣтникъ Вышняго во всѣхъ Его дѣлахъ!
Богъ крѣпкій, съ нами Богъ, и вѣчности отецъ!
Князь мира, властелинъ!—и знакъ его начальства,

Не скиптръ златый въ рукѣ, но тяжкій крестъ на раменѣ!
Онъ немощь нашего усвоивъ естества,
Питаемъ возрастетъ, безмолвное дитя;
Но въ дѣтствѣ разумомъ и сердцемъ совершенный,
Благое изберетъ и прочь отринетъ злое.
Онъ падшій вознесетъ Давидовъ-свой престолъ;
О дивныя судьбы Царя царей и царствъ!
Я вижу—обетшалъ, обнизился до праха,
Высокій до небесъ домъ царскій Іессея;
И свѣтлый славою его державный родъ
Во тмѣ безвѣстности сокрылся и померкъ.
Онъ зрѣлся божій кедръ, высокій и вѣтвистый,
И вѣки многіе покоился Израиль
Подъ тѣнію его въ отрадной тишинѣ,
Доколѣ дерзостнымъ невѣріемъ своимъ,
Преступникъ, раздражилъ благаго Бога правды:
Духъ бурный возшумѣлъ, и приразился къ древу,
И съ трескомъ сокрушась низринулось оно,
И въ отросляхъ своихъ посохло на землѣ;
Остался пень одинъ—остался живъ корнями,
И въ немъ Израилю осталася надежда.
Прозябнетъ отъ него вѣтвь славы для людей,
И взыдетъ отъ нея блаженства смертныхъ цвѣтъ,
И Духъ божественный, Духъ Сущаго Собою,
Своими седмію дарами совершенства,
Со всей ихъ полнотой почіетъ весь на Немъ;
И жизни вѣчныя сладчайшая воня
Прольется отъ Него во всѣ концы вселенной.
Сынъ дѣвы чистыя! плодъ отрасли Давида!

Тобою оживетъ Тебѣ подвластный міръ;
Не будешь Ты судить по слову и лицу,
Но правды Твоея щитомъ необоримымъ
Смиренныхъ застѣнишь отъ устремленій злобы,
Ты духомъ устъ Твоихъ, нечестіе врага,
Какъ громомъ поразивъ разрушишь до конца.
Ты будешь истинной о чреслахъ препоясанъ,
И правда, какъ броня, Твои покроетъ перси;
И козни адовой всеогненнымъ стрѣламъ
Не льзя, не льзя отнюдь, проникнуть до Тебя.
Богъ вышній о Тебѣ свидѣтельствуя дольнимъ,
Съ веселіемъ речетъ: Се отрокъ мой избранный,
О Немъ благоволитъ, о Немъ моя душа.
Я духу моему Его сопріобщу;
И смертныхъ племенамъ, отъ Бога отчужденнымъ,
О Богѣ возвѣститъ спасительную правду.
Онъ благостью дыша, миръ съ ближними храня,
И злымъ не преречетъ противникамъ своимъ;
Ниже возопіетъ на торжищахъ и стогнахъ,
Гнушаясь суетной отъ человѣковъ славы.
Онъ немощь смертнаго—надломленную трость,
Въ конецъ не сокрушитъ, карая по винѣ;
Но милостью скрѣпитъ, удержитъ отъ упада,
Исправитъ, утвердитъ и вновь обложитъ силой.
Онъ вдругъ не угаситъ дымящагося льна,
Судомъ не остудитъ хладѣющей души;
Но искру малую таящейся въ ней вѣры
Во пламень возгнѣтитъ любовію горящій.
Сынамъ Израиля я далъ Тебя въ завѣтъ,
Во свѣтъ язычникамъ блуждающимъ во тьмѣ,

Расторгнуть на сердцахъ грѣховныя оковы,
И узниковъ известь изъ смертныя темницы;
И слѣпотствующимъ во мглѣ страстей умамъ
Небесной мудрости явить прекрасный блескъ.
Такъ Вышній о Тебѣ свидѣтельствуетъ дольнимъ;
Но се Ты Самъ гласишь во слухъ мой восхищенный:
Духъ Господа на мнѣ!—елеемъ симъ святымъ
Помазалъ онъ меня святить сыновъ грѣха;
Послалъ благовѣстить—обогащенье нищимъ,
Прозрѣніе слѣпымъ, и плѣнникамъ свободу;
И лѣто Господу пріятно нарещи,
И день провозгласить возмездій и наградъ;
Утѣшить, исцѣлить сердцами сокрушенныхъ,
Всѣ слезы осушить—и плачущимъ въ Сіонѣ,
За пепелъ на главѣ дать радости вѣнецъ,
За духъ унынія, одежду красоты!
О благости слова! дерзай, словесныхъ племя!
Родъ слабый! укрѣпись; утѣшься, малодушный!
Се Богъ нашъ воздаетъ отмщеніе за насъ,
Пріидетъ и спасетъ насъ гибнущихъ во злѣ.
Тогда, о чудеса! слѣпыхъ увидятъ очи,
Тогда, о чудеса! глухихъ услышатъ уши;
Хромый исправится и скочитъ какъ елень,
И Господу хвалу речетъ языкъ нѣмыхъ.
Тогда проторжется съ небесъ въ пустыню міра
Неоскудѣющій потокъ воды живыя,
И землю упоитъ изсохшую сердецъ,
И та произраститъ всѣхъ доблестей плоды.
Умолкъ — и се взыгравъ воспѣлъ Іеремія,
О людяхъ Божіихъ молитвенникъ предъ Богомъ,

Суда и милости сугубый имъ пророкъ:
Се новое создастъ Зиждитель на земли:
Се лономъ дѣвственнымъ жена обыметъ мужа,
Младенца плотію, но мужа силой мысли,
О коемъ Богъ отцовъ провозгласилъ сынамъ:
Грядутъ — ликуй земля! дни радости твоей,
Дни мира твоего—и отрасль правды вѣчной
Тебѣ я возращу отъ корени Давида;
И будетъ царствовать премудрость на земли,
И судъ сего царя — блаженство для рабовъ.
Во дняхъ его благихъ спасутся человѣки,
И имя нарекутъ Ему: Сый! правда наша!
Къ Нему изрекъ Господь: (въ ничтожествѣ моемъ
Величія Его предобразуя тѣнь):
Еще Ты не пріялъ зачатія во чревѣ,
И я Тебя позналь любовію отъ вѣка;
Еще Ты не изшелъ младенецъ изъ ложеснъ,
Тебя я освятилъ святыней Божества:
Тебя язычникамъ поставлю во пророка,
Тобою сотворю и завѣщаю въ роды
Сынамъ Израиля завѣтъ священъ и новъ;
Не оный древнихъ дней, когда я ихъ отцовъ
За руку взявъ извелъ изъ рабства во Египтѣ.
Со мною ихъ отцы не пребыли въ завѣтѣ;
Я долго потерпѣлъ—и презрѣлъ ихъ отцовъ.
Не тако при Тебѣ, Ходатай мой и ихъ!
Но грѣхъ отъ праотца, который въ человѣкахъ,
Желѣзной тростію, рѣзцомъ отъ адаманта,
Написанъ, начертанъ въ сердечной глубинѣ,
Се новый мой завѣтъ!—изгладится въ конецъ.

Но вѣчные моей премудрости законы
Я внѣдрю въ ихъ умы живымъ твоимъ глаголомъ,
Я перстомъ напишу моимъ на ихъ сердцахъ,
Да знаютъ, чувствуютъ, и съ радостью творятъ.
Тогда, не требуя учиться другъ отъ друга,
Познаютъ всѣ меня отъ мала до велика,
Познаютъ знаніемъ текущимъ отъ меня,
И будутъ въ люди мнѣ, и буду въ Бога имъ;
И самъ ихъ вовлеку любовію въ щедроты.
Моею милостью покрою ихъ неправды,
Изъ памяти моей извергну ихъ грѣхи,
Вселю ихъ на землѣ пшеницы и вина,
И благостью моей восхвалятся ликуя,
Доколѣ небеса сіяютъ славой свѣта,
И солнце яркое златитъ лучами день,
И ясная луна сребритъ лучами нощь.

Умолкъ Хелкіевъ сынъ—и се Іезекіиль,
Пророкъ Израилю востанія изъ мертвыхъ,
(Котораго очамъ отверзлись небеса
И видѣлъ божія видѣнія горѣ)
Отъ Духа Божія согрѣтый теплотою,
Восторгомъ воспылалъ:—на мнѣ рука Господня!
Гласъ Господа гремитъ во внутренній мой слухъ:
Сынъ человѣческій! внимай и прорицай.
Рабамъ речетъ Господь, ничтожнымъ Всемогущій:
Се пакибытія живую, чисту воду,
Я щедро воскроплю, о смертные! на васъ,
И вы отъ нечистотъ омоетесь грѣха:
Я Духъ мой вамъ вдохну—и обновитесь правдой;
Я каменны сердца изму изъ вашихъ персей,

И плотяны вложу и мягкія какъ воскъ,
Да благо возлюбивъ прилѣпитесь къ нему.
Я пастырямъ отмщу, самихъ себя пасущимъ,
И стада моего ядущимъ сладки туки;
Спасу отъ ихъ алчбы драгихъ моихъ овецъ,
Не будутъ впредь онѣ хищенію корысть.
Я вѣрнаго раба моей надъ всѣмъ державы,
Я друга моему возлюбленнаго сердцу,
Давида новаго, Давидовъ царскій плодъ,
Возставлю въ пастыря драгимъ моимъ овцамъ;
И онъ ихъ упасетъ и усладитъ спокойствомъ
При жизненныхъ струяхъ потока благодати,
На злачныхъ пажитяхъ божественныхъ словесъ;
И тамъ соводворясь умножатся онѣ,
Отъ звѣря лютаго навѣки безопасны.
Я Богомъ буду ихъ, они моимъ народомъ,
И съ ними мой завѣтъ—миръ вѣчныя любви.
Мой рабъ возлюбленный надъ ними будетъ князь,
И всѣмъ моимъ овцамъ единый, добрый пастырь;
И всѣ пойдутъ за нимъ путемъ моихъ свидѣній,
И не заблудятся въ погибельны стези.
Но тамъ въ безмолвіи, вокругъ моей горы,
Имъ небо одождитъ, на землю древней клятвы,
Щедроты безъ числа благословеній новыхъ.
Я въ нихъ сооружу святилище мое,
Сѣнь славы моея небесной на земли,
Жилище Вѣчнаго межъ смертными до вѣка.
Познаютъ племена незнающіе Бога,
Что Я, Господь всего, избралъ себѣ людей,
Избралъ—и освятилъ, и святы мнѣ они.

Умолкъ—и Даніилъ, мужъ выспреннихъ желаній,
Который, Господомъ отъ дѣтства возвеличенъ,
Сквозь вѣки прозиралъ судьбы царей и царствъ,
Се Духомъ божіимъ воздвигнутъ, восхищенъ,
Воскликнулъ и воспѣлъ, благословляя Бога:
Твоя, вѣковъ Творецъ! временъ и лѣтъ премѣна;
Твое—и поставлять и преставлять царей!
Тебя, Тебя хвалю, о Богъ моихъ отцовъ!
Ты свѣтъ! Ты свѣдый вся!—Тобою просвѣщенный,
Я въ силѣ на земли Твое провидѣлъ царство.
Ты сердцемъ буйному и гордому царю
Явивъ событія грядущихъ поздныхъ дней,
(Да зритъ себя рабомъ всемірнаго Владыки)
Далъ свыше моему невѣжеству премудрость
Видѣнія его ему повѣдать смыслъ.
Онъ зрѣлъ—и се кумиръ предсталъ его лицу,
Дебельствомъ, высотой, и образомъ ужасенъ,
Чудовищенъ своимъ составомъ разнороднымъ:
Отъ злата въ немъ глава, въ немъ перси отъ сребра,
Въ немъ чрево—мѣдь, стопы—желѣзо и скудель.
Се камень отъ горы отторгся самъ собою,
Ударилъ истуканъ въ желѣзно-бренны ноги,
Истнилъ ихъ до конца—и стерлися во прахъ
Скудель, желѣзо, мѣдь, и злато и сребро;
И дунувъ сильный вѣтръ восхитилъ смѣсь ихъ пыльну,
И вмигъ во всѣ страны, по области воздушной,
Развѣялъ и разнесъ какъ плевы отъ гумна.
А камень отъ горы остался недвижимъ,
И въ гору самъ возросъ, и всю наполнилъ землю.

Я вижу—востають, одно другое руша,
Одно другому въ слѣдъ, по данной имъ чредѣ,
Четыре сильныя, сильнѣйшія изъ царствъ;
Высоко востають преобладать вселенной.
Во дни послѣдняго, во дни его послѣдни,
(Когда поправшее народы вкругъ себя,
На части раздѣлясь ослабится оно,
Но древней крѣпости вмѣститъ еще останокъ.)
Родится безъ отца отъ дѣвы непорочной,
Сынъ Вышняго царя, наслѣдникъ всѣхъ міровъ;
И видомъ немощный, но сильный существомъ,
Отъ смертныя руки не требуя пособы,
Лжебожія колоссъ, до неба вознесенный,
И покланяемый отъ жителей земныхъ,
Сразитъ—и слѣдъ его изгладитъ отъ земли.
Истнитъ враждебныя языческія царства,
Сливая всѣ въ одно — не властію, но вѣрой;
И воцарится Самъ надъ сонмомъ всѣхъ людей,
Не силою извнѣ—владычествомъ въ сердцахъ;
И не разсыплется Его во вѣки царство,
Ниже отъ племени прейдетъ въ иное племя,
Но станетъ до конца, незыблемо, одно,
Подъ скиптромъ своего всемощнаго царя.
Умолкъ—и се, Михей, уничижась предъ Богомъ,
Гласъ радости вознесъ о Божіемъ избранномъ:
Народы! слышите, и ты внимай, земля!
Отъ Господа текутъ изъ устъ моихъ слова:
Отъ мѣста своего исходитъ Вездѣсущій,
Смирясь да проявитъ свою словеснымъ славу;
Исходитъ—и великъ въ смиреніи своемъ,

На гордыя земныхъ величій высоты
Наступитъ—и во прахъ низложитъ ихъ гордыню.
Живый на небесахъ вселится въ домъ Ефраѳы;
И ты ли, Виѳлеемъ! и ты ли славой малъ
Среди владѣющихъ Іудовыхъ градовъ?
Ты древле породилъ Израилю Давида;
Ты нынѣ породишь Израилю съ Давидомъ
Царя, которому, дни вѣчности—свои;
Который, исходящъ отъ Бога божествомъ,
Въ началѣ всяческихъ чуждъ всякаго начала.
Изыдетъ изъ тебя старѣйшина вселенной,
И къ жизни упасетъ спасаемый народъ,
И смертнымъ будетъ вождь—съ земли на небеса!
Но чѣмъ, словесныхъ родъ! но чѣмъ ты срящешь Бога?
Не тысящьми овновъ, не тьмами агнцевъ тучныхъ;
Но жертвою живой—грѣху умершихъ чувствъ,
Душъ дышущихъ огнемъ небесныя любви.
Изыдетъ новъ законъ вселенной отъ Сіона,
Отъ града божія божественное слово,
Вселенну обтечетъ—и жителямъ ея
Согласіе вдохнетъ въ раздорныя сердца.
Отринутъ смертные лжемудрія коварство;
И гордаго ума мечи и копья остры,
(Которыми, кичась, сражались межъ собой
О суетномъ хвалы и первенства вѣнцѣ)
На рала раскуютъ, въ содѣйство благодати,
Да въ собственной груди искоренятъ пороки;
Да всѣянны въ нее десницею Творца
Добротъ и совершенствъ прозябнутъ сѣмена.

Отъ Бога, отъ Отца, на братій-человѣковъ
Блаженный снидетъ миръ и внѣдритъ въ нихъ блаженство;
Почіютъ въ радости всѣ кроткіе земли,
И страхъ не возмутитъ покоя ихъ во вѣкъ.
Умолкъ — и вновь Давидъ ударилъ въ струны звонки:
Востань, востань, псалтирь! моя подъ солнцемъ слава!
Востань—и возгреми возлюбленному пѣснь,
И громко изрази священный мой восторгъ.
Готово, Боже мой! мое готово сердце;
Языкъ мой у Тебя какъ трость у скорописца,
Тобою движимый твои речетъ слова;
Пою и воспою царя всея земли:
О коль, Возлюбленный! Ты дивенъ красотою!
Кто уподобится Тебѣ изъ земнородныхъ?
Отъ устъ Твоихъ струей ліется благодать
И Богъ щедротъ Тебя благословилъ во вѣкъ.
Ты мечъ Твой по бедрѣ, о Сильный! препояши,
Ты лукъ Твой напряги, и успѣвай, и царствуй;
Да истинна цвѣтетъ Тобою на земли,
Да кротостью Твоей словесныхъ дышетъ грудь,
Да дѣйствуетъ Твоя въ дѣлахъ ихъ добрыхъ правда.
Словесъ Твоихъ благихъ остры, о Сильный! стрѣлы,
Пронзаютъ мѣдныя враговъ Твоихъ сердца,
И уязвляютъ ихъ любовію Твоей.
Ты благость возлюбилъ, возненавидѣлъ злобу,
И Богъ Твой и Отецъ Тебя помазалъ, Боже!
Помазалъ паче всѣхъ причастниковъ Твоихъ,

Елеемъ радости текущимъ отъ Него.
Жезлъ царства Твоего—жезлъ правости святыя;
И церковь, правыхъ сонмъ, Тобою освященна,
Царица по Тебѣ, предстала предъ Тебя,
Въ порфирѣ чистоты и доблестей вѣнцѣ,
Свѣтлѣйшая лицемъ чѣмъ злато отъ Офира;
Съ ней дщери царскія—высоки вѣрой души,
И сами дѣвственны и въ дѣвственныхъ тѣлахъ,
Во слѣдъ ихъ матери, къ Тебѣ ихъ жениху,
Ликуя притекутъ въ веселіи, въ восторгѣ,
И самою Твоей всещедрою рукою
Введутся въ храмъ царя, въ чертогъ на небесахъ,
Вкушать Твоей любви сладчайшій, вѣчный пиръ.
Возвысь еще, псалтирь! твои созвучны звоны!
Я зрю видѣніе:—глаголетъ Сый со мною!
Я слышу гласъ Его, се Вѣчнаго глаголъ:
Я истинной клянусь; Давиду ли солжу?
Единожды реку—и не отвергусь вѣчно:
Давида я обрѣлъ раба Себѣ по сердцу;
Отъ чрева Твоего избранный мною плодъ
На тронѣ посажу Твоемъ и всей земли;
Онъ призоветъ меня: Отецъ мой, Богъ, Спаситель!
Я первенца, Его, межъ чадъ усыновленныхъ,
Онъ сынъ по естеству!—поставлю высока,
Надъ всѣми высока державными земли.
Престолъ Его горѣ, днямъ неба равновѣчный,
Сіяетъ искони какъ солнце предо мною;
И долу тронъ Его, средь церкви на земли,
Возблещетъ славою какъ полная луна.
На сильнаго сего, для смертныхъ безпомощныхъ,

Я помощь положилъ отъ смерти и отъ ада;
Съ Нимъ истинна моя и милость и любовь,
И вѣренъ мой Ему спасенія завѣтъ.
Придутъ къ Нему цари, придутъ къ Нему народы,
Ему поработясь поклонятся съ дарами,
Съ дарами чувственныхъ и мысленныхъ богатствъ.
Отъ рѣкъ и до морей, на сушѣ всей земли,
Онъ всѣми царствами возобладаетъ мирно;
И сѣменемъ своимъ, духовно порожденнымъ,
Прострется въ родъ и родъ несчетнымъ до конца.
Онъ смертныхъ гордаго смиритъ клеветника,
Отъ хищника спасетъ своихъ убогихъ души;
Наступитъ властію на змія преисподней,
И силой поперетъ подземной бездны льва,
И всѣ его враги подъ нимъ полижутъ персть.
До солнца славилось Его святое имя,
И будетъ славиться когда затмится солнце;
Благословятся въ Немъ всѣ смертныхъ племена,
И славою Его исполнится земля.
Умолкъ—и движимы пророчественнымъ Духомъ,
Пророки Божіи: ведущій ликъ Осія,
И съ нимъ Авдій, Наумъ, Софоніа, Аггей,
Воспѣли Господу, единый по другомъ:
Такъ мною Богъ небесъ вѣщаетъ земнороднымъ:
Я древле возлюбилъ Израиля въ младенствѣ,
Отъ бѣдъ Египетскихъ отечески воззвалъ;
Такъ сына моего—но сына естествомъ—
Котораго люблю любовію безмѣрной,
Я нынѣ воззову, младенца, отъ Египта,
Но мнѣ совѣчнаго долѣтнымъ бытіемъ.

Сего, по всей землѣ, словесныхъ племена,
Въ единый братій сонмъ совокупленны вѣрой,
Главу единую поставятъ надъ собою;
И будутъ лобызать, покорствомъ отъ сердецъ,
Его всемірную, божественную власть.
И ты, пророкъ! яви мою собою тайну:
Жену безстудницу пойми себѣ въ супругу,
И съ нею утверди любовію союзъ.
Такъ я, отпадшую развратомъ отъ меня,
Растлѣнную грѣхомъ, языческую церковь,
Златою привлеку любленія пленицей;
И вдавшую себя страстей нечистотамъ
Очистивъ обручу невѣсту мнѣ во вѣкъ,
Въ щедротахъ обручу и въ благости и правдѣ.
Которую презрѣвъ не миловалъ исперва,
Ту милостью моей ущедрю наконецъ;
Ей въ сердце излію любви моей слова.
Реку: ты мой народъ! не моему народу,
Чадъ чуждыхъ назову: сыны живаго Бога!
И мнѣ они рекутъ: Отецъ, Господь и Богъ!
Я гнѣвъ мой отвращу спасеніемъ отъ нихъ,
Десницею моей избавлю ихъ на вѣки
Отъ хищныя руки ярящагося ада,
Цѣною искуплю отъ смерти навсегда,
Цѣною (нѣтъ цѣнѣ ни мѣры, ни числа!)
За нихъ умершія созданныхъ жизней жизни:
Мгновенно исцѣлю ихъ язвы вѣковыя.
Гдѣ пря твоя, о смерть? о адъ! гдѣ твой остенъ?
Смерть смертности корысть! адъ пагубой пожертъ!

Такъ мною Богъ небесъ вѣщаетъ земнороднымъ:
День Господа насталъ и свѣтитъ всѣмъ языкамъ;
Сіонъ имъ ниспослетъ спасеніе съ небесъ,
И въ царство Господу устроится земля.
Такъ мною Богъ небесъ вѣщаетъ земнороднымъ:
Левъ злобы изскочилъ изъ пропасти подземной,
Рыкающъ въ высоту и рыщущъ по землѣ,
Себѣ и львичищамъ восхитилъ безъ числа
Отъ рода смертнаго словесную добычу;
Живыми жертвами всепагубной ловитвы
Наполнилъ мрачное виталище свое,
Но се—казнится зло — Я, хищный! на тебя.
Пожгу твое гнѣздо огнемъ неугасимымъ,
И будетъ въ пламени дымиться дымомъ вѣчнымъ;
Хищеніе твое скончаю на земли,
И не услышатся твои на ней дѣла.
Се ноги на горахъ посланниковъ Господнихъ
Благовѣствующихъ наземнымъ миръ небесный!
Іуда! торжествуй, и празднуй въ вѣкъ и въ вѣкъ
Твои предъ Господомъ святыя празднества.
Такъ мною Богъ небесъ вѣщаетъ земнороднымъ:
Въ день благъ избранному Израиля останку,
О дщерь Сіонова! одѣнься красотой,
Возрадуйся, взыграй, воскликни, возликуй;
Всѣмъ сердцемъ веселись о благости Господней;
Отъялъ, отъялъ Господь твои предъ Нимъ неправды,
Тебя освободилъ изъ вражіей руки,
Почіетъ средь тебя и воцарится вновь.

Твой Богъ въ тебѣ, дерзай! спасетъ тебя Всесильный,
Веселіемъ тебѣ возмѣритъ за печали,
Спасетъ—и обновитъ тебя въ своей любви,
Спасетъ—и о тебѣ возвеселится Самъ.
Тебѣ я возвращу сыновъ твоихъ изъ плѣна;
Разгнанныхъ соберу, приму отриновенныхъ,
И будутъ всѣ они—родъ кротокъ и смиренъ —
Въ тебѣ благоговѣть о имени моемъ;
Не молвятъ суеты, ни сотворятъ неправды,
Ниже умыслятъ лесть — и будутъ имениты
Гдѣ прежде понесли безчестій тяготу,
И славой возгремятъ по всей, по всей земли.
Такъ мною, вѣстникомъ межъ вѣстниковъ Господнихъ,
Господь Израилю изрекъ отраду въ скорби,
Когда онъ созидалъ, едва избывшій узъ,
Домъ Богу своему въ убожествѣ своемъ;
Когда восплакались жрецы, левиты, старцы,
Зря въ памяти своей, что видѣли очами,
Во всемъ величіи Господень первый храмъ,
Созданный силою тмочисленныхъ племенъ,
Созданный силою сокровищъ неисчетныхъ
На широтѣ земной, до высоты небесной;
Для коего ссѣченъ съ Ливана кедровъ лѣсъ,
И горы мрамора изглажены съ земли;
Который по стѣнамъ, вратамъ, столпамъ, покровамъ,
Свѣтился и сіялъ литымъ сребромъ и златомъ.
Когда восплакались старѣйшины людей,

Зря храма новаго простый и скудный видъ,
Тогда отъ Господа утѣшило ихъ слово:
О старцы! прежній храмъ вы видѣли во славѣ,
И сей, тому сравненъ, вамъ видится ничто:
Но се, я потрясу — глаголетъ вся творяй,
И небомъ и землей и сушею и моремъ;
Мою являя мощь смущу царей и царства,
(И твердый вѣрою избранный мой народъ,
И зыбкія умомъ окрестны племена,)
И чаемый съ небесъ, желанный всѣмъ языкамъ,
Пріидетъ посреди смятенія вселенной.
Услышатъ смертные пришествіе Его,
И вдругъ возбудятся отъ тяжкаго ихъ сна,
Въ который погрузясь, какъ мертвые отъ вѣка,
Въ себѣ и вкругъ себя не чувствовали Бога.
Тогда величіемъ и сей мой новый домъ
Превзыдетъ древняго, превзыдетъ безъ числа.
Исполню я его моей небесной славы,
Зане вмѣстится въ немъ—не слово на скрижаляхъ,
Но слово отъ Отца, отъ Бога сынъ и Богъ,
Въ ковчегѣ чистаго словесныхъ естества;
И небомъ сотворитъ сіе святое мѣсто.
Тогда на мѣстѣ семъ дамъ миръ всемірный, вѣчный,
Миръ дружбы по враждѣ межъ неба и земли,
Миръ смертнымъ межъ собой и съ правдой Божества.

Умолкли пѣсненны пяти пророковъ гласы,
И се Захаріи судебъ раскрылась книга;
Онъ взоры устремилъ на тайны въ писменахъ,
Прочелъ, провозгласилъ: такъ Выспреннійречетъ:

*

Послушай, Іисусъ! священникъ мой великій,
И дивозрители предъ нимъ сѣдящи мужи!
Се я ввожду во мракъ грѣховный на земли
Востока, моего безгрѣшнаго раба,
И смертныхъ озаритъ зарею жизни вѣчной.
Се камень изнесу, дражайшій драгоцѣнныхъ,
Изъ тайнаго моихъ сокровища богатствъ,
И вамъ, о смертные! предъ взоры предложу;
Седмь граней—седмь очей—моей руки искуство,
Возблещутся на немъ какъ молніи огнисты,
И смертнымъ, въ смертну сѣнь, испустятъ отъ себя,
Седмь свѣта Божія всежизненныхъ лучей,
Свѣтить и согрѣвать любовію ихъ сердце,
Свѣтить и просвѣщать премудростью ихъ разумъ.
О дщерь Сіонова! устройся къ торжеству,
Возрадуйся, взыграй, воскликни, возликуй!
Твой царь къ тебѣ грядетъ, отъ зла тебѣ спаситель,
Грядетъ—не устрашись!—не въ шумѣ славы бранной,
Не въ страхѣ блещущихъ оружіемъ полковъ;
Онъ кротокъ и смиренъ, онъ праведенъ и святъ,
И шествуетъ къ тебѣ, великій простотою,
Сѣдящъ—не на златой, высокой колесницѣ,
Рядами пламенныхъ влекомыя коней —
Но (тайны выспренней являя дольнимъ тѣнь)
На подъяремникѣ медлительномъ, нестройномъ,
На сынѣ отъ сего, ярму непокоренномъ.
Онъ власть свою прострετъ по сушѣ, по морямъ,
И смертнымъ отъ земли проложитъ въ небо путь.

Умолкъ — и въ слѣдъ за нимъ, позднѣйшій изъ
пророковъ,
Съ прещеніемъ свой гласъ возвысилъ Малахія:
Такъ сущимъ на земли вѣщаетъ Богъ небесъ:
Израиль! положи на сердцѣ мой глаголъ;
Ты жертвы мнѣ даешь—и всѣ онѣ съ порокомъ,
Приносишь мнѣ дары—и всѣ съ нечистотою;
Нѣтъ воли моея благія на тебѣ,
И я не пріиму даровъ Твоей руки,
Отдуну отъ себя Твои оскудны жертвы;
Къ язычникамъ склонюсь—и отъ востока солнца
До запада моя прострется похвала;
И жертву чистую и сладкій ѳиміамъ
Они мнѣ принесутъ—не въ семъ единомъ храмѣ,
На всякомъ моего владычествія мѣстѣ;
И жертвой чистою (которой токмо тѣнь
Своими службами произъявилъ законъ)
Симъ знаменьемъ извнѣ ихъ внутреннія вѣры,
Явятъ торжественно, явятъ землѣ и небу,
Что Богу воздаютъ божественную честь,
Что покланяются и служатъ лишь Ему;
Зане я царь великъ—и славой во языкахъ
Мое высокое превознесется имя.
Се Ангела послю—и предъ моимъ лицемъ,
Онъ призритъ, предходя, на путь мой по землѣ;
И вами, искони, взыскуемый владыка,
И Ангелъ новаго желаемый завѣта,
Внезапно—самъ Господь—во свой пріидетъ храмъ,
И се уже грядетъ—срѣтай его, Сіонъ!
Пріидетъ—и огнемъ любви своей небесной

Разжетъ своихъ людей какъ пламенемъ горнила,
Очиститъ, прелiетъ, какъ злато и сребро,
И сотворитъ изъ нихъ сосуды въ честь Творцу.
Тогда возблещетъ вамъ, стяжавшимъ страхъ Господень,
Средь сѣни смертныя живое солнце правды,
И щедро излiетъ, въ златыхъ своихъ лучахъ,
Полмертвымъ, гибнущимъ, спасенiе и жизнь;
И вы воспрянете изъ пропасти глубокой,
И вы взыграете веселiемъ по скорби,
Какъ юные тельцы, избавясь отъ ярма,
Играютъ, прядаютъ, жируютъ на лугахъ.
Умолкъ—и пѣнiя прервались на Сiонѣ;
Безмолвiемъ уста сомкнулися пророковъ,
И тяжкой скорбiю гнѣтутся ихъ сердца.
Открылася, увы! ихъ мысленнымъ очамъ,
Мессiи на крестѣ ужаснѣйшая тайна;
И ужасы ея они созерцавая,
Трепещутъ прорицать страданiя и смерть,
Которыхъ зрѣлищемъ пронзаются въ душѣ,
Страданiя и смерть безстрастiя и жизни;
Трепещутъ прорицать—но нудимые Духомъ,
Не смѣютъ премолчать величiе любви
Царя и судiи къ преступникамъ, рабамъ;
И первый предвоспѣлъ пѣснь горести плачевну
Давидъ богоотецъ о сынѣ богомужномъ,
(Но томенъ гласъ въ устахъ, унылъ отъ гуслей звукъ)
Онъ сердцемъ погрузясь въ страданiя Его,
Съ Нимъ тако возопилъ: Спаси меня, о Боже!

Я грязну въ тинѣ золъ грѣхами порожденныхъ,
Грѣхами всѣхъ людей исперва до конца;
Я палъ въ глубокую пучину ихъ страстей,
И гнѣва Твоего меня помчала буря;
И ярости Твоей ярящіяся волны
Проникли до моей притрепетной души,
И бѣдства излились потопомъ на меня.
Тебя ли смертные, созданные Тобою,
Дерзнули не почтить въ неистовствѣ гордыни?
И се я воздаю, смиреніемъ моимъ,
Чего не восхищалъ—Тебя достойну честь.
Къ Тебѣ я возвожу мерцающіе очи,
Но помощи не зрятъ ихъ гаснущи зѣницы;
Се множась множатся гонители мои,
Превысили числомъ власы моей главы:
Востали на меня свидѣтели неправы,
Стужали лжами мнѣ—и умысломъ злодѣйства
Воздали за мои благіе имъ дары.
Устами, полными оружія и стрѣлъ,
Языкомъ какъ мечемъ, мою терзаютъ душу,
И тѣлу моему устроили убійство.
Я преданъ былъ—и кѣмъ?—на узы, раны, смерть!
Мужъ мира моего, мой искренній, мой другъ,
Который повсегда мой хлѣбъ вкушалъ со мною,
Измѣной на меня свою воздвигнулъ пяту.
О Боже, Боже мой! мнѣ нищему внемли;
Почто—воспомяни—оставилъ Ты меня?
Оставилъ за грѣхи всего земнаго міра;
Оставь ему грѣхи, оставь грѣхи несчетны,
Которыхъ на меня обрушилася казнь.

Я правдѣ за него себя вдаю на смерть;
И се—не человѣкъ кажуся человѣкамъ,
Какъ червь отъ нихъ презрѣнъ, потоптанъ и раздавленъ
Спудомъ и тяжестью поносныхъ, лютыхъ мукъ,
Ничтоженъ и забвенъ какъ рушенный сосудъ.
Всѣ зрящіе меня ругались надо мною,
Кивающи главой, зіяющи устами,
Рыкая, ревучи, какъ буйволы, какъ львы,
Хулы неистовы рыгали на меня:
На Бога уповалъ—и пусть спасется Богомъ!
Близъ пагуба моя—не отступи, Всещедрый!
Никто, кромѣ Тебя, не силенъ мнѣ помочь.
Ты силою исторгъ чудесною меня
Изъ чрева матери, изъ дѣвственнаго чрева;
Ты промысломъ Твоимъ обьялъ меня какъ лономъ;
Оттолѣ Ты мой Богъ, надежда, похвала,
И се—я кровію излился какъ вода,
Разсыпались мои расторженны составы,
Болѣзнь горитъ въ груди, течетъ огнемъ по жиламъ,
И сердце все мое истаяло какъ воскъ,
И крѣпость вся моя изсохла какъ скудель;
Въ запекшихся устахъ языкъ прильпнулъ гортани,
И Ты меня низвелъ; Всеправедный! въ персть смерти.
Стеклись со всѣхъ сторонъ, какъ стая лютыхъ псовъ,
Столпились вкругъ меня завистники-враги,
Скрежещутъ на меня, и лаютъ клеветами,
И муками грызутъ мои кровавы члены:

Прорыли мнѣ насквозь и длани и плесны,
И кости всѣ мои сквозь язвы изочли,
Дѣлили по себѣ одеждъ моихъ добычу,
И жребій о моей метали спорной ризѣ;
Смотрѣли на меня—и въ пиръ своимъ очамъ
Вмѣняли зрѣлище моихъ лютѣйшихъ мукъ;
И желчь мнѣ дали въ снѣдь—изнывшему отъ глада,
И оцетъ въ питіе—изсякшему отъ жажды.
Смотрѣли на меня, глумлялися о мнѣ,
И козни своея хвалились торжествомъ.
Я ждалъ въ мученіяхъ жалѣнія отрады,
Но чувства не обрѣлъ въ сердцахъ окамененныхъ;
Никто не соскорбѣлъ скорбящему о всѣхъ,
За всѣхъ болящаго не утѣшалъ никто.
Всѣ ближніе мои, въ день лютъ моей печали,
Бѣжали отъ меня и стали отдалече;
И други искренни приближились ко мнѣ,
Безгласны, трепетны, отъ дерзости враговъ,
Шумящихъ на меня немолчнымъ звѣрства шумомъ.
А я, какъ глухъ, какъ нѣмъ, безмолвствовалъ въ укорахъ,
Не отверзая устъ, не обличая лжи,
Готовъ за грѣшниковъ на раны безъ числа;
Готовъ—и грѣшники свою скончали злобу,
И мертваго меня, свободнаго отъ смерти,
Въ подземный ввергли ровъ, во тьму и смертну сѣнь,
Ко спящимъ во гробахъ, забвеннымъ на земли.
Господь мнѣ даруетъ (такъ страждущій Мессія
Устами возгласилъ Исаіи пророка)

Господь мнѣ даруетъ учительный языкъ,
Да знаю провѣщать спасенія глаголъ.
Господь, къ его словамъ, отверзъ мой слухъ сердечный,
И я, ни мыслію Ему не пререкая,
Всю заповѣдь Его свершая совершилъ;
На раны тяжкія я вдалъ мои плещи,
На заушенія я вдалъ мои ланиты,
Лица не отвратилъ отъ срама заплеваній,
Сугубую терпя въ безчестіи болѣзнь.
Господь наставникъ мнѣ, помощникъ мнѣ Господь,
И я, не устыдясь стыда отъ человѣковъ,
Какъ камень утвердилъ недвижный отъ ударовъ,
Мое безстыдными біемое лице;
За то меня почтитъ Богъ правды моея.
Кто слову нашему, о Господи! далъ вѣру?
Кому открылася Твоя, о Боже! мышца?
Въ Мессіи страждущемъ, и въ немощи Его,
Твоя вселенную спасающая мощь?
(Такъ пѣлъ Исаія, пѣснь плачемъ растворяя,)
Какъ юный древа стебль, прозябнувшій чудесно
Изъ нѣдръ изсохшія и жаждущей земли;
Такъ онъ изъ глубины безвѣстности возникъ.
Мы видѣли Его—и гдѣ краса и блескъ?
Мы видѣли Его—и се обезображенъ,
И паче всѣхъ людей униженъ и умаленъ,
Весь въ язвахъ, мужъ скорбей, и вѣдущій терпѣть;
Нѣтъ цѣлости на немъ отъ ногъ и до главы.
Онъ, онъ воистинну, подъялъ и носитъ бремя
Всѣхъ нашихъ немощей, грѣховъ и беззаконій,

О насъ болѣзнуетъ—а мы, въ день золъ Его,
Возмнили, буйные, что страждетъ о себѣ,
Какъ мужъ проказою отъ Бога пораженный.
Но страждетъ Онъ за насъ, за насъ томится въ мукахъ,
Казнь Божія на Немъ для насъ источникъ мира,
И язвою Его мы исцѣлѣли всѣ.
Подобно бѣдственнымъ безъ пастыря овцамъ,
Всѣ до единаго блуждали мы отъ вѣка
Блужденіемъ ума въ слѣдъ чувствъ и вождѣлѣній,
Путемъ погибели, для каждаго своимъ,
Всѣ волку-хищнику готовая корысть!
Царь милуя рабовъ караетъ сына гнѣвомъ,
И сынъ, себя за насъ Отцу предавый въ жертву,
На заколеніе ведется какъ овча;
Для жалобъ онѣмѣвъ не отверзаетъ устъ,
Какъ агнецъ подъ рукой стригущаго безгласенъ.
Ведется какъ злодѣй, судомъ уничиженный,
И съ беззаконными вмѣнился всесвятый:
(Межъ смертныхъ онъ единъ не сотворилъ грѣха,
И лесть не обрѣлась въ устахъ его пречистыхъ,)
Поруганъ—и презрѣнъ, и смертію поносной
Восторгнутъ, вземлется съ лица земли живыхъ.
Но кто повѣдаетъ Его отъ вышнихъ родъ?
До смерти обнищалъ—и смертныхъ благомъ нищихъ
Ущедритъ жизнію, обогатитъ блаженствомъ;
Сошелъ во мрачный гробъ—и мертвыхъ отъ грѣха,
Онъ Богу возвратитъ оправданныхъ въ животъ.
Предастся ли на смерть душа его святая?
Онъ узритъ по себѣ свое до вѣка сѣмя,

И вкуситъ сладостный своихъ болѣзней плодъ.
Онъ буйныхъ умудритъ ученіемъ своимъ;
Въ наслѣдіе себѣ пріобрѣтая многихъ,
Расхититъ, раздѣлитъ всѣ крѣпкаго корысти;
И о преступникахъ умолитъ Судію,
Смывъ кровію своей ихъ дерзости вину.
Онъ плача плакался (такъ стонъ пустивъ отъ сердца,
И съ плачущимъ слезящъ, воззвалъ Іеремія)
Онъ плача плакался—и слезы какъ потокъ
Лилися по Его увядшему лицу.
Изъ любящихъ Его и вѣрно имъ любимыхъ
Никто не поспѣшилъ Его утѣшить скорби;
Онъ чуждый помощи, зря въ дружествѣ вражду,
Устами чистыми повергшійся во прахъ,
Біемъ біющему подастъ свою ланиту;
За гордость грѣшниковъ уничижиться алчный
Насытится, увы! досадъ и укоризнъ.
И се, износитъ гласъ отъ страждущей души:
Воззрите на меня, о путники земные!
Кто видѣлъ на землѣ болѣзнь моей подобну?
Въ день ярости своей смирилъ меня Господь;
Пелынью напиталъ и желчью напоилъ,
И предалъ праваго на гибель за виновныхъ.
Онъ свыше надо мной блеснулъ перуномъ казни,
И въ тукъ моихъ костей огнь мщенія повергъ,
И руша обетшилъ тѣлесный мой составъ.
Онъ лукъ свой на меня напрягъ, намѣтилъ вѣрно,
И тула своего пустилъ мнѣ въ сердце стрѣлы;
Онъ, гнѣвомъ праведнымъ (за тьмы и тьмы грѣховъ

Которыхъ возложилъ повинность на меня)
Какъ тучей мрачною покрылся предо мною;
И теплая моя и быстрая молитва,
Доколѣ я дышу, не дойдетъ до него.
Услышавъ тяжкія стенанія мои,
Злосердые враги порадовались въ злобѣ;
Ругаясь и свища, и скрежеща зубами,
Устами жадными зіяя на меня,
Поглотимъ, вопіютъ, добычу до конца;
Приложимъ, вопіютъ, мучилищное древо
Къ его кровавому, истерзанному тѣлу;
И пусть исчезнетъ онъ съ лица земли живыхъ,
И имя пусть его забудется навѣкъ.
А я не возбранилъ ихъ умысламъ лукавымъ,
Какъ агнецъ дышущій незлобіемъ и миромъ
Когда его ведутъ подъ острый смерти ножъ;
Но злые посмѣясь надъ тихостью моей,
Какъ врабія меня въ сѣть козни ихъ навѣтной
Внезапно уловивъ, подвергнули убійству,
И въ ровъ низринули, и камня тяготой
Спѣшили подавить и мертваго въ землѣ,
И пѣснь побѣдную своей воспѣли злобѣ.
Но я изъ пропасти воззвалъ къ Тебѣ, о Боже!
Воздай имъ, Судія! воздай имъ по дѣламъ.
Ты внялъ зовущему; не боися, рекъ въ отвѣтъ;
Предамъ Твоихъ враговъ жестокости ихъ сердца,
И клятвой поражу, и прожену во гнѣвѣ,
И по лицу земли развѣю ихъ какъ прахъ,
Въ попраніе, въ посмѣхъ, всѣмъ смертныхъ племенамъ.

Умолкъ—и се Амосъ, о Божіемъ страдальцѣ
Взрыдалъ—и ревностью по немъ воспламененный,
Грозою возгремѣлъ на злыхъ Его враговъ:
Богъ истинны речетъ: Я падшую во прахъ,
Возставлю, возгражду, сѣнь царскую Давида;
И къ ней съ Іудою стекутся всѣ языки,
И въ ней укроются отъ грома моего,
Которымъ поражу Израиля за грѣхъ,
За горшій древняго и горшій несравненно,
Когда отъ братіи завистливой и злобной
Іосифъ похищенъ и проданъ былъ въ раба.
Ты, родъ нечествующъ отъ Бога твоего!
Изрыгнулъ всю твою на праведника злобу;
Ты продалъ на сребрѣ невиннаго убійцамъ,
И сердцемъ каменнымъ о немъ не поболѣлъ
Когда онъ издыхалъ въ болѣзни смертныхъ язвъ.
И се—твоимъ очамъ, невинной алчнымъ крови,
Во дни померкнетъ свѣтъ, въ полудни зайдетъ солнце;
И гнѣвъ мой на тебя откроется во тьмѣ.
Отвергну я твой градъ, градъ злобы и кровей,
Отвергну чадъ его дыхающихъ убійствомъ.
Я праздники твои возненавижу сердцемъ,
Твоихъ въ святилищѣ не обоняю жертвъ;
Не смѣй ко мнѣ вознесть священныхъ пѣсней гласъ,
Скорбь слуху моему твоихъ органовъ звуки.
Плѣненный мстительнымъ мечемъ иноплеменныхъ,
Ты весь изринешься изъ нѣдръ земли своей,
Скитаться по чужимъ, со срамомъ и стыдомъ.
Пошлю на чадъ твоихъ томящій гладъ и жажду,

Не хлѣба и воды—но слышанія слова,
Въ которомъ кроется души словесной жизнь.
Вселенну обтекутъ носясь изъ края въ край,
Поищутъ для себя нелживаго пророка
Да слышатъ Божіи изъ устъ его глаголы,
Поищутъ—но вотще, нигдѣ не обрѣтутъ:
Ты будешь притчею и чудомъ на земли.
Какъ зерна вѣемой на вѣялѣ пшеницы
На воздухъ возлетятъ и падаютъ на древо,
И быстро мещутся въ противныя страны,
Но цѣлъ и невредимъ хранится ихъ составъ:
Такъ я твоихъ дѣтей во всѣ предѣлы міра
Развѣю, разнесу—но цѣлымъ непрерывно
Родъ слабый соблюду въ рушеніи вѣковъ,
Избранный милуя останокъ отъ тебя.
Умолкъ—и движимый и страхомъ и надеждой,
Воспѣлъ Захарія пѣснь скорби и отрады:
О мечъ отмщенія! востань, глаголетъ Сый,
Востань на пастыря, на друга моего;
Пасущаго срази—и расточатся овцы.
Се хищникамъ волкамъ предастся пастырь стада,
За пѣнязи сребра, за тридесять числомъ,
И рабскою отъ нихъ оцѣнится цѣной
Отъ рабства умнаго словесныхъ искупитель.
Что язвы на твоихъ сквозятся сильныхъ дланяхъ?
Я сими язвами, я смертно уязвленъ
Въ дому возлюбленной собратіи моей,
За возлюбленіе воздавшей мнѣ враждою.
Подвижникъ благости! благъ подвигъ твой для смертныхъ!

Ты пролилъ кровь Твою, кровь новаго завѣта,
И узниковъ за грѣхъ, изъ мрака преисподней,
Изъ рва безводнаго въ подземной глубинѣ,
Избавивъ изпустилъ—и въ небо совознесъ
Какъ знаменье Твоей надъ бездною побѣды.
Ты человѣчество всемощною рукою,
Какъ дымную главню, изъ адскаго огня,
Исторгъ—и обновилъ, и далъ ему цвѣсти
Безсмертной славою въ небесномъ вертоградѣ.
Ты благъ—и не вовѣкъ врагамъ Твоимъ враждебенъ;
И злобной братіи отверженной судомъ,
Есть милость у Тебя въ скончаніе временъ.
Еще я излію, глаголетъ Вседержитель,
На ветхій мой народъ Духъ новой благодати;
И вѣрой просвѣтясь ходящіе во тьмѣ
Съ любовію воззрятъ, потомки, на Того,
Который злобою ихъ праотцевъ жестокихъ
Возненавидѣнный былъ преданъ на убійство,
Умученъ—и въ ребро желѣзомъ прободенъ.
Восплачутся о Немъ—и каяся въ себѣ,
Болѣзнью поболятъ отъ жалости сердечной,
Какъ мать о первенцѣ злой смертью похищенномъ.
Отверзется для нихъ источникъ чистоты,
И въ томъ омоются въ спасеніе они.
Еще я обращусь щедротами къ Сіону,
Еще я изберу мой градъ святый издревле,
И буду я ему вкругъ огненна стѣна,
И славою моей вселюся въ немъ во вѣкъ.
Доселѣ надъ тобой гремѣло, домъ Іудовъ!
Гремѣло общее проклятіе народовъ,

Тогда благословитъ вселенная тебя;
Тогда, во слѣдъ Тебѣ, языки безъ числа,
Прибѣгнутъ къ Твоему спасающему Богу;
И клятва навсегда восхитится отъ смертныхъ,
И будетъ Самъ Господь въ царя по всей земли,
И будетъ Онъ единъ по всей земли великъ.
Твой образъ я носилъ, о страждущій Мессія!
Тебя умершаго, (воззвалъ пророкъ Іона)
Умершаго отъ мукъ, сошедшаго во гробъ,
Не словомъ я прорекъ—страданіемъ моимъ,
Тебя воскресшаго—избытіемъ отъ смерти:
Вознесся до Тебя вопль злобы Ниневіи,
И Ты меня послалъ судить ее на казнь;
Но я, воспомянувъ о благости Твоей,
О благости Твоей, великой безпредѣльно,
По коей Ты щадишь и милуешь виновныхъ,
Страшился отщетить прещеніе мое,
Смутился, побѣжалъ отъ Твоего лица;
Чрезъ море побѣжалъ въ страну неосвященну,
Гдѣ свѣтъ пророчества не озаряетъ смертныхъ.
Но гдѣ убѣжище отъ Духа Твоего?
Ты дунулъ въ слѣдъ меня—и взвѣялъ сильный вѣтръ,
И буря грозная сошла и взрыла бездну,
И влаялся корабль—и ярыми волнами
Біемый, бѣдствовалъ погрязнуть въ глубинѣ.
Зря гибель близкую, трепещущи пловцы,
Къ ихъ суетнымъ богамъ проливъ молитвы тщетны,
Взыскали кто вина ихъ общія напасти;
Метнули жребіи, палъ жребій на меня:
Отъ коей ты страны, отъ коихъ ты людей?

Рабъ Господа-Творца небесъ, морей и суши!
Что сотворимъ Тебѣ да утолится море?
Въ пучину ввергните виновнаго меня,
И буря васъ минетъ и спанетъ въ тишину!
И ввергнули меня виновнаго въ пучину,
И вдругъ утихнулъ вѣтръ, и вдругъ опали волны,
И близкой гибели избавились пловцы.
Ты киту повелѣлъ—и китъ меня пожралъ,
И я тридневновалъ въ живомъ средь бездны гробѣ,
Во чревѣ китовѣ, въ огнѣ пучиннородномъ.
Но въ смертной пропасти Тебя я помянулъ,
Къ Тебѣ изъ глубины всѣмъ сердцемъ возопилъ:
Се, Господи! меня Ты ввергнулъ въ сердце моря,
Се волны надо мной вращаются какъ горы,
Се рѣки на меня ліются до души;
Я влаюсь въ глубинѣ между корнями горъ,
Какъ мертвый заключенъ въ подземные заклепы;
Но въ благости Твоей свѣтаетъ мнѣ надежда
Хвалить Тебя еще въ святилищѣ Твоемъ.
Да взыдетъ, отъ среды истлѣнія и тьмы,
Да взыдетъ жизнь моя къ Тебѣ, ко Свѣту жизни!
Ты внялъ моей мольбѣ смиренно-благодушной;
Ты киту повелѣлъ—и китъ меня извергъ
Живаго, цѣлаго, на сушу изъ воды.
Ты вновь меня послалъ по первому глаголу,
Погибель возвѣстить за злобу Ниневіи;
Три дни я обходилъ великій Богу градъ,
Три дни Твоимъ судомъ претилъ его сынамъ;
Услышали они, раскаялись сердцами,
Оставили въ конецъ пути свои лукавы,

Одѣлись вретищемъ, смирилися постомъ,
И всѣ, о милости, воззвали къ небесамъ.
Востекъ глаголъ къ царю—и царь воставъ съ престола,
И свергнувъ своего величія одежды,
Сѣлъ съ пепломъ на главѣ, на пеплѣ межъ рабовъ,
Съ рабами возопилъ ко Господу горѣ.
И Ты, о Господи! внялъ кающихся воплю,
И Ты раскаялся о злѣ на нихъ сужденномъ,
И милостью Твоей загладилъ ихъ грѣхи,
И свыше имъ послалъ спасеніе Твое.
Тогда Ты мнѣ явилъ, во мнѣ явленну смертнымъ,
Твою въ страданіяхъ, Спаситель смертныхъ! тайну.
Се въ бренной ладіи земнаго житія,
Отъ треволненія неистовыхъ страстей,
Отъ духа бурнаго Зиждителева гнѣва,
Родъ смертныхъ бѣдствуетъ и гибнетъ неизбѣжно;
Ты явишься межъ нихъ, пловецъ между пловцовъ,
Межъ смертныхъ понесешь всѣ смертности бѣды,
И, жертва Божіей карающей ихъ правдѣ,
Въ бездонну вринешься страданія пучину,
И Божій утолишь свирѣпствующій гнѣвъ,
И смертнымъ возвратишь желанный свыше миръ.
Тебя поглотитъ смерть, ты скроешься во гробѣ,
Ты снидешь безъ лучей во мраки преисподни:
Но круга своего не кончитъ третій день,
И Ты изыдешь живъ изъ мертвыя страны;
Изъ сѣни смертныя провозсіяешь въ славѣ,
И умертвится смерть, и разорится адъ.

*

Живый, Ты призовешь, во дворъ на небесахъ,
Блуждающихъ овецъ Израилева дому;
Воскреснешь—и послешь языческому міру
Невѣдомый ему спасенія глаголъ;
И міръ языческій раскается въ грѣхахъ,
Увѣруетъ въ Тебя умершаго за грѣшныхъ,
И вѣрою въ Тебя прейдетъ отъ смерти къ жизни
И росу отъ Тебя пріемля, благодать,
Неплодный процвѣтетъ святынею добротъ.
Умолкъ — и спѣшно вновь державный псалмопѣвецъ
Настроилъ свой псалтирь на радостные звуки,
Перстами вѣщими живыхъ коснулся струнъ,
Подвижнику креста воспѣлъ побѣдну пѣснь,
Глаголы отъ Него Ему воспѣлъ во славу:
Я смертію уснулъ и спалъ во мракѣ гроба,
Но въ гробъ съ надеждою моя вселилась плоть,
Что Ты, о Всесвятый! Святому Твоему
Не дашь возчувствовать истлѣнія въ могилѣ,
Что Ты моей души не заключишь во адѣ.
Тобою я execталъ отъ смерти какъ отъ сна,
И смертность на себѣ какъ вретище раздралъ,
И препоясался веселіемъ и силой.
Я жизни у Тебя просилъ обумирая,
И Ты мнѣ даровалъ дней вѣчныхъ долготу,
И Ты мнѣ показалъ путь новый живота,
Путь воскресенія—изъ подъ земли на небо!
Я братіи моей, спасеннымъ земнороднымъ,
Тебя повѣдаю, небесный нашъ Отецъ!
Тебя превознесу въ собраніи племенъ!

Я смертнымъ предложу безсмертія трапезу;
Снѣдятъ, насытятся убогіе отъ міра,
Восхвалятъ Господа—и вѣрой ихъ сердца
На вѣки оживутъ, умершіе грѣхомъ.
Тогда Ты помянешь, забвенныя дотолѣ,
Во всѣхъ концахъ земли отечества языковъ;
И вѣрой обратясь пріидутъ всѣ къ Тебѣ,
Тебѣ поклонятся, чрезъ сына чтя Отца.
И тучные земли—державные владыки —
Сподобяся вкусить отъ пищи животворной,
Предъ властію Твоей, смиренные рабы,
Повергшись припадутъ, уничижатся въ прахъ.
Тебѣ, изъ рода въ родъ, мое послужитъ сѣмя,
Твою во всѣхъ вѣкахъ провозглашая правду,
И дѣлу чудному всеблагости Твоей
Всѣ вѣки возгремятъ немолчную хвалу!
Да будетъ! (приложилъ Давидъ превосхищенный,)
Сынъ человѣческій! мужъ Божіей десницы!
Тебя на судъ Себѣ Богъ правды укрѣпилъ,
Да стерпишь тяготу карающей грѣхи,
За грѣшныхъ праведный—руки Его Всемощной!
И Ты терпя стерпѣлъ, и воцарился съ Богомъ!
Ты, сила Божія, сошелъ съ креста во адъ,
Сошелъ—и побѣдилъ, и плѣнниковъ его
Плѣнилъ въ небесную чадъ Божіихъ свободу;
Возшелъ на высоту торжественнымъ восходомъ,
Воскресъ—и всѣ Твои разсѣялись враги,
Растаяли какъ воскъ, изчезнули какъ дымъ;
А праведниковъ сонмъ, Твоей причастный правдѣ,
Предъ Богомъ во Твоей возрадовался славѣ;

Ты въ небо воспарилъ во звукѣ умныхъ трубъ,
Пріялъ даянія отъ щедраго Отца
Для братіи своей, для нищихъ человѣковъ,
Пріялъ—и съ вѣрою разсыпалъ имъ обильно,
И славы Твоея божественной лучи
Сіяютъ отъ небесъ по всей, по всей землѣ.
Умолкъ—и мыслію, на крыліяхъ восторга,
Исаія взлетѣлъ въ селенія небесны;
И лику примѣсясь безплотныхъ горнихъ силъ,
Срѣтающихъ съ земли во плоти ихъ Царя.
Ихъ пѣснь провозгласилъ, чудящихся чудесну:
Кто сей, на горняя пришедый отъ Едома,
Прекрасенъ въ утваряхъ багряныхъ какъ заря?
Се я, глаголющій спасеніе и судъ!
Почто, божественный! Твои червленны ризы?
Почто, божественный! красны Твои одежды,
Какъ ризы топчущихъ въ точилѣ виноградъ?
Точило я топталъ во брани на земли,
Безъ помощи людей, единъ моею силой,
Во брани на земли со зміемъ злоначальнымъ!
Попралъ врага вконецъ, истеръ его во прахъ
Съ искидками его, со смертію, съ грѣхомъ.
Но самъ чудовищемъ свирѣпымъ угрызенный,
Свою окровавилъ чистѣйшую одежду;
Но самъ за грѣшниковъ, отъ Бога-судіи,
Въ точилѣ мщенія истоптанный какъ гроздъ,
Мсто смертнымъ источилъ—безсмертной жизни сладость!
Да вкусятъ и живутъ въ веселіи блаженства,
Хвалясь о милостяхъ благаго Божества!

Хвались, божественный! о подвигѣ Твоемъ!
(Исаія воспѣлъ спустясь отъ неба долу)
Онъ славенъ по плодамъ!—я зрю: гора Господня
Во дни послѣдніе явится на земли,
Домъ Божій на ея созиждется челѣ;
Рекутъ, ее узрѣвъ, ликующи языки:
Взойдемъ на Божію небовосходну гору,
Вопросимъ Господа въ святилищѣ Его,
Онъ скажетъ намъ свой путь—и пойдемъ по нему!
Спасутся смертные на сей горѣ отъ смерти,
Помажутся на ней драгимъ святыни мvромъ,
И въ сладость испіютъ нетлѣнія вино,
И всякая слеза отъ всякаго лица
Отымется на ней небесною отрадой.
Пастись на сей горѣ въ чудесномъ будутъ мирѣ,
Звѣрь лютый изъ лѣсовъ и съ поля тихій скотъ,
И пажить всѣмъ одна, и всѣмъ одинъ покой.
Пастись на сей горѣ словесныхъ будутъ сонмы,
Враждебно-нравные въ согласной, дружной паствѣ,
(Любви смягчающей жестокія сердца,
И вѣрѣ гордые смиряющей умы)
Въ едино Божіе совокупятся стадо,
Дыша и внутренней и внѣшней тишиною,
Подъ крестнымъ пастыря распятаго жезломъ.
Свѣтись, свѣтись, Сіонъ! пришелъ, пришелъ твой
свѣтъ!
Се тьма зловѣрія обременила землю,
Се мракъ злочестія отяготилъ народы;
Но слава Божія блистаетъ на тебѣ,
И блескомъ пробудитъ міръ спящій во грѣхахъ.

Воздвигнись—и простри веселы окрестъ взоры:
Се богоданные сыны твои и дщери
Съ веселіемъ спѣшатъ къ тебѣ изъ дальнихъ
странъ;
Доселѣ вязнули во бреніи суетъ ,
И ползали они въ пыли земныхъ пристрастій ;
Но окрылатѣли въ лучахъ отъ солнца правды ,
И взяли свой полетъ, твоихъ взыскуя благъ.
Летятъ, какъ легкія по вѣтру облака ,
Какъ птицы ко гнѣздамъ спасенныя отъ сѣти,
Почіютъ на тебѣ, и обновятся силой,
И быстро воспарятъ, во свѣтлости Твоей ,
На гору въ небесахъ, ко свѣту Божества.
Умолкъ—и къ пѣнію восхитился Іоиль:
Ликуйте веселясь, возвеселитесь въ ликахъ ,
Ликуйте веселясь о Господѣ — Отцѣ,
Сіона славнаго блаженные сыны !
Се правды Божіей учителя благаго
Низпослетъ вамъ съ небесъ Богъ благости безмѣрной,
И милости своей живительнымъ дождемъ
Всю землю упоитъ сердечныхъ вашихъ нивъ,
Да свышней мудрости на нихъ плодится сѣмя.
Тогда я излію — глаголетъ Вседержитель —
Тогда на всякую души словесной плоть
Я щедро излію отъ Духа моего;
Тогда мои рабы, тогда мои рабыни ,
Сіонъ! восторжествуй—сыны твои и дщери —
Пріимутъ отъ моей даятельной руки
Пророчествъ и чудесъ обильну благодать.

Тогда откроются и старости маститой ,
Тогда откроются и юности цвѣтущей,
Во снѣ, во бдѣніи, въ видѣніяхъ съ небесъ,
Грядущія судьбы словесныхъ на земли,
Прозрѣвъ провозвѣстятъ и милости и казни.
Тогда кто призоветъ Господне съ вѣрой имя ,
Спасется въ вѣчну жизнь отъ смерти во грѣхѣ;
Зане внимающій рабамъ своимъ Господь
Спасеніемъ его вселится на Сіонѣ.
Тогда изъ гроздія искаплютъ горы сладость,
И холмы тучное преизліютъ млеко :
Тогда какъ сладкое, цѣлебное вино,
На смертныхъ потечетъ съ мужей богоизбранныхъ,
(Какъ горы Божія премудростью высокихъ)
Любви божественной и разума дары,
И вѣрныхъ усладясь взыграются сердца;
И съ мысленныхъ холмовъ—наставниковъ священ-
ныхъ,
На смертныхъ потекутъ, незлобіемъ младенцевъ,
Ученій млечныя питательны струи,
И вѣрныхъ правдою насытится душа.
Тогда языческой пустынной церкви суша ,
Потоками воды живыя орошенна ,
Небесныхъ изнесетъ обиліе цвѣтовъ,
И въ ризу райскія одѣнется весны. —
Умолкъ—и славящій надъ смертію побѣду,
Востанія Пророкъ, воззвалъ Іезекіиль:
Се Божія рука коснулася меня,
Се Духъ меня воздвигъ зрѣть тайны Божества:
Блуждаю взорами въ необозримомъ полѣ,

И кости безъ числа умершихъ человѣковъ
Лежатъ разсѣянны на всемъ его лицѣ,
И смерти тишина почіетъ на костяхъ.
Сынъ человѣческій! истлѣютъ ли въ погибель,
И ввѣкъ не оживутъ сіи сухія кости?
Ты вѣдаешь сіе, Всевѣдущій! единъ.
Сынъ человѣческій! дерзни и прорицай:
Сухія, мертвыя и тлѣющія кости!
Услышите во тли живаго Бога слово:
Я къ жизни обновлю вашъ мертвенный составъ,
Вновь жилы протягну по вашей наготѣ,
И новой плотію покрою новы жилы,
И кожу новую простру по новой плоти,
И самъ на васъ дохну—и оживете вновь!
Я рекъ глаголъ Творца—и зыбнулась земля,
И зыблясь и стуча совокуплялись кости,
По чину своему сложилися во члены,
Связались жилами, и плотьми обросли,
И кожей облеклись—но хладныя тѣла
Еще дыханіемъ не обогрѣлись теплымъ.
О Духъ! (я рекъ еще) отъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ,
Живитель! пріиди—и дуни въ мертвецовъ!
И вдругъ, прохладою сладчайшею съ небесъ,
Духъ тонкій, жизненный, повѣялъ въ полѣ смерти;
И вдругъ бездушные одушевились трупы,
И стали на ногахъ—безчисленный соборъ!
Такъ полемъ гробищнымъ, проклятая за грѣхъ,
Вся видится земля всевидящему оку;
Такъ смертные на ней—сухія зрятся кости,
Не связанны отнюдь союзами любви,

И жизни разума лишенные въ конецъ.
Но снидетъ Божій сынъ, но воплотится Слово,
На кости проречетъ—и мертвые грѣхами
Услышатъ гласъ Его—гласъ святости, чудесъ!
Услышавъ двигнутся изъ мертвости своей,
И вѣрой обновясь совокупятся миромъ,
Но жизни Божіей еще явятся чужды;
Но Слово съ плотію взойдетъ на высоту,
И духа живота низпослетъ имъ съ небесъ;
Дхнетъ Духъ—и воспрянутъ отъ смерти человѣки,
И станутъ, Божія воинственная сила,
Мужаясь поражать воздушные полки
Враждебныхъ Божеству зломъ дышущихъ духовъ.
Умолкъ—и таинству о Словѣ воплощенномъ
Дивяся съ радостью и радуясь со страхомъ,
Гласъ громкій пѣсненной Спасителю хвалы
Богоглаголивый возвысилъ Аввакумъ:
Я стану на моей пророчественной стражѣ,
На камень я взойду превыспреннихъ видѣній,
Смотрѣть событія предбущихъ вѣковъ,
Внимать Творящему всемірныя судьбы
Я слышалъ, о Господь! — и убоялся сердцемъ —
Чудесъ Твоихъ молву гремящу въ поднебесной;
Се чудо Твоея любви къ сынамъ земли
Я вижу—и горитъ въ груди моей восторгъ.
Се благости Твоей приближатся къ намъ лѣта,
И Ты познаешься непознаннымъ за злобу;
Се правды Твоея пріидутъ времена,
И Ты покажешься отверженнымъ за грѣхъ.
Се въ гнѣвѣ помянувъ свою отъ вѣка милость,

Пріидетъ, воплотясь, отъ юга, отъ Сіона,
Ко грѣшникамъ Святый, на землю Богъ небесъ.
Пріидетъ отъ горы, прекрасной и святой,
Покровомъ Божіимъ одной пріосѣненной;
И свѣтъ Его добротъ—предъ коимъ мрачно солнце—
Покроетъ небеса, прольется въ земный долъ,
И вся исполнится хвалы Его земля.
Я зрю—изъ рукъ Его исходятъ роги силы,
Изъ язвъ Распятаго лучи безсмертной славы,
И тѣми Онъ въ конецъ низложитъ царство тьмы,
И тѣми въ небеса возвыситъ падшій міръ.
Я зрю—Его лицу предходятъ тучи града,
И частые огни сверкаютъ подъ ногами:
Предъ Богомъ посланнымъ, посланники Его,
Подобно облакамъ носящимъ благодать,
По міру потекутъ—и проповѣди словомъ
Нечестіе въ сердцахъ сразятъ какъ сильнымъ градомъ;
И Духа Божія въ нихъ дышущимъ огнемъ
Въ душахъ воспламенятъ божественну любовь.
Путь жизни смертныя свершивъ какъ побѣдитель,
И вѣчну воспріявъ свою на небѣ славу,
Онъ сталъ—и трепетомъ подвиглася земля,
Призрѣлъ—и племена растаяли предъ Нимъ,
Одни въ теплѣ любви, другія въ зноѣ гнѣва:
И горы твердыя—враждебны, сильны царства,
Мечтавшія стоять незыблемо во вѣкъ,
Въ мигъ стерлися во прахъ подъ крѣпостью креста.
Ты, Слово Божіе! Твоею свыше силой
Возсядешь на Твоихъ коней богословесныхъ,

И намъ спасеніе—ѣжденіе Твое.
Ты вѣстникамъ Твоимъ давъ вѣтренны крилѣ,
На нихъ, какъ на своихъ наземныхъ Херувимахъ,
Почіешь облетѣть страны всея вселенной
И смертнымъ расточить спасеніе Твое.
Я зрю—Ты съ торжествомъ навелъ Твоихъ коней
На море бурное зловѣрія языковъ;
И воды многія — великіе народы —
Смутясь и возшумѣвъ воздвиглися на нихъ,
И силились препять ихъ бѣга быстроту,
Гоненій и крамолъ свирѣпыми волнами;
Но силились вотще—Ты ярую пучину
Возгналъ и раздѣлилъ дхновеніемъ Твоимъ,
И твердые открылъ конямъ Твоимъ пути,
Тебя, ихъ всадника, со славой боголѣпной,
По царствамъ обнести спасаемымъ чрезъ вѣру.
Я зрю—въ вещественномъ духовный созданъ міръ,
Свѣтящійся въ лучахъ великихъ двухъ свѣтилъ:
Ты въ горняя возшедъ, Спаситель! солнце правды,
Спасенныхъ осіялъ днемъ славы невечернимъ;
И церковь, отъ Тебя заемлющая свѣтъ,
Для дольныхъ странниковъ, въ нощи ихъ житія,
Какъ полная луна сіяя благодатно,
Являетъ ихъ очамъ сквозь бѣдствія пустыни
Во градъ веселія неблазненну стезю.
Свѣтила два сіи, едино за другимъ,
И каждое въ своемъ величественномъ чинѣ,
Текутъ по высотѣ таинственнаго неба
Средь молній и громовъ безчисленныхъ чудесъ;
И страхъ спасительный объемлетъ смертныхъ родъ,

И страхъ погибельный сражаетъ козни ада.
Ты Самъ, о Сый! въ Твоемъ помазанникѣ-сынѣ,
Ты Самъ тогда изшелъ спасать Твоихъ людей,
Когда Онъ одолѣвъ сугубу смертныхъ смерть,
Изъ гроба, присноживъ, изшелъ какъ побѣдитель,
Сразить оружіемъ живой, небесной вѣры,
Безвѣріе племенъ живущихъ на земли.
Изшелъ да покоритъ вселенную кресту,
Да знаменья явивъ, народамъ и владыкамъ,
Суда и милости, и благости и силы,
Спасетъ своихъ рабовъ, которыхъ искони
Къ спасенію своимъ помазалъ божествомъ.
Я зрю—и о моемъ Спасителѣ и Богѣ,
Хвалясь возрадуюсь, возвеселюсь во вѣки;
Онъ сила немощныхъ—и пѣсни торжества
Какъ громы возгремятъ Ему изъ рода въ родъ.
Умолкъ—и се Давидъ паритъ на небо неба,
И въ Духѣ познаетъ Отца и Сына тайны,
И въ струнахъ съ пѣснію величитъ ихъ совѣтъ:
Сый Господу изрекъ, Богъ Богу моему:
О Ты, по божеству, мнѣ вѣчно сопрестольный!
Сѣди—какъ человѣкъ—у Бога одесную,
Доколѣ положу враговъ Твоихъ главы
Въ подножіе Твоимъ почіющимъ ногамъ.
Сый дарствуетъ Тебѣ жезлъ силы отъ Сіона,
Съ Сіона власть Твою прострetъ по всей вселенной,
И Ты, среди враговъ, господствуй съ торжествомъ;
Съ Тобою и въ Тебѣ—и низу и горѣ—
Надъ всею тварію державное начальство;
Но въ полной лѣпотѣ оно явится міру

ВЪ день силы Твоея, вЪ день вѣчнаго суда,
Во свѣтлости ТвоихЪ прославленныхЪ святыхЪ.
Не создалЪ я Тебя, родилЪ Тебя изЪ чрева,
(И слава Божества Тебѣ достоитЪ Богу)
ОтЪ вѣчности родилЪ совѣчнаго Отцу.
Сый клялся—и свершитЪ: священникЪ Ты во вѣкЪ!
СвященникомЪ-царемЪ предображенный долу,
ПодЪ небомЪ, безЪ Отца; безЪ матери, на небѣ;
НебеснымЪ, не земнымЪ, священствомЪ облеченЪ,
Свою, не чуждую, принесшій вЪ жертву кровь.
На тверду восклонясь, о Сый! Твою десницу,
ВЪ день гнѣва своего, Господь-Спаситель міра,
НизринувЪ сокрушитЪ гонителей-царей,
Которые дерзнутЪ гордыней обуявЪ,
Стязаться сЪ нимЪ умомЪ и препираться силой;
КакЪ царь всея земли разсудитЪ всѣ народы,
И царства многія враждующи Ему
ИсполнитЪ грудами развалинЪ ихЪ градовЪ.
Но чѣмЪ толь свѣтлая притяжется побѣда?
На жестокомЪ пути суровой, смертной жизни,
ОнЪ горькій испіетЪ страданія потокЪ,
ИспивЪ превознесетЪ главу превыше звѣздЪ:
ИспилЪ и превознесЪ—и славы пренебесной
Вѣнчался на земли всесвѣтлыми лучами.
Вотще, шатаяся неистовствомЪ страстей,
И тщетной поучась злохитрости умомЪ,
Языки, со властьми, сЪ отверженнымЪ народомЪ,
На Бога, на Его помазанника-сына,
Востали мятежемЪ—и сЪ дерзостью хулы
Кичились упразднить всеблагости совѣтЪ,

Совѣтъ—освободить грѣху порабощенныхъ;
Кичились потоптать благое вѣры иго,
И узы разорвать божественной любви,
Которыми она ихъ души и сердца
Влекла отъ суеты къ неложному блаженству.
Живый на небесахъ, смѣясь ихъ буйства козням,
Ихъ немощь обличивъ, дастъ правдѣ торжество;
Но гнѣва своего на нихъ низвергнетъ громъ
И въ прахъ ихъ сокрушитъ какъ бренные сосуды;
Но ярости своей кипящу, полну чашу,
На свой преизліетъ отверженный народъ,
И бѣдствіемъ его вселенну ужаситъ.
Я зрю:—приспѣла казнь рабамъ ожесточеннымъ:
Се слова Божія сладчайшая трапеза,
Которой въ смертности живилися они,
Не пища въ вѣчну жизнь—но сѣть имъ и соблазнъ!
Се очи мысленны смѣживъ не видѣть свѣта,
Они, въ сіяніи всемѣстной благодати,
Свѣтящей паче дня словесныхъ племенамъ,
Блуждаютъ какъ въ нощи, внѣ мирнаго пути;
Се блага дольняго алкая ненасытно,
Не выспрь возносятся желаніемъ сердечнымъ,
Но клонятся къ землѣ сляченнымъ ихъ хребтомъ
Подъ тягостью руки Карателя съ небесъ.
Се палъ и запустѣлъ ихъ вѣры градъ священный,
И нѣтъ имъ житія въ ихъ собственныхъ жилищахъ;
Се, плодовитостью ихъ красная страна,
Въ степь дику претворясь подъ клятвою за нихъ,
Являетъ ихъ вину въ вѣкъ вѣка земнороднымъ;
Являетъ ихъ вину—что дышущи убійствомъ,

Погнали кроткаго, котораго съ небесъ,
Какъ жертву вольную за грѣшниковъ земли,
Ты, Боже! поразилъ судомъ Твоимъ и гнѣвомъ;
Что къ язвамъ отъ Тебя вновь язвы прилагая,
Мученіемъ Его умучили на смерть.
Ты новые грѣхи ко древнимъ ихъ грѣхамъ
Приложишь, попустивъ не каяться ихъ злобѣ.
Безблагодатные, въ Твою не внидутъ правду,
И Ты ихъ потребишь отъ книги живота,
Въ которой праведныхъ сіяютъ имена.
Но не умалится великій сонмъ избранныхъ;
Я духомъ изочту друзей Твоихъ, о Боже!
Для сердца моего возлюбленныхъ, драгихъ,
И се—безчисленны какъ звѣзды, какъ песокъ!
Умолкъ—и пѣніе умолкло на Сіонѣ.
Се раннимъ сумракомъ прикрытая въ дремотѣ
Природа сельная безмолвствуетъ вокругъ;
Но слухомъ внутреннимъ еще моя душа
Еще небесныя съ Сіона слышитъ пѣсни,
И гласъ божественный живыхъ, словесныхъ гуслей,
Въ которыхъ, (таинство брящающихъ креста),
Основы стройныя созвучныхъ слова струнъ,
Перстъ Вышняго своимъ одушевлялъ искуствомъ;
И радостной живилъ спасенія надеждой
Отъ скорби во грѣхахъ унылый смертныхъ родъ.
Еще парящая въ слѣдъ пѣсней къ небесамъ,
Тебѣ, моя душа приноситъ честь и славу,
О Слово на крестѣ! любитель человѣковъ!
Что къ теплымъ отъ нея склонился Ты мольбамъ.
Что искрой отъ луча премудрости Твоей

Ты гаснущій возжегъ ума ея свѣтильникъ;
Да вѣры Твоея, свѣтающу какъ утро,
Зритъ нову благодать во мракѣ древнихъ дней;
Во мракѣ древнихъ дней—когда къ Твоимъ сынамъ,
Какъ нѣжный ихъ отецъ и щедрый промыслитель,
Ты рано посылалъ рабовъ Твоихъ, пророковъ,
Съ благою вѣстію, что чаемый съ небесъ
Грядетъ помазанникъ, грядетъ Святый Святыхъ,
Избавить грѣшниковъ—отъ долга вѣчной правдѣ
Искупомъ праведной за нихъ ліемой крови,
Отъ адовыхъ оковъ—оружіемъ креста.
Ты дерзновеніе вдохнулъ моей душѣ,
Разгнуть священные пророческіе свитки,
Прочесть, прописанны за вѣки до событій,
Всѣ подвиги Твоихъ силъ, доблестей, щедротъ,
На трудномъ поприщѣ спасенія людей;
И отъ сокровища словесъ Твоихъ благаго
Благое изнести свидѣтельство словеснымъ,
Что вѣра отъ Тебя—отъ солнца дневный свѣтъ;
Зане Ты царь вѣковъ—и вѣдаешь единъ,
Что смертнымъ породятъ грядущи дни и лѣта;
Зане Ты вся творишь—и нарицаешь ясно,
Какъ сущее уже, что чуждо бытія,
Но быть чему судилъ Твой Промыслъ искони.
Ты посланный Отцемъ, миръ міру вожделѣнный,
Сошелъ—и все свершилъ, что міру во Пророкахъ
Издревле о Тебѣ глаголалъ Богъ Отецъ.
Свершилъ—и положилъ на вѣру отъ Тебя
Святыни божества печать богоподобну.
Ты вѣрою въ Тебя мое очисти сердце,

Ты разумъ мой наставь на истинну ея,
Да въ ней Твоихъ изрядствъ отсвѣтный вижу блескъ;
И пламенѣющій любви Твоей восторгомъ,
И къ пѣсни о Тебѣ во мракѣ нощи бдящій,
Дерзая приложу, съ молитвой у креста,
На новую Твою, Распятый! похвалу:
На нову похвалу за милость древню, вѣчну,
Которая съ небесъ, преступнымъ земнороднымъ,
Судъ правды предваривъ, пощаду изрекла;
Которая съ креста, убивъ на немъ вражду,
На грѣшниковъ пришла и утвердилась миромъ;
О коей въ вѣкъ и въ вѣкъ, Тебя препрославляя,
И, знаменье Твое, честный чествуя крестъ,
Хвалясь восхвалится спасенный смертныхъ родъ.

*

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти.

1. Тим: гл. 3: ст. 16.

НОЧЬ У КРЕСТА.

Померкъ на западѣ блескъ вечера багряный;
Природа облеклась, какъ ризой, темнотою,
И ночь спокойная, безмолвіемъ своимъ,
Къ дремотѣ сладостной склоняетъ всяку плоть.
Душа! не воздремли, но бодрствуй въ мірѣ спящемъ,
Но бодрствуй у креста—и кланяясь на мѣсто,
Гдѣ ноги Господа стояли Твоего,
Къ Нему съ молитвою взывай изъ глубины,
Да дастъ видѣніе очамъ Твоимъ примрачнымъ,
И доброрѣчіе устамъ худорѣчивымъ,
Зрѣть шествія Его на поприщѣ земномъ,
И пѣснію хвалы лобзать Его слѣды.
Взывай—и воспріявъ крилѣ небесныхъ мыслей,
Стремися на востокъ, на землю древле святу,
Стремись во срѣтенье Востоку съ высоты,
Который, посѣтить изволивъ дольній міръ,
Нисходитъ возсіять во тьмѣ сѣдящимъ людямъ,
Сѣнь смертну озарить лучемъ животворящимъ,
Ничтожеству грѣха дать правды бытіе.
Нисходитъ — вознесись горѣ, моя душа!
И гласомъ матери, тебя родившей Богу,
И гласомъ чадъ ея, твоихъ отцовъ по вѣрѣ,
Дерзай нѣмотствовать о Словѣ въ небесахъ,
О бывшемъ искони у Бога божествомъ,
О сшедшемъ отъ небесъ, небесъ не оставляя,

Во плоти на земли витать между словесныхъ,
Ко благу ихъ воззвать погрязшихъ въ безднѣ зла,
Воззвать и возвести на выспренню степень,
Съ которой, за вину, низверглись низу, низу.
Дерзай нѣмотствовать, но съ трепетомъ священ-
нымъ:
Какъ солнцу самому солѣтенъ солнца свѣтъ,
Какъ сынъ родителю тождественъ естествомъ,
Какъ слово отъ ума раждается безстрастно;
Такъ Слово Вышняго, и Сынъ единородный,
И славы отчія животворящій свѣтъ,
Неиспытуемо рожденный отъ Отца,
Родившему Его совѣченъ, соестественъ,
Съ Отцемъ равно всеблагъ, съ Отцемъ равно все-
мощенъ,
Съ Нимъ вкупѣ сотворилъ всю тварь изъ ничего,
Съ Нимъ вкупѣ возсоздалъ грѣхомъ растлѣнный міръ.
Зря смертію держимъ словесныхъ родъ преступный,
Зря, казнію за грѣхъ, державу смерти тверду,
Онъ милосердовалъ о смертныхъ племенахъ,
Во пропасть пагубы валящихся стремглавъ;
Онъ, отчая печать, Онъ, истый образъ Божій,
Зря въ нихъ, свои черты, въ началѣ впечатлѣнны,
Неистовствомъ страстей изглаженны въ конецъ,
Не ангела послалъ подобить ихъ Ему,
(Зане и Ангелы по образу, не образъ;)
Но Самъ благоволилъ сойти отъ горней славы,
И мертвыхъ оживить умертвіемъ за нихъ.
Безгрѣшный воспріявъ за грѣшниковъ страдать,

Безстрастный восхотѣлъ счетаться плоти страстной,
Счетаться навсегда неслитно, нераздѣльно,
И чувственъ чувственнымъ явиться на земли;
Да смертные Его осяжутъ божество,
И разумомъ къ Отцу возвысятся отъ Сына,
И въ Сына вѣрою Отцу усыновленны,
Блаженство возвратятъ отеческой любви,
И съ Сыномъ, братія, наслѣдятъ небеса.
Такъ Слово міръ спасти судило всеблагое,
И такъ исполнился судъ благости безмѣрной.
Творецъ, премудростью создавый небеса,
На землю нисходящъ, создалъ себѣ на ней,
Любовію создалъ—одушевленно небо;
Избралъ вѣрнѣйшую изъ дщерей Авраама,
И вѣномъ всѣхъ добротъ ущедривъ отъ Себя,
Себѣ предобручилъ въ несредственный союзъ,
Какъ Ангелъ чистую души и тѣла дѣвствомъ,
Зачать и породить единаго съ Нимъ сына.
И се—по манію Владыки горнихъ силъ,
Единый изъ седьми превыспреннихъ духовъ,
Престолу царскому во славѣ предстоящихъ,
Избранной возвѣстилъ ея верховну славу,
Быть дѣвой въ рождествѣ, быть матерью Творцу.
Услышала она, и пала предъ Творцемъ,
Въ величіи своемъ уничижилась волей,
Рабою нареклась пронареченна матерь;
И нардъ ея души, смиреніемъ дохнувъ,
Далъ сладкую воню и Вышняго привлекъ.
Се Вышній осѣнилъ свою богоневѣсту,

Свою ей удѣлилъ раждающую силу;
Се Духъ Его святый проникъ ея составъ ,
И тѣло въ ней создалъ изъ дѣвственныхъ кровей ,
И въ тѣло чистое святую вдунулъ душу;
И съ тѣломъ и съ душей соединилось Слово ,
Единаго горѣ, единой долу, сынъ,
Сынъ Бога, сынъ жены, и Богъ и человѣкъ!
Подобно какъ душа въ союзѣ съ тѣломъ бреннымъ,
Всѣ въ цѣлости хранитъ свои духовны свойства:
Такъ человѣчеству счеталось божество,
Своихъ не оскудивъ божественныхъ изрядствъ;
Но въ праведной душѣ, но въ тѣлѣ непорочномъ,
Своимъ вселилося всецѣлымъ совершенствомъ;
И въ дѣвѣ сопряглись, въ единое лице,
Двухъ странъ ходатая два разны естества;
И обожилися душа Его и тѣло ,
Вочеловѣчшимся въ душѣ и въ тѣлѣ Богомъ.
Такъ дѣвою зачатъ, Богъ Слово—человѣкъ !
Такъ дѣвою рожденъ, Богъ Слово—отроча !
Рожденъ—и рождество не увядило дѣвства,
Прошелъ—и пребыли врата запечатлѣнны.
Какъ яркій солнца лучъ проходитъ сквозь кристалъ,
И хрупкаго его не рушитъ вещества,
Но свѣтлости своей ему даруя славу
Свѣтящимся творитъ составъ его прозрачный:
Такъ чисто возсіялъ, Сынъ Божій, вѣчный свѣтъ ,
Отъ дѣвы-матери, чертога чистоты ,
Тѣлеснымъ облакомъ для смертныхъ прикровенный;
Да видятъ смертные, несмѣжными очами,
Его величія имъ вмѣстную зарю,

И въ души мрачныя пріявъ ея лучи,
Святынею Его святятся въ чада Богу.
О таинство чудесъ! явился Богъ во плоти,
Уставленныхъ временъ наставшей полнотѣ!
О часъ явленія! я зрю твой дивный блескъ,
Сіяешь ты въ вѣкахъ, осіяваешь вѣчность:
Когда молвы дневной пресѣкся шумъ тревожный,
И всѣми тварями владѣла тишина,
И въ шествіи своемъ преполовлялась ночь,
И въ звѣздныхъ небесахъ свѣтилась какъ въ зерцалѣ
Для созданныхъ умовъ Зиждителева слава;
Тогда сошло съ высотъ на низкій земный шаръ,
Отъ трона Вѣчнаго на смертную юдоль,
Всесильнаго Творца соедѣтельное Слово,
Воитель мужественъ, на брань со зміемъ ада.
Сошло—да сокрушивъ чудовища главу,
Изъ челюстей его исторгнетъ смертныхъ родъ;
Да хищника поправъ, Царь мира, правды, славы,
Во вѣки царствуетъ надъ тварію словесной.
Но гдѣ оружіе воителя съ небесъ,
Которымъ побѣдитъ подземнаго врага?
Гдѣ свышняго Царя престолъ превознесенный,
Въ тѣни котораго, почіютъ всѣ народы
Покоемъ вѣчнаго спасенія отъ золъ?
Что зрю? о глубина божественныхъ судебъ!
Онъ немощью облекъ свою всемощну силу,
И гордаго сразитъ смиренія ударомъ;
Онъ рабства на себя пріялъ презрѣнный видъ,
И дастъ рабамъ грѣха свободы благодать.
Сый начинается! подъ временемъ превѣчный!

Рожденный Богомъ Богъ, раждается младенецъ!
И Вездѣсущему нѣтъ мѣста на земли!
Вертепъ Ему чертогъ! и ясли колыбель!
Сынъ вышняго Отца создателя вселенной,
Сынъ бѣдной матери! сынъ мнимый древодѣля!
(Зане на таинство отъ дѣвы рождества,
Отъ неба опущенъ супружества покровъ;
Да перста Божія не видя врагъ надменный
Неистовъ ринется на новый ковъ убійства,
И сѣтію своей погибнетъ уловленъ.)
Во ясляхъ возлежитъ—живый на небесахъ!
Неосязаемый—повитый пеленами,
Да смертныхъ разрѣшитъ грѣховныя пленицы!
Питающій своей щедротой всяку плоть,
Млекопитается дѣвическимъ сосцемъ!
Давидовъ кровный внукъ, въ Давидовой отчизнѣ,
Престола царскаго въ Израилѣ наслѣдникъ,
Среди своихъ рабовъ—безъ чести, безъ услугъ!
Но въ выспреннихъ какъ Богъ чествуемъ и служимъ!
Тамъ рекъ о Немъ Отецъ—и силъ небесныхъ строи,
Всѣ пали на лице предъ Сыномъ первороднымъ,
Который, воплотясь, явилъ имъ Божество,
И новымъ восхищалъ восторгомъ ихъ умы,
И новымъ торжествомъ о обновленьи міра
Украсивъ, увѣнчалъ ихъ вѣчное блаженство.
Оттолѣ, радости божественной струя,
Изъ моря радостей—изъ моря безъ бреговъ—
И долу пролилась на сѣтующу землю.
Се вѣстникъ милости отъ Бога земнороднымъ
Съ дружиною спустясь на мрачный земный кругъ,

И нощь на немъ разгнавъ лучами отъ себя,
Блестящъ благовѣстилъ незлобивымъ изъ смертныхъ,
Мессіи рождество, спасителя ихъ рода,
Младенца—Господа, во ясляхъ, въ пеленахъ!
Съ вождемъ и цѣлый полкъ безплотныхъ свѣта чадъ
Воспѣлъ и возгремѣлъ: во вышнихъ Богу слава!
Миръ смертнымъ на земли—отъ Троицы тричастный!
Миръ съ Богомъ! миръ съ собой! миръ съ ближними себѣ!
Благоволеніе, о смертные! на васъ!
Воспѣлъ во слухъ земныхъ ликъ жителей небесныхъ,
Сердца обвеселилъ изгнанниковъ унылыхъ
Надеждой, ликовать въ отеческой странѣ;
Воспѣлъ—и съ пѣснію взлетѣлъ надъ звѣзду твердь.
Но твердь гласитъ сама о Словѣ воплощенномъ:
Се чудная звѣзда блеснула на востокѣ,
И звѣздъ поклонники, въ слѣдъ новыя звѣзды,
Подвиглись, потекли, приспѣли въ Виѳлеемъ,
И покланяются, въ вертепѣ солнцу правды.
Се Еѳіопія, Персіда, Аравія,
Въ лицѣ своихъ царей, отъ лика царствъ земныхъ,
Богорожденное боготворятъ дитя;
И Бога, и Царя, и смертнаго для смертныхъ,
Чествуютъ данію, ливаномъ, златомъ, смирной,
И сами отъ Него пріемлютъ щедрый даръ,
Даръ вѣры истинной, благъ истинныхъ залогъ.
Любовію съ небесъ на землю низведенный,
Спѣшитъ, едва рожденъ, страдать за земнородныхъ,
И лить, за ихъ вину, свою невинну кровь;

Ліетъ—и образомъ по тѣлу человѣкъ,
Сталъ образъ грѣшника обрѣзаніемъ тѣла;
И знаменье грѣха на плоти непорочной
Пріявъ, со грѣшными вмѣнился всесвятый;
И правды Божіей всестрогому суду,
Не должный ей ничѣмъ, подвергъ себя за грѣшныхъ.
Своею правдою свободный отъ закона,
Подъ иго тяжкое законной правоты
(Котораго понесть всѣ люди не могли)
Свою Онъ преклонилъ младенческую выю;
Да всяку заповѣдь свершивъ, за смертныхъ смертный,
Отъ смертныхъ отвратитъ претящей клятвы громъ.
Симъ подвигъ предначавъ спасенія людей,
Отъ Бога Онъ пріялъ божественное имя,
О коемъ всякое поклонится колѣно,
На небѣ, на земли, и въ мрачной глубинѣ:
То имя Іисусъ, Спаситель отъ грѣха!
То имя, то одно, спасаетъ человѣковъ,
То имя, Божеству—благоуханій сладость,
И Ангеламъ—восторгъ, и смертнымъ—торжество,
И ужасъ—полчищамъ ужасныхъ адскихъ силъ.
Но адъ бѣснуется, предчувствующій кару,
Бѣснуясь востаетъ войною на младенца;
И зависть лютая мучителя-царя
Свирѣпствуетъ убить владыку живота,
Убить соперника оружіемъ коварства.
И се!—но что я зрю?—вселенныя спаситель,
Отъ злобы смертнаго спѣшитъ спастися самъ!

Могущій маніемъ въ ничто истнить врага,
Самъ нощію бѣжитъ отъ вражія навѣта!
Смиряясь въ высотѣ, Онъ падшимъ отъ гордыни
Высокій подаетъ смиренія примѣръ;
Гонимый бѣгствуетъ, подъемлетъ тяжкій путь;
И, царь Израилевъ, пришельствуетъ въ Египетъ,
Да Богу возвратитъ, предосвятивъ собою,
Страну, гдѣ пасхою прообразилъ себя,
Страну, гдѣ властвовалъ противникъ божества.
Тамъ въ нѣдрѣ тишины, безвѣстностью сокрытый,
Отъ хищника Господь таился вседержавный.
Но хищникъ дышетъ зломъ—и въ козни посрамленъ,
Весь гнѣвомъ воскипѣлъ, и Вышняго судьбы,
Безумецъ, возмечталъ своею рушить силой:
Избилъ, безчувственный, младенцевъ Виѳлеема,
Избилъ, да погубитъ единаго во всѣхъ.
Погибли тысящьми, закланные мечемъ,
Погибли тысящьми, ударенны о камень,
Тиранства звѣрскаго невиннѣйшія жертвы;
И млечныя струи нѣжнѣйшихъ ихъ мозговъ,
И токи чермные чистѣйшихъ ихъ кровей,
Со скалъ и со стремнинъ лилися на долины.
Стонъ рѣжемыхъ дѣтей вознесся выше Рамы,
И тамо спящую глубокимъ, смертнымъ сномъ,
Встревоживъ пробудилъ праматерь ихъ Рахиль.
Воздвиглася она, восплакалась о чадахъ,
Которые, увы! кровавы, бездыханны,
Валялись грудами вокругъ ея одра,
Какъ злаки сельные пожатые косой.
Восплакалась она—и плачемъ неутѣшнымъ,

На гордую главу дѣтоубійцы-звѣря
Звала и призвала отмщеніе съ небесъ.
Громъ казни возгремѣлъ надъ извергомъ земли;
Онъ палъ—и изнемогъ, и душу кровожадну
Изъ тѣла смраднаго, гніющаго отъ струповъ,
На муки вѣчныя въ мученіяхъ извергъ.
Настала сладкая по бурѣ тишина,
И Сына своего воззвалъ Отецъ небесный
Отъ странъ Египетскихъ въ Израилеву землю:
Но градъ его пріялъ неславенъ, малъ, убогъ;
Отъ града Іисусъ нарекся Назорей,
Святыни красный цвѣтъ, священный Всесвятому!
Тамъ жительство свое избралъ живый во вышнихъ;
Но коимъ блещущимъ величіемъ извнѣ
Себя знаменовалъ межъ тварями Творецъ?
Что дѣетъ воплотясь Богъ славы всемогущій?
Воззри, и устыдись, надменность человѣка!
Сошедъ на нижшую межъ смертными степень,
Онъ имъ подобится во всемъ кромѣ грѣха;
Подъемлетъ немощи ихъ бреннаго состава,
Преходитъ возрасты ихъ жизни преходящей,
Да всѣмъ явитъ въ себѣ зерцало всѣхъ добротъ.
Растетъ— и мышцами крѣпѣетъ отроча,
Умомъ въ премудрости преуспѣваетъ свышней;
Растетъ—и полноту вмѣщая благодати,
Въ смиреніи таитъ сокровище свое;
Любезенъ кротостью предъ Богомъ и людьми,
Онъ силы внутренни износитъ внѣ помалу;
Младенецъ, отрокъ, мужъ, безлѣтный въ лѣтахъ
зрѣлыхъ!

Владыка въ небесахъ, подвластенъ на земли!
И повинуется—Господь своимъ рабамъ,
Сынъ Вышняго Отца—родителямъ наземнымъ!
Вседѣтель—древодѣль! труждается руками,
И въ потѣ отъ трудовъ снѣдаетъ скудный хлѣбъ!
И дѣлитъ, праведникъ, преступника судьбу,
Да страждущъ безъ вины обезвинитъ виновныхъ.
Свѣтило дневное вращалось надъ землею,
И трижды десять кратъ свершило лѣтній кругъ;
И зрѣло своего и всяческихъ Творца,
Подъ кровомъ низменнымъ, въ безвѣстности ни-
щетной,
Межъ смертныхъ смертнаго, витающа безмолвно,
Носяща на себѣ и нуждъ ихъ тяготу,
И тяжкій выямъ ихъ яремъ работныхъ дѣлъ.
Но часъ приближился да внидетъ Сильный въ под-
вигъ:
Врага препобѣдить враждующаго Богу,
Зло благомъ одолѣть—и смертнымъ всѣхъ вѣковъ
Дать образъ совершенъ всѣхъ доблестей души.
Се свыше возопилъ Богъ неба къ земнороднымъ,
Се Божій гласъ живый, мужъ посланный отъ Бога,
Неплодной старицѣ отъ Бога данный плодъ,
Мужъ смертный естествомъ, мужъ Ангелъ чи-
стотой,
Во чревѣ матери въ пророка освященный,
Посредникъ ветхаго и новаго завѣта,
Въ комъ срѣтясь обнялись законъ и благодать,
Предтеча Вышнему въ пути Его земномъ,
Изшелъ изъ глубины безмолвныя пустыни,

Гдѣ съ первыхъ жизни лѣтъ особился отъ міра;
Гдѣ сердцемъ презиралъ вся красная для чувствъ,
Во плоти ревновалъ безплотныхъ житію
Вкушая скудную суровыхъ зелій пищу,
И острую нося на тѣлѣ власяницу;
Гдѣ, къ Господу всегда вперенный весь умомъ,
Единъ Единому служилъ на единѣ.
Изшелъ, дать чадамъ тьмы свидѣтельство о свѣтѣ,
Покайтесь, возгласилъ—и кающихся сонмы
Какъ волны притекли къ нему на Іорданъ.
Тамъ страхомъ сокрушивъ сердецъ ихъ жестоту,
Онъ ихъ предочищалъ водой къ святынѣ Духа,
Къ святынѣ отъ лица грядущаго Мессіи.
И се, со грѣшными, самъ чаемый святый,
Имущій правдою запечатлѣть грѣхи,
Самъ Царь грядетъ къ рабу, грядетъ омыться чистый!
И нудимый Царемъ едва дерзнулъ со страхомъ
Рабъ руку положить на царскую главу.
Владыку ощутивъ сталъ быстрый Іорданъ,
Вспять воды обратилъ—но силою Владыки
Удержанный, пріялъ въ струи свои прозрачны
Духовный, свышній огнь, животворящій тварь;
И жизнью воскипѣлъ, и радостью взыгралъ,
И плещущъ восхвалилъ крещаемаго Бога.
Крестился Іисусъ—и сильною пятою
Стеръ гордыя главы, гнѣздившихся въ водѣ,
Подземной бездною изрыгнутыхъ зміевъ.
Крестился—и надъ нимъ, молящимся за смертныхъ,
Разверзлись небеса, для смертныхъ затворенны;

И въ видѣ голубя, Духъ Бога и отца,
(Имѣющій вдохнуть незлобіе во злыхъ,
И блудныхъ житіемъ уцѣломудрить смертныхъ)
Слетѣлъ на Божія крестившагося Сына.
Слетѣлъ—и грѣшникамъ принесшій мирну вѣсть
Что пагубный для нихъ престалъ потопъ грѣха,
Онъ дѣйствіемъ своей, Сыновней, Отчей мощи
Очистивъ обновилъ лице земли растлѣнной;
Очистивъ освятилъ воздушныя страны,
Гдѣ воевъ Князя тьмы носились облака
Губительствомъ дыша на души человѣковъ;
Очистивъ одарилъ чудесной воды силой
Съ тѣлами омывать и душъ нечистоту,
Ядъ змія древняго носящихъ на себѣ.
Но съ Духомъ самъ Отецъ свидѣтельствовалъ Сыну,
Самъ гласомъ возгремѣлъ надъ многими водами:
Се, вѣрные земли! возлюбленный мой сынъ,
Я въ немъ благоволю, вы слушайте Его.
И вѣрные земли, оттолѣ въ вѣчны роды,
Зрятъ образъ Троицы, какъ солнца видъ въ зерцалѣ,
Въ водахъ крещенія величіемъ свѣтящъ,
И чтутъ единое въ трехъ лицахъ Божество.
Такъ правду всякую Спаситель исполняя,
Для смертныхъ растворивъ безсмертной жизни баню,
Великъ свидѣтельствомъ небеснымъ и земнымъ,
Се, Духомъ божіимъ подвигнутый, спѣшитъ
На подвигъ новаго величія по духу.
Зрю страшную очамъ пустыню дику, знойну:
Тамъ водъ не пролились ни скудныя струи,

Тамъ злаковъ не раститъ пресохшая земля.
Тамъ человѣческой стопы не зрится слѣда,
Тамъ рыщутъ стаями лишь звѣри кровожадны,
Лишь пресмыкается кипящій ядомъ гадъ.
На поприще сіе золъ, ужасовъ и бѣдъ,
Вступаетъ, самозванъ, божественный подвижникъ,
На прю, за чадъ земли, съ прелестникомъ изъ бездны;
Да всѣми кознями лукаваго боримъ,
И все преодолѣвъ, гордыни сломитъ рогъ;
Соблазны отражать уча своимъ примѣромъ
Для смертныхъ облегчитъ брань тяжку искушеній,
И дастъ имъ отъ себя, по власти отъ заслугъ,
Побѣду, немощнымъ, на крѣпкаго врага.
Се крѣпкій оный врагъ, и лестію губитель,
Адъ хитростей на зло въ умѣ своемъ носящій,
Все къ умыслу воззвалъ, все къ дѣйствію подвигъ;
Да Сына Божія, Святаго изъ людей,
Въ сѣть тайную грѣха уловитъ неизбѣжно.
Гордъ чаемымъ вѣнцемъ, напалъ на человѣка,
Но къ Богу приразясь отпрянулъ посрамленъ.
Четыредесять кратъ, надъ степію нагой,
И день возсіявалъ, и мракъ сгущался нощи;
И Богомъ дышущій божественный подвижникъ
Ни пищой укрѣпилъ тѣлесный свой составъ,
Ни жаждущу гортань утѣшилъ питіемъ;
И врагъ не преставалъ, во все и дни и нощи,
Изъ тьмы въ него метать свои разженны стрѣлы,
Пылая возгнѣтить въ безстрастномъ огнь стра-
стей.
Но стрѣлы все его, о твердый щитъ поста,

О крѣпкую броню смиренныя молитвы,
Ударясь, притупясь, въ прахъ падали безвредны.
И врагъ, поруганный въ киченіи своемъ,
Безплодно истощивъ весь тайныхъ козней тулъ,
Дерзнулъ въ неистовствѣ явиться, тьма предъ
свѣтомъ;
Дерзнулъ въ неистовствѣ, змій злобы и лукавства,
На агнца Божія изсунуть свой языкъ,
Трижальный свой языкъ, съ котораго текутъ
Словеснымъ смертныя три лютыя отравы,
Ядъ нѣги, дерзости и гордости сердечной.
Но лжецъ предъ истинной лукавновалъ вотще:
И, свыше попущенъ, напрасно Божій врагъ,
Надъ сыномъ Божіимъ, надъ сыномъ человѣка,
Свою употребилъ чудесну смертнымъ силу,
Пытаясь испытать божественность Его,
О коей съ трепетомъ гадалъ въ своемъ умѣ.
Онъ гладомъ томнаго (не обольстивъ совѣтомъ
Да плоти немощной устроитъ чудомъ помощь,)
Восхитилъ и вознесъ на горній храма кровъ,
Да низу вержется, надеждой ослѣпленъ
На помощь Вышняго безвременну, чудесну:
Восхитилъ и вознесъ на верьхъ горы высокой,
И царства всей земли явилъ его очамъ
Во всемъ величіи богатствъ, искуствъ и силъ,
Да суетныхъ честей очарованный блескомъ,
Сынъ Божій отъ него всемірной взыщетъ власти,
И покланяемый поклонится ему.
Но лжецъ предъ праведнымъ коварствовалъ вотще;
Спаситель воспріявъ мечъ Божія глагола

Всѣ путы разсѣкалъ, которыми лукавый
Въ немъ силился связать свободу правоты.
И въ ковахъ прелести прелестникъ оскудѣвъ,
Гордыни своея надежду зря попранну,
Бѣжалъ съ лица земли, низвергся въ преисподню,
Во тьмѣ ея сокрыть досаду, стыдъ и срамъ,
Что плоть отъ бренія носящій человѣкъ,
Надъ нимъ, царемъ духовъ, быть мняхщихся богами,
Надъ нимъ, вознесшимся въ соперничество Богу,
Вознесся разумомъ, восхитилъ торжество.
Тогда къ Спасителю съ лазурной высоты
Спустились Ангелы, поющи пѣснь побѣдну,
И взявъ (да не преткнетъ ноги своей о камень)
Владыку своего на тронѣ рукъ своихъ,
Съ кремнистой крутизны снесли на злачный долъ,
И сладкую Ему представили трапезу,
Не смертныя руки устроенну искуствомъ,
И сами приступивъ служили какъ рабы.
Оттолѣ Іисусъ, духовной силы полнъ,
Торжественно изшелъ, по званію Мессіи,
На дѣло своего небеснаго посольства,
Творить и поучать что благо для людей.
Оттолѣ онъ потекъ по весямъ и градамъ,
Всего Израиля всеобщій благодѣтель;
И, кайтесь! вѣруйте! ко грѣшникамъ взывая,
Виновныхъ привлекалъ подъ милость отъ суда,
И нищихъ осыпалъ щедротами чудесъ,
И слабыхъ исхищалъ отъ вражія насильства.
Онъ маніемъ претилъ—и духи злобы люты,

По тѣлу и душѣ губители людей,
Бѣжали отъ своихъ живыхъ жилищъ и жертвъ.
Онъ творчески вѣщалъ—и тварь мѣняла свойства:
И тьмою слѣпоты покрытыя зѣницы
Внезапу озарясь желанный зрѣли свѣтъ;
И рушились въ ушахъ затворы глухоты,
Да въ душу смертнаго ліется звуковъ сладость;
И свѣжая сухимъ давалась мышцамъ сила,
И храмлющимъ ногамъ бѣгущихъ быстрота;
И тѣлъ разслабленныхъ распадшійся составъ
Стягался здравіемъ, и облекался въ крѣпость;
И гибли немощи, недуги и болѣзни
Предъ маніемъ Того, кто самъ собою жизнь;
И хищная предъ Нимъ вострепетала смерть:
Зря добычи свои исторженны внезапно
Десницею Его изъ устъ ея несытыхъ,
Его державную возчувствовала власть;
Въ Немъ побѣдителя познала своего.
Но волнъ исчесть не льзя въ пространномъ океанѣ;
Такъ смертнаго глаголъ изречь не можетъ вѣчно
Всѣ Слова Божія межъ смертными дѣла:
И развѣ малое, въ безчисленномъ числѣ,
Дерзнетъ воспомянуть съ благоговѣйнымъ стра-
хомъ;
Да вѣрная душа созерцаваетъ ясно
Въ ея Спасителѣ блескъ Божіихъ изрядствъ,
И вся послушностью предастъ себя Ему;
Да мудрость почерпнетъ, виновную блаженства,
Въ глаголахъ устъ Его, глаголахъ жизни вѣчной;
Да въ дѣйствіяхъ Его, чудесныхъ и святыхъ,

Надъ нею дѣемы увидитъ чудеса,
Зовущи къ святости ея грѣховну волю;
Да царства Божія познаетъ дивны тайны,
И въ странствѣ по земли Властителя небесъ
Зря славу Божіей безмѣрной къ ней любви,
Отъ чувственныхъ вещей возвысится къ духовнымъ,
Восхитясь отъ земли небесну вкуситъ сладость,
Возчувствуетъ въ себѣ что благъ ея Господь,
Господь ея и Богъ, Сынъ Божій Іисусъ.
Онъ Богомъ посланный учитель человѣковъ,
Изъ Божія избралъ избраннаго народа
Себѣ учениковъ, посланниковъ къ нему,
Числу его колѣнъ тождественныхъ числомъ,
Не громкихъ мудростью, ни родомъ знаменитыхъ,
Не сильныхъ властію, ниже богатствомъ славныхъ;
Но нищихъ, немощныхъ, некнижныхъ и простыхъ,
И славными земли вмѣняемыхъ въ ничто;
Да въ мірѣ побѣдитъ, все сильное—безсильнымъ,
Да въ мірѣ упразднитъ, все сущее—не сущимъ,
Да не похвалится предъ Богомъ всяка плоть,
И всякъ предъ вѣрою смирится гордый умъ.
Избралъ отъ мытницы, отъ рала и отъ мрежей,
Въ сѣть вѣры уловить ихъ братію словесну,
И къ жатвѣ доблестей воздѣлывать сердца,
И души обрекать въ дань Вышнему Царю.
Избравъ дванадесять, да идутъ съ миромъ къ міру,
И плодопринесутъ спасеніе вселенной,
Усвоилъ ихъ себѣ въ отеческу любовь,
Въ сожитіе свое пріялъ ихъ какъ дѣтей;

И Самъ напоевалъ ихъ жаждущія души
Живыми своего ученія водами,
И Самъ имъ раскрывалъ, незримую инымъ,
Своихъ таинственныхъ вѣщаній глубину;
И далъ имъ отъ себя дары чудотвореній:
Болящихъ возставлять отъ ложа ихъ болѣзней,
И мертвыхъ воздвигать отъ смертнаго одра;
И властію своей ихъ немощныхъ облекъ,
Безвредно наступать на змѣй и скорпій ада,
И словомъ изгонять гадъ тьмы изъ человѣковъ;
И вѣрой видящимъ блаженнымъ ихъ очамъ
Всѣ благости своей показывалъ дѣла,
И всѣхъ своихъ чудесъ божественную славу.
Се святости своей присутствомъ благодатнымъ
Сынъ дѣвы дѣвственный святитъ и честный бракъ,
На бракѣ предначавъ цѣпь знаменій своихъ:
Тамъ матери своей ходатайствомъ подвигнутъ,
Онъ даромъ радостнымъ сыновъ ущедрилъ брака,
Рекъ слово—и прешла, премѣной существа,
Безвкусная вода въ сладчайшее вино;
И Божія Его сошествія на землю
Въ семъ чудѣ чудная изобразилась тайна.
Онъ церкви своея прекраснѣйшій женихъ,
Обѣтованіемъ спасти ее отъ зла
Самъ съ нею обручась отъ дней начальныхъ міра,
И брачный вѣры пиръ открывъ своимъ избраннымъ
На коемъ учреждалъ надеждой ихъ сердца,
Наставшей полнотѣ уставленныхъ временъ,
Самъ съ неба поспѣшилъ къ возлюбленной невѣстѣ;
И воплощенія таинственнымъ союзомъ

Самъ съ нею навсегда сопрягшись на земли,
Земное, скотное словесныхъ естество,
Въ скудельныхъ смертности držимое сосудахъ,
Въ Себѣ онебесилъ, и обожилъ Собою;
И тако сотворилъ изъ мертвенной воды
Безсмертной жизнію кипящее вино,
Веселіе людей, веселіе и Бога.
Се зрю Спасителя пловущаго чрезъ море,
И съ нимъ дванадесять избранниковъ Его.
Онъ, Слово Божіе, ставъ немощная плоть,
Трудами утомленъ спасенія словесныхъ,
Сномъ тонкимъ опочилъ, да обновится въ силахъ.
И вдругъ—почіющу (вседѣйственно) Ему,
Стихіи возмутясь свой прервали покой:
По воздуху крутясь помчался вихрь со свистомъ,
На море зыбкое напала буря съ ревомъ;
И море потряслось до сердца своего
И страшно возшумѣвъ, и пѣнясь и кипя,
Какъ холмы къ облакамъ свои воздвигло воды;
И влаясь ладія межъ влажными холмами,
Восходитъ, падаетъ, скрывается въ волнахъ,
И бѣдствуетъ въ конецъ погрязнуть въ глубинѣ.
Но дремлетъ Іисусъ средь ужасовъ природы;
Наставникъ! пробудись, Господь! спаси насъ, гибнемъ,
Воззвали трепетны къ Нему ученики;
И бодренный во снѣ внялъ воплю ихъ Господь,
Восталъ—и запретилъ бушующему вѣтру,
И рекъ: молчи, престань! бунтующему морю,
И вдругъ, смирился вѣтръ и волны улегли,

И воцарилася въ стихіяхъ тишина;
И смертные дивясь воскликнули въ восторгѣ:
Кто сей, которому покорствуетъ со страхомъ,
И служитъ рабственно, все царство естества?
Предъ коимъ бурный вѣтръ не смѣетъ и дохнуть?
Который властію повелѣваетъ морю,
И слушаетъ Его шумящее волнами,
И укрочается въ неистовствѣ своемъ?
Кто сей?—се правящій державою морей,
И вѣтры отъ своихъ сокровищъ изводящій!
Онъ чудомъ сохранивъ отъ гибели потопной
Отчаянныхъ пловцовъ, крушиму ладію,
Въ немъ церкви своея прообразилъ судьбу.
Такъ церковь иногда, на бурномъ морѣ міра,
Гдѣ вихрь гоненія воздвигнетъ бѣдствій волны,
Обуреваема отъ вихря и отъ волнъ,
Для многихъ узрится къ погибели близка.
Но въ церкви Іисусъ почіетъ всемогущій,
Спасающій ее помощникъ, покровитель,
И не воздремлетъ Онъ храня ее отъ золъ,
Не уснетъ промысломъ о цѣлости ея.
Карать ея враговъ коснитъ долготерпящій,
Но злиться попустивъ некающейся злобѣ,
На вопль своихъ рабовъ, востанетъ, какъ отъ сна,
Отъ долгаго Его терпѣнія ко злымъ;
Востанетъ—и въ ничто низложитъ сильныхъ силу,
Враждующихъ Ему враждою ихъ на церковь;
А церковь умиритъ, и давъ ей торжество,
Торжественно явитъ странамъ всея земли,
И вѣрныхъ утвердитъ въ неложной ихъ надеждѣ,

Что церкви своея Онъ самъ стѣна и стража,
Которыхъ одолѣть безсильны міръ и адъ;
Что церковь преживетъ всю длительность временъ,
И будетъ вѣчновать съ Нимъ вѣчнымъ неразлучно.
Сынъ Божій Іисусъ, на то явился міру,
Да Божія врага разрушитъ въ немъ дѣла,
И тяжкій, отъ людей, возметъ его яремъ.
Онъ крѣпкаго сего, крѣпчайшій несравненно,
Самъ первѣе связалъ побѣдою въ пустынѣ,
И въ домъ его вошелъ—и сильною рукой,
Какъ достояніе исконное свое,
Сталъ смѣло расхищать всѣ хищника татьбины,
Одушевленные словесные сосуды.
Царь тьмы поработивъ грѣхомъ словесныхъ родъ,
Господствовалъ въ сердцахъ прельщенныхъ имъ рабовъ,
И самъ ихъ жертвами питалъ свою гордыню,
И злѣйшимъ по себѣ слугамъ своимъ подземнымъ
Отъ смертныхъ на земли далъ божескую честь;
Имъ храмы зиждились, имъ жегся ѳиміамъ,
Имъ пѣлися хвалы отъ буйныхъ человѣковъ.
Но духи адскіе, но боги лжеименны,
Бичами острыми пороковъ и страстей
Поклонниковъ своихъ отъ зла стремя ко злу,
Терзали не щадя неистовы ихъ души;
Но страждущихъ людей страданіемъ несыты,
И сами существомъ вселялись въ ихъ тѣла,
(Такъ Вышній попустилъ да обличится ложь)
И сами съ яростью крушили ихъ составы,
Ихъ гибелью кичась какъ славною побѣдой.

Сихъ извергов изъ тьмы, свѣтъ міра, Іисусъ,
Несчетныхъ изгонялъ велѣніемъ своимъ;
И въ чувственныхъ дарахъ духовны образуя,
Являлъ спасеніе душевное въ тѣлесномъ
Отъ пагубныхъ въ душѣ гнѣздящихся грѣховъ.
И се, примѣръ единъ, отъ многихъ безъ числа:
Се входитъ Іисусъ въ предѣлъ страны при морѣ,
И бѣсный человѣкъ, ужаснѣйшій изъ бѣсныхъ,
Дикъ образомъ и звѣрскъ, предсталъ Его лицу,
Предсталъ, страшилище всей оныя страны.
Сей, тысящьми духовъ нечистыхъ одержимый,
Въ стѣнахъ не обиталъ, не облекался въ ризу,
Но нагъ претерпѣвалъ суровости стихій,
Но жилъ межъ мертвыми во смрадности могилъ,
Но бѣгалъ по горамъ, цѣплялся по утесамъ,
Но камни острые, тяжелы восторгая,
Разилъ и измождалъ, нещастный, самъ себя.
И ближняго къ нему усердная любовь
Стрегущая его недремленнымъ надзоромъ,
Вотще, желѣзными оковами, цѣпями,
Пыталась усмирять неистовство его.
Онъ цѣпи разрывалъ, оковы сокрушалъ,
И, лютостью своихъ мучителей гонимый,
Ревущій, воющій, метался по пустынѣ;
И горе путникамъ которыхъ могъ настичь,
Кончиной бѣдственной кончались ихъ пути.
Сей бѣсный, издали завидѣвъ Іисуса,
Вдругъ, лютый, укротѣлъ; (зане предъ мужемъ-
Богомъ

Въ немъ полкъ оцѣпенѣлъ безплотныхъ темныхъ силъ)
И трепетенъ притекъ, припалъ къ Его ногамъ;
И духи гордые валяясь въ немъ во прахѣ,
Изъ праха вознесли свой гласъ уничиженный
Ко грозному для нихъ Спасителю людей;
И Сыномъ Вышняго Его провозгласивъ,
Молили, жалуясь, и Богомъ заклиная,
Да прежде времени не вдастъ ихъ мукѣ вѣчной,
Не пошлетъ внѣ страны, ни въ бездну смертной тьмы,
Но послабляя казнь, попуститъ имъ войти
Во стадо на горѣ пасомое животныхъ,
Нечистыхъ по себѣ, и скверныхъ по закону,
И алчныхъ пожирать, какъ сладость, гной земный.
Послабилъ, попустилъ отверженнымъ Господь,
И адскій легеонъ изшедъ изъ человѣка
Помчался съ пагубой на стадо безсловесныхъ,
Приспѣлъ—и овладѣлъ добычею своей:
И съ визгомъ ринулось все стадо съ крутизны,
И все, бѣснуемо, погрязло въ глубинѣ.
А бѣсный исцѣлѣвъ, и смысломъ паки здравый,
Одеждою избывъ отъ срама наготы,
У ногъ Спасителя сѣлъ радостенъ и тихъ,
И съ жаждою въ душѣ внималъ его глаголамъ,
Какъ съ жаждою земля засохшая отъ зноя
Сходящій на нее піетъ прохладный дождь.

Такъ милость сотворивъ съ твореніемъ своимъ,
Всѣмъ вѣрнымъ Іисусъ, въ сей милости чудесной,
Завѣсу приподъялъ невидимаго міра,

И тайности открылъ невѣдомы уму,
Да промысла Его зрятъ силу и судьбы.
Открылъ, что держитъ Онъ, Сынъ Бога вопло-
щенный,
Въ рукѣ своей ключи отъ вратъ подземныхъ ада;
И въ пропасти его, на муки безъ конца,
Отвергшихся добра низвергнетъ злыхъ духовъ,
Въ день гроднаго суда, въ день страшныя имъ казни.
Что ихъ, по воздуху скитающихся нынѣ,
Убійствомъ дышущихъ ко племени людей,
Его владычняя обуздываетъ мощь;
Что тысящи изъ нихъ, коль не попуститъ
промыслъ,
Сложась на пагубу единаго изъ смертныхъ,
Не могутъ преуспѣть въ зломъ умыслѣ своемъ;
Что алчущи нанесть всему живому смерть,
Не могутъ, лютые и сильные во злобѣ,
Коснуться и скоту безъ манія Господня;
Что въ сердце грѣшника (когда по степенямъ
Онъ снидетъ въ глубину грѣховныхъ смертныхъ
золъ,
И въ нихъ вознерадѣвъ о благости Господней,
Долготерпѣнія Его исполнивъ мѣру,
Приложитъ дерзостный, весь скверный отъ грѣховъ,
Грѣхами вящшими сквернить себя еще)
Что въ сердце грѣшника, во злѣ ожесточенно,
Всеправедный Господь не возбраняетъ входа
Врагамъ спасенія словесныя души;
Что силою своей вселясь въ него они
Во адовы бѣды ввергаютъ человѣка;

Отъ дома Божія влекутъ его далече,
И нудятъ—обнаживъ отъ всякаго добра —
Блуждать по тернистымъ распутіямъ грѣха,
Вселяться въ мрачные нечестія вертепы,
Межъ мертвыми грѣхомъ, во гробища разврата;
И буйнымъ помысломъ продерзкаго ума
На гору возносясь гордыни до небесъ,
Разить и сокрушать свою смятенну душу
Порывами своихъ желаній ненасытныхъ;
И рыскать, озвѣрясь неистовствомъ страстей,
По знойной для него пустынѣ житія,
И пагубой своей губить себѣ подобныхъ.
Но свыше благодать, спасенія надеждой,
И въ семъ отчаянномъ воздѣйствовать сильна;
Сильна въ немъ низложить державствующій грѣхъ,
И правду воцарить—живыя вѣры правду —
Изъ внутреннихъ его изгнать враждебну силу,
И свѣтомъ озарить его померкшій умъ,
И душу вновь одѣть одеждой чистоты,
И Слова Божія небесными водами
Сухую напоить его сердечну землю,
И плодну сотворить къ спасительнымъ дѣламъ.
Такъ свыше благодать надъ грѣшникомъ сильна.
Но нераскаяннымъ отринута, презрѣнна,
Къ пославшему ея отходитъ невозвратно,
И грѣшникъ, совѣстью въ грѣхахъ окаменѣвъ,
Словесный, приложась къ несмысленнымъ скотамъ,
Творится, тѣломъ живъ, духовной смерти жертва,
Корысть мучительству мучителей изъ ада,
И рѣемый отъ нихъ свергается стремглавъ

Съ нагорной пажити всѣхъ чувственныхъ утѣхъ
Въ пучину огненну мученій безконечныхъ.
Се, сладость возлюбивъ ученій Іисуса,
Народа тысящи, всякъ возрастъ, полъ и чинъ,
Ему возслѣдствуя отъ весей и градовъ,
Ему стеклись внимать отшедшему въ пустыню;
(Отшедшему пребыть въ безмолвіи, въ молитвѣ,
И дать ученикамъ малъ отдыхъ отъ трудовъ,
Которыми они труждалися при Немъ
Словесныхъ приводя къ началу вѣры въ Слово)
Онъ стекшихся къ Нему пріялъ отверстымъ серд-
цемъ,
И чудомъ, каждому недужному изъ нихъ,
Безмездно дарствовалъ даръ здравія драгій;
И всѣхъ ихъ врачевалъ, отъ немощей душевныхъ,
Цѣлебной силою сладчайшія бесѣды.
Уже надъ сонмами внимающихъ Ему,
Свѣтило дневное кругъ неба обходя,
Съ востока возсіявъ на западѣ померкло;
И сонмы внемлющи, внимать не преставая,
Отъ солнца истинны заемля умный свѣтъ,
Сей манною съ небесъ питалися въ душахъ.
Но бренный ихъ составъ питанія лишенный,
Лишаясь крѣпости, оскудѣвая въ силахъ,
Бѣдою имъ грозилъ ослабнуть, изнемочь.
Но Сынъ Отца щедротъ межъ ними, Іисусъ,
И не приближится къ нимъ пагуба отъ глада.
Онъ, врановымъ птенцамъ дарующій ихъ пищу,
Взывающимъ къ Нему изъ сираго гнѣзда,
Своихъ, безъ помощи, оставитъ ли дѣтей?

Своихъ, и для Него подвергшихся напасти?
Но тысящамъ людей что въ брашно дастъ пустыня?
Пять хлѣбовъ, рыбы двѣ, вся общая имъ снѣдь!
И нѣтъ по ихъ числу ниже числа крупицъ!
Но съ ними Іисусъ, и все Ему возможно:
Онъ милосердуя о людяхъ истощенныхъ,
Не ядшихъ не хотя пустить въ далекій путь,
Велѣлъ дружинами возлечь имъ на травѣ;
Возвелъ на небеса свои смиренны очи
Являя что съ Отцемъ Онъ вся творитъ согласно,
За тварь хранимую Творцу воздалъ хвалу,
И хлѣбы съ рыбами пріялъ, благословилъ,
Давалъ ученикамъ, ученики народу;
И пища скудная, о чудо свышней силы!
Дѣлима множилась, ядомая расла,
И весь насытился тьмочисленный народъ.
И волю Господа (да соблюдутъ останки)
Творя, по кошницѣ наполненной укруховъ,
Взялъ каждый изъ числа дванадесяти слугъ.
Давъ пищу алчущимъ, явилъ имъ Іисусъ,
Что Онъ воистинну Пророкъ обѣтованный,
Грядущій царствовать въ Израилѣ Мессія;
Что Онъ, промысленникъ всѣмъ благамъ для людей,
Всѣ сѣемы отъ нихъ плодитъ имъ сѣмена,
И жизнь имъ отъ земли раститъ на всяко лѣто;
Что въ церкви Онъ своей (въ которой сонмы вѣрныхъ
Потопчутъ прелести всѣхъ пышностей земныхъ,
Цвѣтущихъ, сохнущихъ, какъ сельная трава)
Что въ церкви Онъ своей размножитъ неоскудно,
Во словѣ, въ таинствахъ, безсмертной жизни пищу;

И ею, чрезъ своихъ священныхъ саномъ слугъ,
Самъ будетъ насыщать тьмы темъ своихъ людей,
Которые къ Нему, стезями правой вѣры,
Съ блаженной жаждою, съ блаженнымъ алчемъ
правды,
Отъ міра прибѣгутъ, лежащаго во злѣ,
Въ пустыню строгаго по вѣрѣ житія.
Сынъ Божій Іисусъ, ставъ сыномъ человѣка,
Да смертію своей на крестномъ древѣ клятвы,
Спасетъ, и возведетъ отъ смерти къ животу,
Подъ клятвой гибнущій словесныхъ падшій родъ;
Готовясь горькую испить страданій чашу,
Свою благоволилъ свѣтоначальну славу,
Завѣсой смертнаго прикрыту естества,
Своимъ избраннѣйшимъ открыть ученикамъ.
Да страждуща Его, поруганна отъ злобныхъ,
Висяща на крестѣ средь распятыхъ злодѣевъ,
И жизнь кончающа среди лютѣйшихъ мукъ,
Увидя, не впадутъ сомнѣніемъ въ соблазнъ;
Но сами вѣдая, да проповѣдятъ міру,
Что вольно пострадалъ святый за беззаконныхъ,
Что Онъ воистинну Сынъ Божій естествомъ,
И присносущное сіяніе Отца.
Се славы своея взявъ послуховъ съ собою,
Троихъ изъ перваго дванадесяти лика,
Взявъ камень истинны, взявъ громовыхъ сыновъ,
Восходитъ Іисусъ на гору высоку,
Восходитъ на Ѳаворъ надъоблачный вершиной.
Тамъ, мѣстомъ удалясь отъ суеты наземной,
Душею отъ нея безмѣрно удаленъ,

Молитву теплую возноситъ ко Отцу
О братіяхъ своихъ, спасаемыхъ Имъ смертныхъ;
И се молящійся преобразился дивно:
Внезапу возблисталъ Его, какъ солнце, зракъ;
И весь провозсіялъ, зарею Божества,
Святой Его души покровъ боготѣлесный;
И самая на Немъ прославилась одежда,
Ставъ бѣлая какъ снѣгъ, ставъ яркая какъ свѣтъ;
И солнце отъ Его затмилося лучей.
Царь неба и земли, Господь живыхъ и мертвыхъ,
И Богъ глаголавый въ законѣ и пророкахъ,
Онъ рекъ—и съ неба живъ спустился Илія,
Изъ мертвыхъ отъ земли воздвигся Моисей,
И оба, славою премірной лучезарны,
Ему въ смиреніи предстали раболѣпномъ,
И съ Нимъ (котораго едину токмо тѣнь
Со страхомъ видѣли въ земномъ ихъ житіи)
И съ Нимъ, лицемъ къ лицу, сподобились бесѣды.
Узрѣвъ ученики блескъ славы Іисуса,
(Блескъ малый Божества, предъ ними обнаженъ,
Да не видѣніемъ преторгнется ихъ жизнь)
Блаженства вѣчнаго восхитились восторгомъ.
И се свѣтящійся пріосѣнилъ ихъ облакъ,
И се изъ облака какъ громъ раздался гласъ:
Се Сынъ возлюбленъ мой, послушайте Его!
Вступивъ ученики во облакъ свѣтоносный,
Услышавъ Божій гласъ, повергдись ницъ на землю,
Объяты ужасомъ видѣнія чудесъ.
По гласѣ отъ Отца сокрылись оба вдругъ,
Пророки Божіи, сугубо боговидцы;

Остался Іисусъ, да явствуетъ для смертныхъ,
Что гласъ свидѣтельства о горнемъ сыновствѣ
Ему единому изъ сущихъ на горѣ,
Отъ вышняго Отца ниспосланъ въ честь и славу.
Такъ смертнымъ Іисусъ представилъ образъ малый
Того, по Божеству, величія Его,
Въ какомъ, въ послѣдній день, Онъ снидетъ съ высоты,
Судить, какъ человѣкъ, все племя человѣковъ.
Такъ очернѣвшее, страстей палящихъ зноемъ,
Адама Іисусъ пріявый естество,
Лучами своего проникнувъ Божества,
Во свѣтлость претворилъ безстрастныя святыни.
Такъ смертнымъ Іисусъ явилъ какою славой,
Родъ правыхъ на земли, въ день радостный наградъ,
Какъ солнце просвѣтясь прославится навѣкъ.
Такъ въ церкви Іисусъ, на мысленномъ Ѳаворѣ,
Является своимъ возлюбленнымъ по вѣрѣ,
Блистающъ Божествомъ невидимымъ для чувствъ,
Связующій въ себѣ съ пророками законъ,
И древній свой завѣтъ съ своимъ завѣтомъ новымъ.
Такъ въ церкви благодать Утѣшителя—Духа
Блистая носится надъ вѣрными какъ сѣнь,
И свѣтъ премудрости ліетъ въ ихъ умный взоръ,
И словомъ истинны гремитъ въ ихъ слухъ сердечный:
Что смертнымъ Іисусъ, изъ тьмы руководитель,
Единъ, къ сіянію всевышняго Отца,
Что имъ спасеніе въ послушности Ему.
Се мимошествуя путемъ земнаго странства,
Свѣтъ міра, Іисусъ, благоутробнымъ окомъ

Призрѣлъ на нищаго, сѣдящаго во тьмѣ,
Въ нощной, глубокой тьмѣ природной слѣпоты;
Призрѣлъ—и просвѣтилъ, и ясно всей вселенной
Дѣла на немъ явилъ Всещедраго всеславны,
Его ходатайствомъ свершаемы дѣла.
Онъ плюновеніемъ своихъ священныхъ устъ,
Составилъ бреніе отъ праха подъ ногами,
И бреніе сіе взявъ творческой рукою,
На очи возложилъ злощастному слѣпцу,
И въ путь его послалъ, омыть свое лице
Во сребренныхъ водахъ купѣли Сілоамской,
Посольства именемъ таинственной и славной.
Глаголу покорясь, страдалецъ слѣпоты,
Пошелъ, омылъ, прозрѣлъ, увидѣлъ свѣтъ небесъ,
И свѣтомъ восхищенъ, какъ даромъ жизни новой,
Хваля, благодаря, прославилъ свѣтодавца;
И Сына Божія сподобясь въ Немъ познать,
Увѣровалъ въ Него, и палъ къ Его ногамъ,
И поклоненіемъ почтилъ Его какъ Бога.

Такъ всѣ отъ перваго раждаясь человѣки
Въ грѣховной слѣпотѣ по сердцу и уму,
Всѣ нищи видѣлись отъ истинныхъ добротъ;
И совѣсть въ ихъ сердцахъ сверкала имъ напрасно,
И свыше имъ вотще свѣтилъ законъ небесный,
Ко благу правыя являя имъ стези.
Ихъ внутреннихъ зѣницъ не исчезала тьма;
И ею смертные какъ нощію объяты,
Въ слѣдъ собственнымъ мечтамъ, въ слѣдъ призракамъ изъ ада,
Блуждали, падали въ подземну бездну золъ.

Помочь имЪ не могла ни кая вЪ мірѣ тварь;
Но СамЪ на нихЪ призрѣлЪ ТворецЪ ихЪ всемогущій,
И равное Ему рожденное ИмЪ Слово,
Превѣчному Отцу совѣчнующій СынЪ,
КоторымЪ созданы міры изЪ ничего,
КоторымЪ человѣкЪ отЪ бренія составленЪ,
На землю СамЪ сошелЪ—и сЪ бреніемЪ ничтожнымЪ
Земнаго, тлѣннаго словесныхЪ естества,
Смирясь благоволилЪ соединиться СамЪ.
ПредсталЪ, уничиженЪ, надменнымЪ чадамЪ міра,
И тайной своего снизшествія до плоти,
И тайной своего возшествія на крестЪ,
ИхЪ слѣпотствующій затмилЪ кичливый умЪ,
ИхЪ мудрость обуилЪ—и проповѣдью вѣры
НаставилЪ ихЪ на путь кЪ спасенію ведущій;
Да идутЪ, ветхіе по плоти житіемЪ,
На нову бытія духовнаго купѣль,
Истекшую отЪ ребрЪ Его, который посланЪ
Собою просвѣтить родЪ смертныхЪ омраченный.
НаставилЪ—и пошли, и вѣрою горя,
Во свѣтлыхЪ и святыхЪ крещенія водахЪ
Омылись отЪ грѣха, и освятились правдой;
И свѣту истинны свои душевны очи
Внезапу отворивЪ, узрѣли во крестЪ
Богатство благости и силы Божества,
Безмѣрной благости и силы безконечной;
ИзЪ мертвыхЪ ожили сЪ воскресшимЪ Іисусомъ,
Поверглися предЪ НимЪ, хвалой Его дыша,
И предали себя вЪ служеніе Ему,
КакЪ Господу-Отцу сыны-рабы усердны.

Сынъ Бога Іисусъ, дающаго всевластно
Не сущимъ бытіе и мертвымъ нову жизнь,
Пріявый отъ Отца—отъ Бога Божество—
Животъ имѣть въ Себѣ, живить другихъ Собою,
Самъ съ клятвою изрекъ, что часъ грядетъ торжественъ,
Когда, всѣ спящіе глубокимъ смертнымъ сномъ,
Гласъ Сына Божія услышатъ во гробахъ;
Услышавъ оживутъ—и всѣ изъ смертной сѣни,
Изыдутъ по дѣламъ, на студъ или на славу.
Но истинна сія (учащая людей
Господни на земли оправдывать судьбы,
И всяку исполнять между собою правду,)
Да нѣдрится всегда въ мятущемся ихъ сердцѣ,
Ей предалъ Іисусъ чудесъ своихъ вѣнецъ;
И смертныхъ чувственно увѣрить въ ней хотя,
Въ единомъ мертвецѣ изъ тлѣна востающемъ,
Далъ воскресенія всеобщаго имъ образъ,
И въ смертную боязнь смерть страшную повергъ.
Уже Онъ лютое чудовище сіе
(И въ немощи своей, и въ смертности, всемощный)
Двукратно поражалъ въ его оградѣ внѣшней;
Когда, родителей слезами умиленъ,
Умершихъ оживилъ дражайшихъ имъ дѣтей,
Дѣвицу возбудилъ отъ смертныя дремоты,
И юношу воззвалъ несомаго въ могилу,
И сына матери, и дщерь отдалъ отцу.
Но се, для вящшаго надъ смертью торжества,
На хищницу сію еще подъемля руку,
Наноситъ ей ударъ въ самой ея твердынѣ,

Жизнь мертвому дая, жизнь другу своему,
Уже гніющему подъ глыбами земли.
Се видя предъ собой двухъ сестръ благочестивыхъ
О братѣ плачущихъ, о радости ихъ жизни,
Котораго, увы! отъ нѣжныхъ ихъ сердецъ,
Желѣзною рукой отторгла злая смерть;
Се слыша вкругъ себя рыданія и вопли
Отъ ближнихъ, знаемыхъ, о знаемомъ, о ближнемъ,
И Самъ благоволивъ возчувствовать ихъ скорбь,
Смутился, возстеналъ, восплакалъ Іисусъ:
(Являясь человѣкъ по немощи тѣлесной,
Божественъ, по любви безмѣрной къ человѣкамъ)
На мѣсто поспѣшилъ, любовію влекомъ,
На коемъ въ тлѣніи лежалъ умершій другъ;
Велѣлъ да возмется съ могилы камень тяжкій,
(И зѣвомъ страшная раскрылася пещера,
И смерти смрадностью дохнула изъ себя,)
Воззрѣлъ на небеса, воздалъ хвалу Отцу,
О томъ, что слушая творитъ сыновню волю,
О томъ, что славою своею пренебесной
Его, предъ смертными, вѣнчаетъ на земли,
Да вѣруютъ въ Его во плоти божество.
Моленіе свершилъ—и гласомъ силы громкимъ
Потрясъ подземное злохищной смерти царство,
И къ мертвому воззвалъ, да живъ изыдетъ вонъ:
И тлѣющій мертвецъ внялъ гласу живота;
И гробными повитъ по тѣлу пеленами,
И смертнымъ по лицу повязанъ покрываломъ,
Воспрянулъ, изскочилъ, съ одра, изъ глубины;
Предсталъ предъ Господомъ, вторымъ его Творцемъ,

И словомъ Господа отъ узъ освобожденный,
Вновь началъ созерцать отрадный свѣтъ небесный,
Вновь началъ познавать всѣ вещи на землѣ,
Ходить и дѣйствовать во благо для себя.
Симъ знаменьемъ своей каждѣйствующей силы,
Предъ сонмомъ Іисусъ людей своихъ избранныхъ,
Глаголъ свой оправдивъ, что сущимъ на земли,
Онъ воскрешеніе умершимъ, жизнь живымъ,
Предъ очи грѣшниковъ спасенія ихъ тайну
Представилъ въ образѣ живомъ, подобномъ, ясномъ:
Такъ умеръ смертію начальнаго грѣха,
Исперва Божій другъ, всеродный человѣкъ;
И долу въ пагубѣ глубоко погребенный,
И жестосердія гнѣтомый камнемъ тяжкимъ,
И узами страстей связуемый въ душѣ,
И тьмимый въ разумѣ покровомъ суеты,
И смрадъ, отъ совѣсти, дѣлъ мертвыхъ испуская,
Въ нечувствіи лежалъ и растлѣвался злобой,
Для бездны вѣчныхъ золъ злощастная корысть.
Но Слово Божіе, но всяческихъ Творецъ,
Подвигшись жалостью къ словесной падшей твари,
На землю тлѣнія, могилу смертныхъ рода,
Въ одеждѣ смертности, всежизненный, ступилъ;
И гласомъ дѣйственнымъ словесъ своихъ и дѣлъ,
И гласомъ творческимъ своей за смертныхъ смерти,
Словесныхъ оживилъ умершую природу,
И къ свѣту живота исторгъ изъ смертной тьмы;
И благостью своей промыслилъ врачевство
Всѣмъ немощамъ ея на всѣ грядущи вѣки:
Власть Божеску свою своей оставилъ церкви

Рѣшить на грѣшникахъ плѣницы ихъ грѣховъ,
Да мирнымъ шествуя къ спасенію путемъ,
И добрыя дѣла творя свободной волей,
Съ самимъ виновникомъ ихъ жизни воскрешенной
Сподобятся возлечь въ дому Его Отца,
На вѣчной вечери божественныхъ утѣхъ.
Сынъ Божій Іисусъ, усердіемъ кипящій
Сыновъ Адамовыхъ ущедрить всякимъ благомъ,
Отъ бездны благости безмѣрныя своей
Пучину проліялъ спасительныхъ чудесъ,
(Изъ коихъ въ пѣсни сей сверкаютъ капли малы,
Сосудцемъ скуднаго почерпнутыя слова)
Величіемъ явилъ непостижимыхъ дѣлъ
Что Онъ Всемощнаго существенная мощь.
И се, величіемъ глаголовъ богомудрыхъ,
Ревнуя вразумить въ небесну, вѣчну правду,
Родъ смертныхъ на земли, родъ буйный отъ грѣха,
Блаженству ихъ служа, являетъ имъ еще,
Что Бога разумовъ Онъ сущная премудрость,
Единственный для всѣхъ учитель непрелестный
Въ наукѣ праведныхъ—спасенія души.
Онъ заповѣдь пріявъ отъ Бога и Отца
Что смертнымъ изрещи на истую ихъ пользу,
Онъ тайнами небесъ имѣя полно сердце,
Бесѣдой сладкія отверзъ свои уста;
И медоточныя ученія струи
Обильно полились въ умы смиренны вѣрой;
И въ сихъ, о Божествѣ, прозябли мысли новы;
И новы къ небесамъ спасенія стези,
И новы подвиги на поприщѣ земномъ,

Открылись явственно духовнымъ ихъ зѣницамъ.
И свѣтомъ истинны отъ Слова—Іисуса,
Лжи всякія страстей отъ нихъ отгналась тьма
Между добромъ и зломъ таящая предѣлъ.
Сынъ Божій возвѣстивъ, — сый присно въ отчемъ
лонѣ —
Что въ сущности никто, нигдѣ, не видѣлъ Бога,
Самъ тайну Божія повѣдалъ естества,
Да смертные вперивъ горѣ свои сердца,
Ко славѣ вѣчнаго трисолнечнаго свѣта,
И кланяясь Ему уничиженнымъ духомъ,
Въ Его живительныхъ безсмертятся лучахъ:
Умъ, всяческихъ вина, самъ вѣчнуетъ въ себѣ;
Отъ вѣчнаго Ума родилось вѣчно Слово,
Отъ Бога и Отца, Богъ Сынъ единородный,
Отъ безначальнаго родилось искони,
(Не былъ бо никогда безъ Слова вѣчный Умъ)
Не преходящее, но жизнію своею
Живущее въ Умѣ всегда и неисходно,
Съ родителемъ своимъ едино естествомъ,
Но ино отъ Него особымъ бытіемъ,
Имущее въ себѣ Его всесовершенство,
Его незримаго являюще собою.
Есть Слово во Умѣ, есть въ Словѣ Духъ Ума;
Какъ Слово видъ Ума, такъ Слова образъ Духъ,
Началу своему, Отцу соприсносущный,
Рожденному Умомъ споспѣдствующій Слову,
И показующій всю дѣйственность Его,
Какъ рѣчи чувственной сопутствующій гласъ;
Но не дыханіе, не звукъ исчезновенный;

Но сила Божія существенно живая,
Которая, въ себѣ вмѣщая Божество,
Сопребывающа и Слову и Отцу,
Исходитъ отъ Отца и почиваетъ въ Словѣ,
Общаясь обоимъ и въ естествѣ и въ свойствахъ,
И есть, и славится, съ Отцемъ и Словомъ—Богъ.
Такъ въ Троицѣ святой три равныя лица,
Богъ сущій отъ Себя, рожденный, исходящій,
По собствамъ бытія различны другъ отъ друга,
Тождественны во всемъ по имствамъ Божества;
Всецѣло вмѣстныя единое въ другомъ,
Ихъ общимъ естествомъ, ихъ волей нераздѣльны,
Въ единомъ существѣ взаимно несліянны,
Богъ, вкупѣ Троица, Богъ каждое лице,
Отецъ и Сынъ и Духъ, единый трое Богъ,
Въ величіи своемъ себѣ лишь постижимы,
Сіяютъ славою для тварей неприступной.
И въ недовѣдомый единства ихъ союзъ,
Ниже высокіе надъ ликомъ горнихъ силъ
Приникнуть мыслію дерзаютъ Серафімы;
Но долу преклонясь, закрывъ крилами лица,
Но выспренни смиривъ, предъ Вышнимъ, ихъ умы,
Въ восторгѣ, трепетны, гремятъ побѣдну пѣснь,
Трехъ славятъ и поютъ святыхъ и безначальныхъ,
И въ трехъ единаго провозглашаютъ Бога,
Который сотворивъ хранитъ міры міровъ.

Такъ тварямъ преподавъ познаніе Творца,
Сынъ Божій Іисусъ отъ гибели къ блаженству
И путь имъ показалъ, путь новый, непрелестный;
Онъ слѣпотствующимъ открылъ земнымъ умамъ,

Что токмо чрезъ Него возможетъ человѣкъ
Оправданный достичь союза съ Богомъ правды.
Что тако возлюбилъ Царь міра міръ мятежный
Что падшему грѣхомъ до адовыхъ глубинъ,
Свою къ нему послалъ десницу съ высоты,
Изъять его изъ волнъ кипящей злами бездны;
Что Сына своего, котораго превѣчно
Единаго родилъ подобнаго Себѣ,
Далъ міру жертвою, спасающею міръ.
Да всякъ изъ грѣшниковъ отъ должной вѣчной казни,
Въ семъ агнцѣ Божіемъ, носящемъ грѣхъ всемірный,
Обрящетъ вѣрою избыточный искупъ;
И вѣчну улучивъ желаемую жизнь
Небесному Отцу присвоится какъ чадо,
И, Сыномъ Божіимъ, восхвалится предъ Богомъ,
Спасенія отъ золъ виновникомъ благимъ.
Онъ, Слово Божіе, къ словеснымъ на земли,
Самъ свыше преклонясь всеблагостью своею,
Сошелъ, не разлучась отеческаго нѣдра,
И человѣчествомъ одѣявъ Божество,
И человѣчество проникнувъ Божествомъ;
Единственный лицемъ, сугубый естествами,
Весь Богъ, весь человѣкъ, и плоть и невещественъ,
И тѣломъ мертвенный, и Духъ животворящъ.
(Такъ хладное своимъ желѣзо веществомъ,
Въ горнилѣ раскалясь, храня составъ и образъ,
Пріемлетъ отъ огня палительную силу;
И чудный двухъ естествъ творится въ немъ союзъ,
Въ желѣзѣ зрится огнь, желѣзо во огнѣ.)

Сошелъ, руководить, наставить земнородныхъ,
Въ высокихъ истиннахъ спасенія чрезъ вѣру;
И страждущихъ страстьми, и тлѣнія рабовъ,
Избавить, оживить свободой отъ грѣха;
Не силою отъять ловитвы змія бездны,
(Зане не силою, но лестію единой,
Змій бездны ихъ привлекъ въ сѣть пагубы своей.)
Но правдою смирить лжи гордаго отца,
Спасти, какъ человѣкъ, погибшихъ человѣковъ;
Да въ Немъ воздвигнется ихъ падшая природа,
И, Богомъ сильная вселившимся въ нее,
Низложитъ своего мучителя сама,
И студное его съ себя низвергнетъ иго,
И, вновь безсмертная, сподобится блаженства
Служить ея Творцу служеніемъ любви.
И Вѣра, Божіихъ таибница судебъ,
О семъ служеніи великомъ и священномъ,
Такъ словомъ истинны вѣщаетъ человѣку,
Такъ заповѣдаетъ спасеніе и жизнь:
    Творца и Господа и Бога твоего,
Подавшаго тебѣ дыханіе и разумъ,
Всѣмъ сердцемъ, всей душей, всей мыслію, всей силой,
Чти, бойся и люби, поклонникъ, рабъ и тварь.
Ты правымъ отъ Него исперва сотворенъ,
Ты преступленіемъ совлекся первой правды,
Ты лжею заразясь растлилъ свою природу,
И Божія тебя отверглась благодать,
И смерти на тебѣ отяготѣла казнь,
Сугубой смерти казнь, душевной и тѣлесной.

Сынъ гнѣва естествомъ, сынъ гибели развратомъ,
Ты Бога правоты, изъ друга и отца,
Врагомъ и мстителемъ содѣлалъ для себя;
Ты въ вѣчности себѣ устроилъ жребій лютый:
Пить гнѣва Божія потокъ неизсякающъ,
Въ который бы отнюдь, отъ Бога—Судіи,
Ни капля милости не канула во вѣкъ.
Но знай—твоихъ грѣховъ неисчислимыхъ злобу,
Благаго Божества препобѣдила благость;
И Сына о тебѣ ходатайство къ Отцу
Тебя Всещедрому усыновило вновь.
Сынъ Бога вышняго по дару благодати,
Сокровищъ Божества наслѣдникъ предъизбранный,
Призванный со своимъ единствовать Творцемъ
Блаженствомъ, славою, общеніемъ любви,
О смертный! восклони главу твою изъ праха,
И званіемъ своимъ высокимъ восхищенный,
О вѣрѣ торжествуй—и въ таинствахъ ея
Жизнь нову почерпнувъ и мощь и лѣпоту,
Ты подвигъ житія свершай достойно чести
Тебѣ въ безсмертіи блаженномъ отложенной;
Ты Господу внимай—и добрыхъ дѣлъ плоды
Раждай отъ сѣмени живыхъ Его словесъ.
Ты духомъ обнищай отъ дольнихъ вождѣленій,
И горнимъ Вышняго обогатишься царствомъ.
Ты плачась о грѣхахъ, сѣй слезы на землѣ,
И духомъ Божіимъ утѣшишься въ душѣ,
И пожнешь въ небесахъ божественную радость.
Ты кротостью дыши къ незлобивымъ и злобнымъ
И въ вѣкъ земля живыхъ наслѣдіе твое.

Ты правды предъ собой, предъ Богомъ и людьми,
Взыщи со ревнiемъ усильнымъ, неослабнымъ,
Какъ гладомъ тающiй отрадной ищетъ пищи,
Какъ жаждой сякнущiй, прохлады питiя;
Взыщи—и благомъ благъ насытишься въ конецъ.
Ты милуй, человѣкъ, собратiй-человѣковъ,
Ихъ немощи нося терпѣнiемъ смиреннымъ,
Ихъ горести дѣля участiемъ живымъ;
И милостью твои прикроются вины,
На страшно-праведномъ судищѣ Бога правды.
Ты цѣломудрiя плѣненный красотою,
Ни взоромъ не скверни сердечной чистоты,
И узришь Божiе трисвѣтлое лице;
И свѣтомъ отъ Него свѣтящъ и боговиденъ,
Зерцаломъ творческой содѣлаешься славы.
Ты мирствуя ко всѣмъ, всѣхъ къ миру приводя,
Союзомъ дружества творися для враговъ,
И Сына Божiя со славой стяжешь имя.
Ты бѣдствiя терпи, отъ мiра лжи и лести,
За правду строгую и дѣлъ твоихъ и словъ;
И небо, праведнымъ убѣжище отъ золъ,
Гонимаго тебя въ свое прiиметъ нѣдро,
За скорбь возвеселитъ, за временную вѣчно,
И царскимъ увязетъ изгнанника вѣнцемъ.
Ты Бога возлюбивъ для Бога самаго,
Ты Божiй на себѣ, на ближнихъ видя образъ,
Чтя образа сего черты въ себѣ и ближнихъ,
Для Бога возлюби и ближнихъ и себя;
Ты ближнихъ и себя сливай въ своей любви,
Ты сердцемъ не двоись межъ ближнихъ и собою,

Но чувствуй, какъ свои, ихъ радости и скорби.
Ты правдѣ долгъ воздавъ любленіемъ друзей,
И къ недругамъ питай за ненависть—любовь,
За зло благотвори, благословляй за клятвы.
Ты милосердіемъ уподобляйся Богу,
Ліющему съ небесъ дары своихъ щедротъ,
Равно отечески, на злыхъ и на благихъ,
И въ жизненныхъ лучахъ и въ капляхъ плодотворныхъ;
И свыше призывай, не мщеніе но милость,
На буйныя твоихъ навѣтниковъ главы.
Ты щедро присѣщай, снабдѣніемъ потребъ,
Подъ игомъ нищеты томящихся собратій;
Ты ближнему добро для Бога содѣвая,
Не мысли уловить отъ міра похвалу;
И самъ своихъ щедротъ, для суетной молвы,
Въ слухъ міру не труби тщеславія трубою.
Отъ шуйцы утаи даяніе десницы,
Отъ червя гордости скрой милости плоды;
И свышней помощи восписывая честь,
Смиреніемъ вѣнчай дѣла твои благія;
И благости Твоей невидимый свидѣтель,
Всевидецъ всеблагій, въ великій день наградъ,
За тайную Ему въ лицѣ убогихъ дань,
Тебя вознаградитъ, предъ всей вселенной явно,
Неоскудѣемымъ сокровищемъ небеснымъ,
Блаженства вѣчнаго богатствомъ безъ числа.
Ты дѣломъ братію, не словомъ возлюбя,
Служитель ревностный ихъ внѣшнему довольству,
Вседушно попекись о внутреннемъ ихъ благѣ.

Ты строго назирай всѣ шествія твои,
Да ближнимъ немощнымъ ко злу не будешь вождь ;
Ты сердцу твоему дражайшіе союзы
Влекущіе тебя для ближнихъ стать соблазномъ,
По вѣрѣ ревностью, какъ остріемъ меча,
Отъ сердца отсѣкай, и врагъ ему и другъ;
Подобно какъ ножемъ болящи смертно члены,
Съ болѣзнію душѣ, сѣкутся прочь отъ тѣла.
Ты паче изволяй, спасаяся чрезъ смерть,
Въ пучину вверженный погрязнуть въ глубинѣ,
Чѣмъ ближнихъ заразить нечестія примѣромъ.
Ты въ ближнихъ укрѣпляй слабѣющую вѣру;
Ты солію твоихъ святовѣщанныхъ словъ
Сердца ихъ охраняй отъ гнилости грѣха;
Ты свѣтомъ умственнымъ твоихъ дѣяній правыхъ
Умамъ ихъ озаряй стези ко всякой правдѣ,
Да видя яркіе добротъ твоихъ лучи
Прославятъ—не тебя—Отца на небесахъ ;
И тѣмъ ко Господу, во славу пренебесну,
Изъ бездны твоего къ себѣ самопрезорства,
Смиреніе твое возвысятъ съ торжествомъ ,
И милость утвердятъ Господню на тебѣ.
Ты ближнихъ немощныхъ паденія въ соблазны
Узрѣвъ , не зазирай — но къ падшимъ скоръ на по-
мощь,
Предъ ними покрывай, любовію, ихъ стыдъ.
Ты сѣтуя о злѣ творимомъ отъ людей,
(Когда не облеченъ во власть судебну свыше)
Людей не обвиняй своимъ продерзкимъ словомъ,
И рабъ не восхищай владычняго суда ;

Но къ слабымъ милостивъ, негнѣвенъ и ко злымъ,
Ко всѣмъ долготерпи съ жалѣніемъ безмолвнымъ;
Ты самъ не осудивъ твоихъ виновныхъ братій,
Ни самъ осудишься отъ общаго Отца,
Имущаго судить и правыхъ правоту.
(Какою мѣрою ты мѣришь человѣкамъ,
Такою и тебѣ возмѣрится отъ Бога.)
Ты ближнимъ снисходя себѣ не буди льстецъ,
Но все предъ совѣстью, предъ Божіимъ лицемъ,
Суди свои дѣла судомъ нелицемѣрнымъ;
И самомнѣніе, ядъ лютый змія злобы,
(Отъ коего растлѣвъ добро творится зломъ)
Твоей не заразитъ незлобивой души.
Ты искренность являй ко ближнимъ непритворну,
Ты сердцемъ истинствуй, не обинуйся словомъ,
Страшися утверждать твою на клятвѣ рѣчь,
И правдой возбрани роту твоимъ устамъ.
Ты разумъ соблюдай—твое душевно око —
Во свѣтѣ простоты, лукавства непричастной,
И всѣ движенія и тѣла и души
Симъ окомъ направляй къ единому концу,
Къ побѣдной почести за трудъ ихъ совокупный,
За подвигъ добрыхъ дѣлъ одушевленныхъ вѣрой.
Симъ окомъ бодреннымъ, вся дольняя презрѣвъ,
Недремленно взирай ко Господу горѣ;
И мановенія смотряя вышней воли
Имъ слѣдуй не косня, всецѣлымъ произволомъ.
Весь Богу прилѣпись—и вѣрою въ Него
Преизобилуя въ нищетномъ естествѣ,
Пекись, не чувственны пріобрѣтать богатства,

Но добродѣтелей стяжанія духовны,
Но въ Бога богатѣй твореніемъ добра;
И въ семъ сокровищѣ Твоемъ на небесахъ,
(Отъ тли и отъ татей навѣки безопасномъ)
Ты сердцемъ почивай—и веселись надеждой
Что купишь вѣчнаго блаженство живота,
Цѣною смертнаго по вѣрѣ житія.
Ты суетствомъ заботъ о нуждахъ плоти тлѣнной
Блюдись осуетить твою безсмертну душу;
Но всюду вкругъ себя зря Промысла слѣды,
Возвергни всю свою житейскую печаль
На Господа—Отца, на многаго въ щедротахъ,
И вѣрь—что Датель благъ, дающій кринамъ сельнымъ
Порфиръ свѣтлѣйшую убранства красоту,
Дающій врабіямъ обильну, сладку снѣдь,
Незнающимъ труда ни сѣятвы, ни жатвы,
Не презритъ и тебя, своей словесной твари.
Тебя не бывшаго ущедривъ бытіемъ,
Тебѣ ли сущему не дастъ существовать?
И жизнь ли даровавъ лишитъ потребныхъ къ жизни?
Ты созданъ царствовать съ царемъ небеснымъ въ небѣ,
Ты царствія сего единаго взыщи,
И все наземное приложится тебѣ.
Ты духа твоего надъ чувствами державу
Мятежной плотію зря бѣдственно бориму,
Мятежницу карай суровостью поста.
Постомъ обуздывай взыгранія страстей,
Постомъ удерживай злыхъ склонностей порывы,
И наглость укроти порочныхъ вожделѣній,

И разумъ истрезви отъ шумства суеты,
И сердце облегчи отъ ига воли злой.
Ты чувственныхъ утѣхъ отринь отраву сладость,
Да не отринешься отъ духа благодати,
И ласкосердствуя, средь яствъ и питія,
Утывъ и утолстѣвъ забудешь и Творца.
Но строгаго поста великій, трудный подвигъ,
(Который въ Ангела возводитъ человѣка)
Скрывай во глубинѣ смиренныя души,
И ближнимъ не яви ни мрачностью въ очахъ,
Ни дряхлой поступью, ни внѣшностью небрежной;
Но духомъ свѣжъ и бодръ, не унывай и видомъ,
Но въ бодрость облекай слабѣющую плоть,
Но свѣжесть обновляй увядшаго лица,
И внѣшней жизни чинъ храни благообразенъ;
Ты въ мірѣ утаясь отъ смертной смертныхъ славы,
У Бога вѣчную обрящешь въ небесахъ,
У Мздовоздателя, предъ коимъ тайны нѣтъ.
Ты заповѣдь пріявъ Господню солнцесвѣтлу,
И ею просвѣтивъ твои сердечны очи,
И совѣсть усмотрѣвъ ураненну грѣхомъ
Взыщи для ранъ цѣльбу отъ вышняго врача.
Молитвой предпріявъ, рабъ винный, сынъ преслушный,
Отца и Господа умилостивить правду,
Собратіи своей умилостивься самъ,
И миръ стяжавъ отъ нихъ, и миръ имѣя къ нимъ,
Незлобивъ предъ Благимъ предстань съ молебнымъ даромъ.
(Молитвы отъ сердецъ, въ которыхъ тлится злоба,

Предъ Вышнимъ—смрадный дымъ, не сладкій ѳиміамъ,
И Вышній, отвративъ отъ нихъ свое лице,
Не милости ліетъ—ниспосылаетъ кары.)
Предстань уединясь отъ суетнаго міра,
И міра суеты изринувъ изъ себя;
Въ клѣть сердца твоего войди твоимъ умомъ,
И двери затворивъ сего живаго храма
Отъ праздныхъ помысловъ, отъ страстныхъ, отъ нечистыхъ,
Возчувствуй къ Господу благоговѣйный страхъ,
Возчувствуй ко Отцу теплѣйшую любовь,
И всю предъ Нимъ излей свою въ молитвѣ душу.
Ты немощи свои, и нужды, и печали,
Всевѣдцу возвѣщай не множествомъ словесъ,
Но вѣры искренней взываніемъ простымъ;
И внидетъ—не сомнись!—въ превыспреннее небо,
Во уши Господа, твой вопль уничиженный,
И милостью къ тебѣ преклонится Господь.
Помедлитъ ли еще вѣнчать твою мольбу?
Ты вновь Ему молись—и съ новымъ сердца жаромъ
Неутрудимаго труди твоей молитвой;
И, долгимъ понужденъ стуженіемъ твоимъ,
Онъ дастъ просящему—прощеніе грѣховъ.
Ты съ ревностью ищи—и праведность отъ вѣры
Обрящешь вѣрою для жизни благодатной.
Ты смѣлостью благихъ отъ правой вѣры дѣлъ
Толкай и ударяй въ надзвѣздный неба сводъ;
И узкія врата преддверія къ блаженству
Отверзутся тебѣ, толкущему усильно.
Но къ граду Божію ведущая стезя

Тѣсна, и терніемъ усѣянна скорбей;
Ты сею шествовать нуждайся тѣснотою,
Оставивъ путь утѣхъ углажденный, широкій,
На коемъ смертные толпятся безъ числа,
И въ слѣдъ за прелестьми наземныхъ, мнимыхъ
благъ,
Бѣгутъ низринуться въ ровъ ада преисподній.
Ты съ Господомъ твоимъ взыскуешь части въ славѣ?
Господь твой въ міръ пришелъ распяться за тебя;
Ты въ мірѣ понеси креста Его яремъ;
Ты страхомъ Божіимъ, свою связуя волю,
Пронзая распинай грѣховной плоти страсти
На внутреннемъ крестѣ умертвія грѣху.
Ты зло рази на смерть и въ собственной груди,
Ты душу самъ свою, къ ней милостиво строгій,
Въ сей жизни погуби для всѣхъ сластей житейскихъ,
Да въ будущей спасешь, пить сладости потокъ
Текущій на святыхъ отъ Божія лица.
Ты силою креста во благѣ преспѣвая,
Благому не поставь преспѣянью предѣла;
Трудами ободрись на новые труды,
Достигнувъ высоты теки на высоту;
Ты Вышняго Отца ревнуя совершенству
Себя превосходи—и въ доблестяхъ душевныхъ
Расти и возносись безъ мѣры, безъ конца.
Ты небо святости устрой въ своей душѣ,
И Вышній въ оное своею снидетъ славой,
И Самъ въ тебя вселясь, въ тебѣ походитъ долу,
И Самъ тебя вселитъ, по странствіи земномъ,
Въ небесный свой чертогъ, и въ вѣчный свой покой;

Да будешь съ Нимъ самимъ любовію едино,
Живъ жизнію Его, блаженъ Его блаженствомъ,
Да Свѣтомъ будешь свѣтъ, да Богомъ будешь богъ.
Такъ вѣра въ Господа и во Хріста Его,
Гремитъ ученіемъ отъ Слова самословнымъ,
И ветхаго сразивъ Адама въ человѣкѣ,
Въ немъ ново новаго внѣдряетъ бытіе;
Такъ злодебелую истончевая плоть,
Отъ злаго ига чувствъ освобождая душу,
Глашаетъ смертнаго взойти на верьхъ святыни,
Святаго благодать пріявъ себѣ вождемъ.
Но смертныхъ возводя въ жизнь вѣчну Іисусъ,
И ясно имъ вѣщалъ спасенія глаголы,
И въ притчахъ отверзалъ уста свои священны;
И свѣтлымъ истиннамъ премудрости своей
Гаданій налагалъ таинственный покровъ,
(Прозрачный для очей сердецъ простыхъ, смиренныхъ,
Непроницаемый для гордыхъ и лукавыхъ)
И, вѣрою въ него спасаемымъ душамъ,
И въ притчахъ изливалъ спасенія струи.
Въ нихъ благость Вышняго изобразилъ и правду,
Въ нихъ, слова своего (которое едино
Пребудетъ въ цѣлости когда исчезнетъ міръ)
Побѣдный на земли провозвѣстилъ успѣхъ;
Въ нихъ, церкви своея, малѣйшія въ началѣ,
Въ послѣдствіи временъ величіе и силу,
Чудеснымъ проявилъ пророчествомъ чудесъ;
Въ нихъ страшную изрекъ врагамъ ея судьбу;
Въ нихъ всякой доблести одушевленный образъ
Ревнителямъ своимъ представилъ въ совершенствѣ;

Въ нихъ разны жребіи, во свѣтѣ и во тьмѣ,
Творителей добра, и дѣлателей зла,
Для всѣхъ предпоказалъ, спастися всѣмъ хотящій;
И въ нихъ живописалъ, божественнымъ искуствомъ,
Чертами, солнечныхъ свѣтлѣйшими лучей,
Всю ревность своея ко грѣшникамъ любви,
Всю тайну, чрезъ Него, спасенія словесныхъ:
Палъ первый человѣкъ—и падшій изгнанъ долу
Отъ мира свышняго въ мятежъ подлунныхъ бѣдъ,
И вдругъ, на бѣдственномъ изгнанія пути,
Подвергся хищности разбойниковъ изъ ада;
И злыми совлеченъ одежды боготканной,
Природныя ему въ началѣ правоты,
И остріемъ страстей отъ злобныхъ изъязвленъ,
Нагъ добродѣтелей, грѣхами острупленный,
Лежалъ безъ помощи, добыча вѣчной смерти.
Продлились времена—и посланный съ небесъ,
Съ священствомъ, съ жертвами, пришелъ къ нему законъ,
Прещеніемъ воззвать нечувственнаго въ чувство,
Пришелъ—и преминулъ, помочь ему безсиленъ,
Безсиленъ обновить растлѣнно естество.
Продлились времена—и посланный съ небесъ,
Пророческій соборъ, избранный, освященный
На службу Господу въ Его словесной сѣни,
Пришелъ, съ предвѣстіемъ избытія отъ золъ,
Надеждой озарить отчаянія нощь,
И въ издыхающемъ воздвигнуть духъ отрадой;
Пришелъ—и преминулъ, помочь ему безсиленъ,
Безсиленъ обновить растлѣнно естество.

Свершились времена—и се, Самарянинъ,
(Такъ хульно нарекли, свѣтъ міра, Іисуса,
Ехидны зависти, слѣпыхъ вожди слѣпые;
И въ притчѣ крайняго смиренія Его,
Такъ самъ себя нарекъ смиренный Іисусъ.)
И се, недремлющій Израиля хранитель,
Богъ Слово, Іисусъ, словесныхъ первообразъ,
Приспѣлъ къ погрязшему въ грѣховномъ, смертномъ злѣ,
Да вдунетъ новую мертвѣющему жизнь;
Сошествіемъ съ небесъ, явленіемъ во плоти,
Приближась, приступивъ къ страдальцу—человѣку,
Ученіемъ своимъ таинственно-простымъ,
И мягкимъ какъ елей, и крѣпкимъ какъ вино,
Очистилъ, исцѣлилъ его душевны раны.
Ставъ грѣшному, святый, подобострастенъ тѣломъ,
Все бремя тяжкое подъялъ его грѣховъ;
И, немощствующа подъ силою страстей,
Внесъ въ церковь опочить, въ гостинницу отрады,
Для странниковъ земныхъ текущихъ путь на небо.
Въ ней дарствуетъ ему, во здравіе души,
И самъ, невидимо, цѣлебну благодать,
И явно чрезъ своихъ служителей избранныхъ;
Въ ней предалъ, восходя къ Отцу Его и Богу,
Премудрости своей сугубое сребро,
(И новыя свои и древни словеса)
Служителямъ своимъ для общей пользы вѣрныхъ;
Предавъ обѣтовалъ труждающимся въ словѣ
Награду за труды безмѣрну вѣчныхъ благъ,

Когда, со славою царя и судіи,
Съ превыспреннихъ своихъ Онъ возвратится долу,
Судить своихъ рабовъ, всѣхъ вкупѣ земнородныхъ,
И каждому воздать по вѣрѣ и дѣламъ.
Палъ первый человѣкъ — и въ срамъ грѣховныхъ золъ
Отъ горней Божіей сокровищницы славы,
Словесныхъ естества низверглася златица;
И вдругъ померкъ ея богоподобный блескъ
Подъ ржею ѣдкою пороковъ и страстей.
Премудрость Вышняго жалѣя о утратѣ,
Подвиглася взыскать потерянный свой пѣнязь,
И въ дольній, воплотясь, пришельствовала міръ;
И свѣтомъ уяснивъ превѣчнымъ божества
Пріятой на себя природы смертной разумъ,
Свѣтильникъ свой возжгла—и храмину вселенной
Засыпанну въ конецъ грѣхами безъ числа,
Тьмы полну, озаривъ, смирилась помести,
Спасительныхъ своихъ ученій чистотою,
И добродѣтелей примѣромъ безпорочнымъ.
Златицу, въ сметіи, искому обрѣла,
И кровію омывъ пролитой на крестѣ,
Открыла вновь на ней, во свѣтѣ боголѣпномъ,
Небеснаго царя напечатлѣнный образъ;
И вновь ее внесла, побѣды славной дань,
Въ сокровище Его превыспреннихъ богатствъ,
Въ которомъ, весь любовь, Онъ почиваетъ сердцемъ.
Внесла—и къ торжеству созвавъ небесны лики,
Блескъ новый придала блаженства ихъ лучамъ.
Палъ первый человѣкъ—и буйная грѣхомъ,

Словесная овца—все племя земнородныхъ —
Отъ стада Ангельскихъ чиновъ девятеричныхъ
Далече заблудивъ стремленіемъ ко злу,
Бѣжала къ призракамъ мечтательныхъ утѣхъ,
Съ небесныхъ вѣчныхъ горъ во пропасть преисподню,
Гдѣ волкъ губительства виталъ дыша убійствомъ,
И зѣвомъ огненнымъ, изъ страшной смертной тьмы,
Уже прозіявалъ на скорый, вѣрный ловъ.
Но рушилъ Іисусъ губителя надежду;
Но овцу гибнущу увидѣвъ пастырь добрый,
О гибели ея всѣмъ сердцемъ возболѣлъ,
И паству вѣрную, любезную Ему,
Оставивъ у Отца на пажитяхъ блаженства,
Самъ, въ образѣ раба, любовію влекомый,
На земную ступилъ плачевную юдоль,
И въ слѣдъ блуждающей спасающій потекъ,
Потекъ, по терніямъ скорбей души и тѣла,
По бѣдствамъ отъ грѣха въ пустынѣ дикой міра;
И душу положивъ, за овцу, на крестѣ,
(И паки воспріявъ, поправшій смертью смерть)
Крестомъ своимъ пронзилъ чудовище подземной,
И добычу его трепещущу, полмертву,
Изъ хищныхъ челюстей торжественно исторгъ;
Исторгъ и оживилъ—и подвигомъ блаженъ,
Ликующъ, о ея спасеніи желанномъ,
Своими, томную, подъялъ ее руками,
И нѣжно на своихъ покоющъ раменахъ
Превыше всякаго навѣта и труда,
Въ небесный овчій дворъ вознесъ ее съ собою;
И вновь соединивъ заблуждшую со стадомъ,

Самъ радостью взыгралъ—и въ радостный восторгъ,
О славѣ дольняго восхитилъ горній міръ.

Трикраты, обходя, обогрѣвая землю,
Владѣющее днемъ великое свѣтило ,
Вращаясь обтекло годичный кругъ небесъ;
И добрымъ подвигомъ священія людей
Ко крестной Іисусъ предподвизался славѣ.
Три лѣта, царь вѣковъ, творящій и учащій ,
Пѣшъ странствуя ходилъ по весямъ и градамъ ,
Народа своего изслѣдилъ всю страну ;
Изслѣдилъ—и вездѣ оставилъ за собою
Преславные слѣды своихъ благодѣяній ;
Ходилъ—и привлекалъ избранный свой народъ
Послѣдовать за Нимъ, вождемъ на небеса.
И се, на поприщѣ спасенія вселенной
Уже приближился къ метѣ своей Спаситель ,
Къ метѣ божественной—да умретъ на крестѣ
Безгрѣшный, человѣкъ—за грѣшниковъ, людей;
Ставъ клятвою по нихъ избавитъ ихъ отъ клятвы,
И крови своея избыточной цѣною
Отъ казни вѣчныя искупитъ ихъ навѣкъ,
И вѣчной милости заслужитъ имъ вѣнцы.
Желаніемъ горящъ, за чуждыя неправды ,
Креститься, праведный, крещеніемъ кровавымъ ,
Свое Онъ утвердилъ безстрашное лице
Итти на лютую, позорнѣйшую смерть ;
Итти во градъ кровей, гдѣ гибли отъ начала
За вѣру Божію, убійствомъ умерщвленны,
Всѣ провозвѣстники пришествія Его,
Пророки Вышняго, посланники съ небесъ.

Стремящійся умреть по волѣ, не по нуждѣ,
Да истинну сію представитъ смертнымъ явну,
Смиренный, восхотѣлъ смиреннымъ торжествомъ
Свое знаменовать стремленіе на смерть.
И се, пѣваемый отъ лика Серафімовъ,
Сѣдящій въ небесахъ на Херувімахъ славы,
Возсѣсть благоволилъ на скотіе жребя,
И пѣснь хвалебную пріять отъ бренныхъ устъ.
Се, память благости Его вседаровитой,
Пресладкую, въ своихъ возобновляя мысляхъ,
Величіе Его повѣдая чудесъ,
И страшную Его препрославляя мощь,
(Которой возбужденъ мертвецъ четверодневный
Изъ тлѣнія возсталъ жить жизнію второю)
Восторгомъ движимы, Сіоновы сыны,
Тьмочисленны текутъ, какъ сонмы быстрыхъ водъ:
И, съ пальмами въ рукахъ, составивъ праздникъ новый,
Со знаменьми Его надъ смертію побѣды,
Срѣтаютъ кроткаго Спасителя — Царя;
И вслѣдствуютъ Ему, и шествуютъ предъ Нимъ,
И мещутъ предъ Него древесъ цвѣтущи вѣтьви,
И стелютъ по пути съ раменъ своихъ одежды,
И съ сердцемъ согласивъ нельстивыя уста,
Гласъ радости своей возносятъ до небесъ:
Осанна! вопіютъ, благословенъ грядущій
Во имя Господа, Царь міра, Сынъ Давида!
Грядущій обновить и царство и народъ
Давида, нашего державнаго Отца!
Осанна! въ небѣ миръ! осанна! въ вышнихъ слава!
Се съ миромъ во врата вступилъ торжествователь,

И мира своего не вѣдающій градъ,
Потрясся вкупѣ весь отъ шума торжества;
И змѣи зависти, по стогнамъ и во храмѣ,
Напрасно силились шипѣніемъ ихъ дикимъ
Прервать согласный кликъ незлобивыхъ сердецъ,
Дающихъ чести дань Подателю благихъ.
По стогнамъ понеслись: благословенъ! осанна!
Во храмѣ раздались: благословенъ! осанна!
Святому раздались святыя похвалы
Изъ устъ невинности, изъ дѣтскихъ чистыхъ устъ.
Зря, сребролюбіемъ храмъ Бога претворенный
Въ вертепъ разбойниковъ, и въ торжище животныхъ,
И къ дому своего всечтимаго Отца
Снѣдаемъ ревностью, Сынъ Божій Іисусъ,
Продерзость покаралъ бичемъ небесной власти;
И силой возвративъ святилищу святыню,
Явилъ на страждущихъ цѣленій чудеса,
Явился милостивъ, явился грозенъ—Богъ!
Такъ смертнымъ вѣчнаго спасенія ходатай
Вошелъ — да примиритъ міръ съ Богомъ, Бога съ міромъ —
Во градъ великаго всевышняго Царя,
(Гдѣ древле утвердивъ наземный свой престолъ,
Онъ немерцающимъ небесной вѣры свѣтомъ,
Изъ храма своего, единаго подъ солнцемъ,
Сіяя озарялъ подсолнечну страну.)
Во градъ мятущійся, невѣрностью гражданъ,
Противъ всещедраго, всесильнаго Владыки;
Вошелъ въ величіи смиренія и славы,
Во образъ вшествія Его, въ концѣ вѣковъ,

Во градъ, котораго художникъ, здатель—Богъ,
Когда, по торжествѣ надъ смертію и адомъ,
Онъ Самъ соединясь съ избранными своими,
(Которыхъ дикое, нечистое грѣхомъ,
Чрезъ вѣру укротитъ, очиститъ естество,)
Съ собою совведетъ несчетные ихъ сонмы
Въ обители небесъ, въ мѣста селеній дивныхъ,
Во гласѣ радости всѣхъ Ангельскихъ чиновъ,
При шумѣ общаго силъ горнихъ празднества,
До дому Божія невходнаго для твари;
Гдѣ славою своей, во свѣтѣ неприступномъ,
Единое живетъ въ трехъ лицахъ Божество,
И жизни вѣчныя сладчайшіе лучи
Ліетъ, безчисленны, на жителей небесныхъ.
До дому Божія введетъ своихъ избранныхъ,
И Самъ почіетъ въ немъ, и будетъ вся во всѣхъ,
Всестрашенъ извергамъ, всеблагъ своимъ сынамъ.
Такъ царскимъ шествіемъ, торжественнымъ, священнымъ,
Свободенъ Іисусъ, величественъ, божественъ,
Начало—къ своему приближился концу,
Пришелъ, не къ трону царь—но жертва къ олтарю.
О Царь всея земли, но царствомъ не отъ міра,
Но царствомъ, отъ грѣха дарующимъ свободу!
О Царь, помазанный елеемъ Божества,
Въ спасеніе своихъ пожершійся людей!
Прости—и не вмѣни, что рабъ твой недостойный,
Не свѣдавъ книжная, не зная пѣть разумно,
Къ Твоей хвалѣ подвигъ нечистый свой языкъ,
И часть малѣйшую Твоихъ великихъ дѣлъ,

Дерзнулъ провозглашать въ его нестройной пѣсни.
Прости—и не вмѣни, что грѣшникъ вѣрой смѣлый
Дерзнулъ воспріимать, ревнуя по Тебѣ,
Устами скверными святѣйшій Твой завѣтъ;
Дерзнулъ изобразить некрасными словами,
Какъ, вѣчный свой совѣтъ открывъ во время міру,
Ты, Слово отъ Отца! явился на земли,
И съ человѣками Самъ пожилъ человѣкъ,
Богъ вѣчный, утаенъ покровомъ плоти смертной.
Но, смертныхъ любящій, Ты въ бренномъ семъ сосудѣ
Сокрытый Божества животворящій огнь
Далъ смертнымъ ощутить, спасая ихъ отъ золъ,
И въ вѣчности своимъ сопріобщая благамъ:
Далъ смертнымъ ощутить, премудростью въ глаголахъ,
И святостью въ дѣлахъ, и силой въ чудесахъ.
Ты міру, въ вѣкъ и въ вѣкъ, симъ тройственнымъ лучемъ
Сіяя, предаешь ту истинну премірну,
Что Ты и сотворилъ и обновилъ словесныхъ,
И падшихъ въ тлѣніе, въ безсмертіе вознесъ.
Къ сіянію сего присвѣтлаго луча
И я дерзнулъ возвесть души моей зѣницы
Да сгонится съ нея тьма прелести чуждая,
И вѣры Твоея незаходимый свѣтъ
Ее да озаритъ, какъ небо ясный день.
Ты ухо приклонилъ къ мольбамъ уничиженнымъ,
И серца моего желаніе благое,
Желаніе Тебѣ всехвальному хвалы,

БогЪ помощи моей! исполнить не презрѣлЪ.
Тебя, отЪ всей души, благодаря со страхомЪ,
Что скудости моей Ты не отринулЪ дара,
Тебя сЪ надеждою молю отЪ всей души,
Да милости Твои пробавивЪ мнѣ еще,
Сподобишь Ты меня пѣть духомЪ, пѣть во струнахЪ,
Исхода Твоего божественную славу,
Какою Ты вѣнчалЪ, распятый нашЪ Господь!
Всю тайну нашего спасенія крестомЪ.

НОЧЬ ПЯТАЯ.

Мнѣ да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Хріста.

Гал: гл. 6: ст. 14.

НОЧЬ У КРЕСТА.

Блаженъ, кто вѣрою къ блаженству предводимый,
Земная преминувъ, стремящійся къ небеснымъ,
Отторгшись отъ страстей живущихъ на земли,
Имѣетъ житіе умомъ на небесахъ;
Кто искренно въ душѣ хвалясь крестомъ Господнимъ,
Которымъ, міръ ему, и онъ распялся міру,
Достойнымъ вѣденья единый судитъ крестъ;
Кто въ тайну на крестѣ спасенія людей
Приникнувъ разумомъ, при свѣтѣ благодатномъ,
Въ сей безднѣ милости Творца къ виновной твари
Зритъ, славное Творцу, величіе креста,
Зритъ славу Господа распятаго на немъ,
И ревностью горитъ по Господѣ распятомъ,
И бодрость мысленну недремленно хранящій
Поетъ Ему во дни, не молкнетъ и въ нощи!
Сему блаженному ревнуй, моя душа!
И вкругъ, во сумракѣ, безмолвствующей нощи,
И вкругъ вздремавшейся всей дышущей природѣ,
Ты сномъ не отягчись, бездѣйственна во тьмѣ;
Но къ богомыслію, предъ знаменьемъ креста,
Для вѣрныхъ славою блистающимъ небесной,
Къ труду отрадному твоей словесной силѣ,
Спокойствомъ, бдѣніемъ, очистившая умъ,

Ты Господа взыщи, страдальца на крестѣ,
Страдальца волею за всѣ грѣхи вселенной;
И взоры утверди на агнцѣ заколенномъ,
И вся къ Нему прильпни, любовію къ любви.
Взыщи—и умоли, да призритъ на тебя,
И даруетъ тебѣ, отъ устъ твоихъ нечистыхъ,
Искапать чистую, душецѣлебну смѵрну,
Страданіямъ Его воспѣть священну пѣснь;
Страданіямъ Его, до смерти на крестѣ,
Воспѣть священну пѣснь, отъ пѣсней умиленныхъ
Поемыхъ чадами духовнаго Сіона,
Когда, Распятому сраспнувъ себя постомъ,
Умершему за нихъ творятъ надгробный плачь.
Дерзай—не посрамитъ Господь твоей молитвы:
Пой истощаніе во плоти Бога-Слова,
Пой прославленіе, за подвигъ смертныхъ мукъ,
Во человѣчествѣ всей славой Божества;
Пой возрожденіе словесныхъ земнородныхъ.

Се солнце вешнее, животворя природу,
Теченіе свое свершая съ торжествомъ
По ясной высотѣ безоблачныхъ небесъ,
Ліетъ на дольній міръ Всевышняго щедроты;
И, обнаженнаго свирѣпою зимою,
Одеждою красотъ преукрашаетъ вновь.
Се солнечныхъ лучей пріемля теплоту,
Суровый, умягчась, весь дышетъ жизнью воздухъ,
И чезнетъ на водахъ темницы льдяной толща,
И воды вновь текутъ свободны и свѣтлы;
И злачностью цвѣтутъ и холмы и поля,
И яркими луга пестрѣются цвѣтами;

И славы своея дотолѣ совлеченны,
Убранствомъ листвія вновь красятся лѣса,
И въ тѣнь свою влекутъ пѣвцовъ пернатыхъ родъ.
Но топи блатныя, согрѣтыя отъ солнца,
Изъ тины смрадныя, изъ водъ своихъ гніющихъ,
Износятъ мглистые и вредные пары;
И въ тучи черныя сгущаются они,
И мракомъ обложивъ лазурный сводъ небесный,
Отъемлютъ отъ земли видъ солнца лучезарный
Которымъ веселясь живилася земля,
И стелютъ по ея уныніе лицу,
И страшно ей грозятъ грозою смертоносной.
Такъ солнце—Іисусъ, въ которомъ Свѣтъ превѣчный
Межъ смертныхъ положилъ селеніе свое,
Изшедшій, воплотясь, спасти погибшій міръ,
Какъ къ пиршеству женихъ изъ брачнаго чертога,
Потекъ—какъ исполинъ на поприще побѣды—
Въ путь славный своего земнаго житія,
Въ путь правды и чудесъ, съ небесъ на небеса;
И кто, изъ темъ людей Израилева рода
Укрылся теплоты Его благодѣяній?
На всѣхъ Онъ возсіялъ спасенія лучи,
И всѣхъ Спасителемъ явилъ себя для вѣхъ.
И въ сонмъ спасаемыхъ вошли сердца смиренны,
Въ которыхъ искренность дышала простотою;
И души страстныя оковы ихъ страстей
Расторгнувъ, потекли безстрастному во слѣдъ;
И жертвы слабостей, и добычи пороковъ,
Мучителей своихъ яремъ низвергли тяжкій,

И, наги доблестей въ неплодствіи грѣха,
Прекраснопроцвѣлиизрядствомъдобрыхъсвойствъ,
И свѣтло, дѣлъ благихъ, украсились плодами.
Но гордые своей лжеправдой лицемѣры,
Гордыней буйные учители людей,
Въ сердцахъ питающи, всѣхъ корень золъ, корысть,
Умами дремлющи на писмени закона,
И празднымъ знаніемъ, на судъ себѣ, кичливы,
Отъ свѣта обличась въ дѣлахъ и мысляхъ тьмы,
На свѣтъ отрыгнули неистовство вражды;
И день спасенія, для чадъ грѣховной нощи,
(Которымъ суета замрежила зѣницы)
Мрачили тучами ихъ черныя хулы.
Перстъ Божій зря въ благихъ Спасителя дѣлахъ,
Не славою Его прославили какъ Бога;
Но князя адскаго въ Немъ дѣйствующу силу,
Дерзнули нарещи величіе чудесъ
Отъ коихъ трепеталъ и адъ и адскій князь;
Но червемъ зависти въ груди своей грызомы,
Какъ лукъ, на клевету, языкъ свой напрягая,
Труждаясь силились, стрѣлами злобной лжи
Благаго сострѣлять во мракѣ ихъ крамолъ.
Вкругъ агнца кротости, исчадія зміины,
Коварствомъ, лестію, віясь и пресмыкаясь,
На чистоту Его дѣяній и словесъ
Изъ устъ злословящихъ точили скверны ядъ,
Да срамомъ обліютъ Его межъ смертныхъ славу.
При всѣхъ Его стезяхъ соблазны полагая,
Хитрились уловить невиннаго въ вину,
И местью на Него вооружить законъ.

Но всуе чада лжи навѣтовали правдѣ:
Предъ духомъ истинны всѣ гибли ихъ навѣты
Какъ исчезающій предъ вѣтромъ гибнетъ дымъ,
И правда въ торжествѣ сіяла чадамъ лжи.
И сонмами народъ, ихъ познямъ непричастный,
Къ ея сіянію стекался восхищенный,
И жизнью Божіей живился отъ нея,
И Бога въ Божіемъ посланникѣ хваля,
Величилъ жданнаго, пришедшаго Мессію;
И се, подвигнутый восторгомъ благодарнымъ,
Пріялъ, великаго отъ дѣлъ и отъ словесъ,
Пріялъ, за дивное надъ смертью торжество,
Пріялъ торжественно во градъ священный Богу,
Пріялъ—и въ ревности согласныхъ восклицаній
Гремитъ Ему хвалы отъ устъ и отъ сердецъ,
Гремитъ—и движетъ градъ, гремитъ—и зыблетъ твердь.
Но истинны враги, симъ громомъ пораженны,
На кроткаго съ небесъ кипящи злобой ада,
Всей ада завистью снѣдаются въ душахъ.
Се міръ по Немъ идетъ!—другъ другу вопіютъ—
Мы боремся вотще съ симъ сильнымъ чудесами,
Се міръ по Немъ идетъ!—и мы, вожди народа,
Изъ низкой ли судьбы возникшему сему
Въ попраніе вдадимъ верховну нашу власть,
И въ срамѣ отъ Него явимся малодушны?
Мы имъ поруганы въ очахъ людей подвластныхъ:
Онъ нашихъ всѣхъ путей бѣжитъ какъ нечистотъ,
Онъ нашимъ всѣмъ дѣламъ противится какъ злу,
Поноситъ намъ грѣхи растлѣнія закона,

Злославитъ нашего ученія пороки,
Ревнуетъ обличать и тайны нашихъ думъ.
Отмѣнный житіемъ, Онъ страненъ межъ людей;
Его и самый видъ для взоровъ нашихъ тяжекъ,
Онъ Вышняго въ себѣ провозвѣщаетъ разумъ,
Онъ Бога хвалится имѣть своимъ Отцемъ,
Онъ Сыномъ Божіимъ дерзаетъ звать себя,
Онъ жребій праведныхъ блажитъ гонимыхъ въ мірѣ;
Погонимъ мы Его, дадимъ ему блаженство.
Коль истинны Его безмѣрны похвальбы,
Богъ Сына своего защититъ Самъ съ небесъ,
Избавитъ изъ руки противниковъ гонящихъ.
Извѣдаемъ Его, средь бури бѣдствій, кротость,
Беззлобство искусимъ въ горнилѣ лютыхъ золъ;
Устроимъ мы Ему сугубую напасть,
Истяжемъ мы Его досадою и мукой,
Осудимъ безъ вины на смерть поносну смертнымъ;
И тако свободясь отъ страшнаго врага,
Побѣдой сильные, безъ страха, вновь, на вѣкъ,
На разумы людей наложимъ наше иго.
Помыслили, рекли—и злобой ослѣпленны,
Спѣшатъ осуществить умышленное зло,
И въ дѣло породить зачатое умомъ;
И адъ, къ насилію губительства спѣшащимъ,
Губительной своей споспѣшествуетъ силой.
Врагъ неба и земли, змій древній, Сатана,
Зря собственный свой ядъ кипящій въ ихъ сердцахъ,
Зря лютости своей орудія готовы,
Усвоилъ скопище злодѣевъ кровожадныхъ,

Усвоилъ самъ себѣ наитіемъ своимъ;
Да ими дѣйствуя, на гибель и для нихъ,
Возможетъ наконецъ достичь меты желанной,
Убійца искони невинныхъ человѣковъ,
Убійствомъ одолѣть Спасителя людей
Неодолимаго для всѣхъ его коварствъ.
Онъ въ души злобныя враждующихъ Благому
Дохнулъ—и распалилъ въ пожаръ неутушимый
Пылающій въ нихъ огнь геенскія вражды.
Но агнцу Божію отвсюду строя ковъ,
И въ малый даже сонмъ друзей Его избранныхъ
Онъ ярости своей взыскалъ повергнуть пламень,
Взыскалъ—и не вотще; (зане къ добру и злу
Словесныя души свободенъ произволъ;
И Самъ Господь зоветъ, не нудитъ насъ къ блаженству)
Единый изъ числа дванадесяти ближнихъ,
Увы! нещастнѣйшій! (о естьли бы во вѣкъ
На свѣтъ онъ не изникъ изъ тьмы небытія!)
Единый изъ числа дванадесяти ближнихъ,
(Какъ злато чистое прониклось ѣдкой ржею,
И стало глыбою презрѣнныя руды?
Какъ свѣтлыя звѣзды угасла красота?)
На Господа, отца, учителя и друга,
Всемірному врагу, увы! обрѣлся сковникъ,
И ненависть воздалъ за нѣжную любовь.
Онъ сребролюбія ничѣмъ несыту страсть
Въ душѣ своей питалъ, продерзкій, святотатствомъ;
И всякаго грѣха, отъ злаго корня, злоба,

Какъ терніе въ его размножилась душѣ,
И сѣмя въ ней изрядствъ погибло безъ плода.
Онъ твердый вѣры щитъ откинулъ въ буйствѣ
страсти,
И врагъ Ему пустилъ во грудь непокровенну
Едину изъ своихъ разжженныхъ въ адѣ стрѣлъ,
И въ сердце уязвивъ измѣну въ немъ возжегъ.
И другъ и ученикъ, палимъ корысти жаждой,
Составилъ золъ совѣтъ — да взыщетъ чадъ убій-
ства,
На Бога, на Его воздвигшихся Хріста,
И Искупителя предастъ имъ на сребрѣ.
Составилъ—и предсталъ губителямъ губитель,
И съ ними совѣщалъ о мздѣ за вѣроломство,
И имъ десницу далъ общенія во злѣ;
И вновь дерзнулъ пристать, безстуденъ и злохитръ,
(Предъ испытующимъ сердца и души взоромъ
Предательство прикрывъ преданности личиной,)
Ко стаду вѣрному, въ одеждѣ овчей волкъ;
Чтобъ агнца-пастыря къ ловитвѣ соглядать,
И кознію вовлечь въ сѣть хищниковъ ловящихъ,
Убѣжища Его повѣдая имъ тайну,
И самъ бывая вождь крамолы ихъ слугамъ.
Но сынъ погибели лукавновалъ вотще
Устроить пагубу Спасителю вселенной;
Но всуе сонмище злодѣевъ сильныхъ въ злобѣ,
Шатаяся умомъ въ неистовствѣ страстей,
Сложилось умертвить Владыку живота;
Но тьмы грѣховныя міродержитель лютый
На Сына Божія свирѣпствовалъ напрасно,

И въ брань противъ Него вооружалъ свой адъ,
Да смертнаго Его низринетъ въ смертный ровъ,
Низринувъ покоритъ своей державѣ смерти.
Всесиленъ Іисусъ—и всѣ предъ Нимъ ничтожны
Усилія враговъ подземныхъ и земныхъ,
И душу отъ Него не можетъ взять никто.
Всевластный положить ее за падшихъ смертныхъ,
Бсевластный вновь пріять, да въ Немъ воскреснутъ къ славѣ,
Онъ заповѣдь сію имѣя отъ Отца,
И сердцемъ всю ея объемля широту,
Самъ волею избралъ умреть за умерщвленныхъ;
Да къ Нимъ Творца ихъ гнѣвъ на милость прелагая,
Самъ, жертва за грѣхи, безгрѣшный вкуситъ смерть,
И грѣшниковъ спасетъ отъ смертнаго суда;
Отъ смертнаго суда, который надъ Адамомъ
Въ Едемѣ возгремѣвъ, гремѣлъ надъ родомъ смертныхъ,
Гремѣлъ, и поражалъ ихъ души и тѣла.
Ставъ смертенъ плотію, Богъ-Слово Іисусъ;
Содѣлался щитомъ, для смертныхъ осужденныхъ,
Отъ грома Божіей карающія правды;
Да всѣ ея пріявъ перуны на себя,
Отъ казни вѣчныя избавитъ падшій міръ
И миромъ Божіимъ благословитъ на вѣки.
Онъ, кроткій и врагамъ, щадя сосуды гнѣва
Готовые уже къ погибели своей,
Ихъ злобѣ попустивъ Ему устроить смерть,
Самъ горькую сію страданій смертныхъ чашу

Пріемлетъ, послушливъ, изъ рукъ Отца и Бога,
И пить готовится единъ за всѣхъ людей.
Душа! благоговѣй—и дѣйствіямъ Его
Послѣдуй мыслію, смиренною высокимъ:
Се Богъ мой Іисусъ, Се Богъ мой Искупитель,
Самъ вѣдая въ себѣ, несозданнымъ умомъ,
Что вся Ему предалъ, съ превѣчнымъ бытіемъ,
Всезиждущій Отецъ во вседержащи руки;
Что Онъ естественно, какъ Богъ, изшелъ отъ Бога,
И къ Богу вновь грядетъ какъ Богъ и человѣкъ,
Ersталъ отъ вечери—на коей смертнымъ въ снѣдь
Предложитъ Самъ себя, базсмертной жизни пасху—
Ársталъ—и съ высоты своей владычней славы
Нисходитъ, для своихъ, любя ихъ до конца,
На нижнюю степень служенія слугамъ.
Премудрость Вышняго, которая десницей
Надъ твердію горѣ висящи держитъ воды,
И одѣваетъ твердь одеждой облаковъ,
И долу льетъ дожди, и токъ даетъ рѣкамъ,
И ярыя моря востягиваетъ силой,
И властью бурныя обуздываетъ бездны,
Премудрость Вышняго, Богъ-Слово Іисусъ,
Вливаетъ, рабскаго касаяся труда,
Во умывальницу струю воды прохладной,
И съ преклоненіемъ колѣнъ своихъ священныхъ,
Склоняя до земли святѣйшую главу,
Рабамъ, ученикамъ—учитель и Господь,
Трудится омывать покрыты прахомъ ноги.
(Да узрятся онѣ воистинну прекрасны,
Имѣющихъ обтечь вселенныя концы,

И всѣмъ благовѣстить и миръ и благодать.)
Трудится омывать и ноги сопостата,
Ступившія уже въ путь стропотный измѣны,
И скорыя пролить Его невинну кровь.
Творецъ предъ тварію смиряется во прахъ!
Злодѣю своему, незлобивъ благодѣтель,
Ревнуетъ угодить какъ ближнему, какъ брату;
И смертнымъ подаетъ божественный примѣръ,
(Да видятъ и творятъ) что истая любовь,
Усердная равно и недругу и другу,
Себя уничижить для всякаго готова,
И всякій понести инымъ на пользу трудъ;
Что вѣрные должны, подобяся Ему,
Взаимныя любви связуемы союзомъ,
Другъ друга омывать отъ всѣхъ пристрастій дольнихъ,
Которыя, какъ пыль, на поприщѣ земномъ,
Коснутся и прильпнутъ къ ихъ мысленнымъ ногамъ,
Коснутся и прильпнутъ къ ихъ склонностямъ душевнымъ;
Да измовенные отъ древней въ сердцѣ скверны,
Вновь чисты въ совѣсти отъ всякаго пятна,
Имѣютъ у Отца въ блаженствѣ съ Сыномъ часть.
Се Богъ мой Іисусъ, хлѣбъ съ неба животворный,
Боящимся Его даетъ нетлѣнну пищу,
Какъ вѣчный памятникъ явленныхъ имъ чудесъ,
И вновь и искони, къ спасенію людей;
Какъ вѣчный памятникъ любви той безконечной,
Которая Его, отъ славы пренебесной,

На землю низвела во тлѣнномъ естествѣ,
За смертныхъ претерпѣть ужасну крестну смерть,
И дать, за ихъ грѣхи, свою искупомъ душу.
Се вечерю свою—небесный домодержецъ —
Спѣшитъ Онъ предложить гостямъ Его земнымъ,
И смертныхъ учредить трапезой живота.
Се пасху Онъ творитъ спасительную міру,
(Не древню, мертвую, небесной вещи тѣнь,)
Живую, новую, и древней существо,
Которую Онъ Самъ, учитель смертныхъ рода,
Желая возжелалъ вкусить съ учениками;
Которою, навѣкъ, отъ казни за грѣхи,
Спасаясь смертное словесныхъ естество,
Преходитъ, отъ земли, отъ странствія въ пустыни,
Въ обѣтованную небесную отчизну,
Гдѣ вѣчной радости течетъ духовный медъ,
Гдѣ жизни вѣчныя словесное млеко.
Онъ съ Богомъ-Судіей міръ грѣшный примиряя,
Ходатай обоихъ, завѣтъ межъ ними новый
Грядущій утвердить на вѣки нерушимъ,
За смертныхъ смертію своею на крестѣ,
Самъ крестную свою предсовершаетъ жертву;
И въ таинствѣ, для всѣхъ умовъ непостижимомъ,
Своимъ своихъ людей питаетъ существомъ.
И се, на вечери прощанія съ дѣтьми,
Онъ саномъ вѣчнаго священства облеченный,
По сану своему творя священнодѣйство,
Пріялъ обычный хлѣбъ, пшеницы чистой тукъ,
Пріявъ благословилъ—и хлѣбъ, уже не хлѣбъ,

Но Сына Божія, подъ видомъ хлѣба, тѣло.
Сіе Онъ раздробилъ, во образъ тѣхъ терзаній
Какія на крестѣ имѣлъ терпѣть за міръ;
Сіе Онъ далъ вкусить своимъ ученикамъ,
Какъ истую съ небесъ для душъ словесныхъ манну,
Какъ пищу крѣпкую безсмертія для смертныхъ.
И се, по вечери прощанія съ дѣтьми,
Онъ въ чашѣ растворивъ водою лозный плодъ,
Пріялъ, благословилъ—и влажная святыня,
Уже не лозный плодъ, водою растворенный,
Но Сына Божія подъ видомъ оныхъ кровь;
Раздѣльна въ таинствѣ отъ тѣла своего,
Да въ сей раздѣльности, предъ взоромъ искупленныхъ,
Смерть Искупителя изобразится ясно.
Онъ чашу жизненну спасенія людей
Всѣмъ щедро преподавъ своимъ ученикамъ,
Всѣмъ пить изъ ней велѣлъ кровь новаго завѣта,
Въ который, чрезъ Него, вступаетъ Царь небесный
Съ рабами на земли, какъ съ чадами Отецъ.
О таинствъ таинство! какой созданный умъ
Изслѣдуетъ тебя, постигнетъ непостижность?
Лишь вѣра правая дерзаетъ, не безъ страха,
Сердечной простотѣ таинниковъ своихъ
Повѣдать страшное величіе Твое,
Десницы Вышняго чудеснѣйшее чудо,
И славу новую вседѣтельныя силы,
Возмогшей одарить не сущихъ бытіемъ,
Возмогшей преложить ничто въ міры міровъ.
Сынъ Божій воплотясь, ставъ богочеловѣкомъ,

*

Да человѣки въ Немъ соединятся съ Богомъ,
Самъ имъ преподаетъ, весь милость, весь любовь,
Какъ брашно плоть свою, и кровь какъ питіе,
Да смертные вкусивъ тѣлесно и духовно,
Сліются въ духъ единъ, въ единое съ Нимъ тѣло;
Да съ тѣломъ, съ кровію, пріимутъ божество,
И будутъ Божію причастны естеству,
И будутъ, обожась, по благодати боги.
Плоть Сына Божія, душевный хлѣбъ насущный,
Даетъ божественну душѣ словесной мощь
На пагубныхъ ея невидимыхъ враговъ,
И вѣчнымъ торжествомъ ея вѣнчаетъ подвигъ;
И въ гибели ея тѣлеснаго покрова
Пребудетъ сѣменемъ нетлѣнія во тли,
Отъ коего ему, въ день пакибытія,
Изъ гроба израстетъ безсмертіе и слава.
Кровь Сына Божія, втекая въ человѣка,
И тѣлу срастворясь, и душу окропивъ,
Гаситъ въ его груди страстей свирѣпый жаръ,
И жажду знойную всѣхъ дольнихъ пожеланій;
И въ радостный восторгъ упоеваетъ чувства
Къ забвенію скорбей, къ презрѣнію суетъ;
И умъ трезвящійся бодритъ парить туда,
Гдѣ съ Сыномъ, въ царствіи небеснаго Отца,
Всѣ вѣрные земли, за вѣру ихъ и вѣрность,
Въ день вѣка испіютъ, и будутъ вѣчно, вѣчно,
Пить новое вино божественныхъ утѣхъ.
Сынъ Божій Іисусъ, живетъ живымъ Отцемъ,
Все отчее въ себѣ вмѣщая совершенство;
И Сына Божія всякъ съ вѣрою ядущій

Жизнь Божеску Его вмѣститъ въ себѣ самомъ,
И будетъ съ Нимъ блаженъ блаженствомъ Боже-
ства.

Вкусили съ вѣрою ученики и други,
И чувствуютъ въ душѣ рай сладости небесной.
Вкусилъ и лицемѣръ съ предательствомъ въ груди,
И въ душу воспріялъ судъ вѣчнаго огня.
Онъ кротко обличенъ, съ любовію, съ пощадой,
Учителемъ благимъ въ сердечной тайной злобѣ,
Взялъ дерзости вину въ пощадѣ и любви,
И сердцемъ ожестѣлъ въ нечувствіи къ добру.
Онъ былъ благословенъ, избраніемъ ко славѣ,
Но клятву возлюбивъ, любостяжатель буйный,
Благословеніе избранія отвергъ;
И клятва на главу отверженца пришла,
И клятва, какъ вода, влилась въ его утробу,
И клятва, какъ елей, въ его проникла кости,
И стала ризою прильпнувшею къ Нему,
И стала поясомъ связующимъ его;
И весь, внутри и внѣ, по тѣлу и по духу,
Отмщенію небесъ содѣлался онъ жертва.
Тогда, въ его душѣ, зря домъ себѣ отверстъ,
Духъ злобы, существомъ, въ него вселился самъ,
И всею овладѣлъ злодѣя злою волей;
Имъ рѣемый на зло безстудный беззаконникъ
Исторгся изъ среды собранія святыхъ,
Сынъ нощи, нощію, потекъ на дѣло тьмы,
Предательство свершить убійственнымъ навѣтомъ.

Сквернитель отбѣжалъ—и чистъ во всемъ со-
ставѣ

Остался съ Господомъ Его избранныхъ ликъ,
Ликъ любящихъ дѣтей съ любителемъ отцемъ.
Отецъ, уча дѣтей, утѣшилъ ихъ печаль
Надеждой радостной узрѣть Его лице,
И съ Нимъ торжествовать по подвигахъ побѣду:
Надеждой, воспріять Утѣшителя свыше,
Который въ ихъ сердцахъ почіетъ божествомъ,
И будетъ съ ними въ вѣкъ, наставникъ ихъ и вождь,
И мудрость Божію усвоитъ имъ и силу.
Отецъ, уча дѣтей, далъ заповѣдь имъ нову,
Взирая на Него подобиться Ему
Изрядствомъ искренней ко ближнему любви,
И душу полагать, какъ Онъ за міръ, за братій.
Скончавъ ученіе, единый всѣхъ учитель,
Сынъ Божій своему всещедрому Отцу
Молитвой поручилъ дѣтей-учениковъ,
Да, въ мірѣ безъ Него сиротствовать имущихъ,
Своимъ пріосѣнитъ отеческимъ покровомъ,
И темную отъ нихъ отгонитъ непріязнь,
И вѣрнымъ благодать прострэтъ отъ рода въ родъ,
Да будутъ вѣрные любовію едино,
Какъ Онъ, раждаемый, съ раждающимъ превѣчно,
Богъ съ Богомъ, Сынъ съ Отцемъ, едино существомъ;
Да зрѣлищемъ плѣнясь небесной ихъ любви,
И міръ преклонится невѣрующій къ вѣрѣ.

Се Богъ мой Іисусъ, свершивъ священнодѣйство,
Торжественно воспѣлъ (и съ Нимъ ученики)
Небесному Отцу хвалы усердной пѣснь;
И вечерю скончавъ святую святолѣпно,
Стремится Самъ начать своихъ страданій подвигъ.

Вступилъ для подвига (и съ Нимъ ученики)
Въ безмолвный вертоградъ на Масличной горѣ,
(Въ обычное Его убѣжище отъ града
Къ моленію обнощь по трудничествѣ дневномъ,)
Вступилъ—и отлучилъ свидѣтелей троихъ,
(Которыхъ возводилъ съ собою на Ѳаворъ)
Быть таинъ зрительми:—не славы солнцевидной,
Какою просіялъ составъ Его тѣлесный
Отъ свѣта Божества живущаго въ душѣ;
Но истыхъ немощей въ Немъ страждущемъ за міръ,
Но вольныхъ немощей по смертной въ немъ природѣ;
Но вольныхъ, истинныхъ безстрастнаго страданій,
Которыми Его затмится Божество,
Какъ солнце тучами, предъ взорами людей,
Да смертными на смерть предастся жизнодавецъ.
Взирая съ трепетомъ на Господа—страдальца,
Общаясь горестью страданіямъ Его,
Душа! не изрони изъ памяти твоей,
Что страждетъ Онъ хотящъ, по волѣ всесвободной.
Се Богъ мой Іисусъ, предсталъ, обремененный
Студомъ и тяготой всеміpнаго грѣха,
На судъ безъ милости, Отцу и Судіи;
И, въ вышнихъ возсѣдящъ, Богъ правды, Богъ отмщеній,
На тронѣ правоты своей непостижимой,
На Сына возложивъ рабовъ своихъ вину,
Сталъ праваго судить, преступниковъ щадя;
И весь разжегъ свой гнѣвъ, за грѣшныхъ, на Святаго,

И ярости своей послалъ несчетны стрѣлы,
И всѣ въ невиннаго вонзаются онѣ.
Воздвиглись на Него, изъ мрака всѣхъ временъ,
Всѣ полчищемъ грѣхи, какими родъ словесный
Грѣшилъ и согрѣшитъ отъ вѣка и до вѣка,
(Грѣхи уже Его, вмѣненіемъ Ему)
Числомъ превысили главы Его власы,
И каждый на Него свою обрушилъ клятву
Съ перуномъ Вышняго, съ перуномъ казни вѣчной;
И въ трепетну Его и стонущую грудь
Проникли съ ужасомъ туженіе и скорбь.
Какъ моря бурнаго ревущи, яры волны,
Текущія разбить кремнистыхъ скалъ твердыню,
Являютъ страшное позорище очамъ:
Тамъ холмы водъ кипятъ и плещутъ въ облака,
Зіяетъ въ хляби хлябь, и бездна кличетъ бездну,
И пагубный потопъ грозитъ далекой сушѣ.
Такъ кары безъ числа отъ Бога—Судіи,
Болѣзни смертныя, и адовы бѣды,
На Сына Божія стремятся съ лютой силой;
Смятенную Его обуреваютъ душу,
И золъ мученія исполнилась она;
И рушиться готовъ ея тѣлесный домъ,
Но рушиться претитъ Самъ страждущій, всемощ-
ный.
Сынъ Божій Іисусъ, и сынъ и человѣка,
Какъ рабъ себя смиривъ предъ Богомъ и Отцемъ,
Да праведный Его умилостивитъ гнѣвъ,
Предъ Нимъ, уничиженъ, повергся на колѣна,
И палъ, молящійся, лицемъ своимъ на землю,

И слезъ своихъ дождемъ кропитъ лице земли,
И къ небу громкій вопль прилѣжныя мольбы
Возноситъ отъ души скорбящія до смерти.
Скорбь смертная души, ставъ мукою для тѣла,
Всю внутренность палитъ болѣзненнымъ огнемъ,
И вонъ изъ тѣсныхъ жилъ кипящу гонитъ кровь,
И точитъ потъ кровавъ изъ мышцъ преутруж-
денныхъ.
Но духъ имѣя бодръ въ изнеможенной плоти,
Страдалецъ до конца страданіе терпя
Терпѣлъ—и приложилъ молиться вновь и вновь,
Отцу, могущему спасти Его отъ смерти,
И Богу, чрезъ Него спасающему смертныхъ,
О милости для нихъ, пощадѣ для себя.
Онъ видѣлъ смерть свою, и ужасы ея,
И страшное съ небесъ отмщеніе убійцамъ,
И видя рекъ Отцу: да мимоидетъ чаша!
Онъ видѣлъ смерть свою и ужасы ея,
И міра падшаго надъ адомъ торжество,
И міра падшаго востаніе во славу,
И видя рекъ Отцу: Твоя да будетъ воля!
Но се, во тьмѣ нощной блеснулъ внезапный свѣтъ:
Се, крѣпость Божія, отъ Ангеловъ единъ,
Предсталъ Ему съ небесъ, ревнителю молитвы,
Предсталъ—и Крѣпкому явился укрѣпитель
На подвигъ смертныя, побѣдныя борьбы,
За мучимыхъ дѣтей, съ мучителемъ—врагомъ:
Явился Крѣпкому на подвигъ укрѣпитель,
Являя предъ Него плодъ жизни новой, вѣчной,
Для міра смертнаго имущій возрасти,

Когда—всемірнаго спасенія зерно —
За падшихъ Онъ падетъ, умретъ за умерщвленныхъ.
Такъ Сынъ въ страданіяхъ Отцу явясь послушенъ,
Такъ волѣ покоривъ отеческой свою,
(Двѣ воли Онъ имѣлъ какъ Богъ и человѣкъ)
Судъ правды Божіей, для смертныхъ нестерпимый,
За грѣшныхъ претерпѣлъ душею богоносной;
И бурю утишивъ мятущихъ душу золъ,
Спокойствомъ дышущій, воздвигся отъ земли,
Готовъ страдальствовать и тѣломъ богомужнымъ,
Готовъ страдальствовать, до язвъ и поруганій,
До смерти на крестѣ, за страстный смертныхъ родъ.
Воздвигся—и потекъ во срѣтенье врагамъ.
И се, губители, оружіемъ звучащи,
И ярки свѣточи во мракѣ потрясая,
Приближились къ Нему—свирѣпая толпа —
И вождь губителямъ предатель-ученикъ.
Но всуе востаетъ война на Миротворца.
Онъ рекъ: Я есмь—и Сый, всесильный, самобытный,
Продерзкимъ показалъ противникамъ своимъ
Тщету, ничтожество, ихъ силъ и существа.
Отъ слова устъ Его полкъ злобныхъ огромленный,
И вспять возриновенъ, палъ трепетенъ на землю,
И падая повергъ оружіе изъ рукъ.
Такъ злыхъ Благій щадя удерживалъ отъ зла,
Да въ разумъ истинны пришедъ отъ буйства злобы,
Въ гонимомъ обрѣтутъ спасителя гонящихъ.
Но злые злобствуя съ упорствомъ до конца,
Пощаду благости отвергли отъ себя;

И съ яростью воставъ, и дышущи убійствомъ,
Стремятся докончать начатое злодѣйство,
И первый въ нихъ злодѣй предатель-ученикъ.
Онъ скопу хищному скрамольниковъ своихъ,
Спѣшитъ назнаменать лобзаніемъ добычу;
Носящъ еще въ устахъ любви небесной пищу,
И злость къ любителю питающій въ груди,
И строя пагубу внезапную Ему,
Учителю предсталъ какъ другъ, навѣтникъ лютый!
Предсталъ, облобызалъ, свершилъ свою измѣну.
Се стая ринулась неистовыхъ звѣрей
На агнца кроткаго, со скрежетомъ зубовъ;
И кроткій Іисусъ, часу Его приспѣвшу,
Могущій маніемъ силъ горнихъ легеоны
Подвигнуть на свою защиту отъ враговъ,
Самъ волей предаетъ себя своимъ врагамъ.
Се руки хищниковъ продерзкія свирѣпыхъ
Связуютъ узами, жестокими нещадно,
Имущаго рѣшить словесный смертныхъ родъ
Отъ безсловесія, отъ срамныхъ узъ грѣха;
Связуютъ истаго Сампсона-Назорея,
Который, Самъ въ себѣ, за міръ умреть грядущій,
Какъ будто усыпилъ, бездѣйствіемъ извнѣ,
Живущу внутрь Его всю силу Божества,
Да смерть отъ немощныхъ пріиметъ Всемогущій.
Влекутъ какъ плѣнника—дарующаго міру
Отъ плѣна смертнаго свободу живота—
Но что? гдѣ вѣрный сонмъ друзей-учениковъ,
Готовыхъ положить неробкія ихъ души
За жизнь дражайшую учителя и друга?

Увы! не устоялъ, соблазномъ преткновенъ!
Во плоти немощной духъ бодрый изнемогъ,
И въ вѣрныхъ бѣдствуетъ скудѣющая вѣра,
И се поглощена напасти смертной страхомъ:
Бѣгутъ они, бѣгутъ—какъ овцы отъ волковъ
Грызущихъ пастыря, защитника овецъ.
Но пастырь Іисусъ, Самъ хищниковъ ловитва,
Отъ лова хищнаго свое спасаетъ стадо;
Самъ вяжущихъ Его велѣніемъ связавъ,
(Да злоба ихъ сердецъ, свирѣпая къ Нему,
На Немъ остановясь, не поженетъ бѣгущихъ)
Избранниковъ своихъ поставилъ въ безопасность;
И, чуждъ сопутниковъ, потекъ въ кровавый путь,
На муки смертныя, мучительную смерть.
Се Богъ мой Іисусъ, всевластный, вся носящій,
Влечется ко властямъ, Богъ мира, какъ разбойникъ!
Се испытующій утробы и сердца,
Самъ испытуется отъ буйныхъ гордецовъ.
Онъ буйство вразумилъ премудрости глаголомъ,
Онъ гордость обличилъ смиренія отвѣтомъ,
И злобы на Него воспламенился гнѣвъ;
И рабъ неистовый, нечестіемъ піянъ,
На Господа, увы! вознесъ предерзку руку,
Ударилъ—ужаснись, и содрогнись, о небо!
И ты, отъ нѣдръ твоихъ вострепещи, земля!
Да гибнетъ, снидетъ въ адъ, ударившій злодѣй!
Но рабской своего созданія рукою,
Создатель и Господь, ударенный безстудно,
Не двигнулся на гнѣвъ—кротчайшій Іисусъ;
И смертнымъ показалъ величіе души

Въ прощеніи обидъ, и Промыслу покорствѣ.
Се, Богъ мой Іисусъ, влечется въ домъ неправды
Гдѣ въ сонмъ на Господа и на Его Христа
Всѣ вкупѣ собрались, губительствомъ дыша,
Судящіе земли, людей Господнихъ князи.
Зря сильнаго въ плѣну, зря праведника въ узахъ,
Взыграли радостью завистники-враги;
Но праведны творясь предъ взорами людей,
Тзыскуютъ, лживые, на правду лжесвидѣтельствъ,
Взыскуютъ—но вотще, но праведнику въ славу;
Въ дѣлахъ Его святыхъ и тѣни нѣтъ грѣха,
Какъ въ солнечныхъ лучахъ ни вида темноты;
И ложь себѣ солгавъ, собою посрамленна,
Умолкла, наглая, предъ истинной безгласной.
Но зависть, алчуща пожрать свою корысть,
Спѣшитъ невинности устроить нову кознь:
И ядомъ зависти имѣя грудь кипящу,
Начальникъ и душа совѣта нечестивыхъ,
По сану—освященъ, верховный Божій жрецъ,
По сердцу—осужденъ, жестокій Божій врагъ,
Языкъ свой изострилъ ужалить Іисуса.
Онъ Сына Божія живымъ заклявшій Богомъ,
Изъ устъ безмолвнаго свидѣтельство исторгъ,
О истинномъ Его во плоти Божествѣ;
И слово истинны въ хулу вмѣнивъ безстудный
Расторгнулъ на себѣ священныя одежды;
(И тѣмъ, поправъ законъ, явилъ не зная самъ,
Что древній ветхаго священства прерванъ чинъ,
Что славой Ааронъ померкъ предъ Іисусомъ,
Священникомъ-царемъ, Мелхиседекомъ вѣчнымъ.)

Одежды растерзалъ ревнитель-лицемѣръ,
И смертную нанесъ невинному вину:
И съ шумомъ отъ всего сборища злодѣевъ
Провозглашается Сынъ Божій—сыномъ смерти!
И чтимый честію отъ Ангеловъ какъ Богъ,
Отъ чадъ нечестія, какъ хульникъ Божества,
Безчестится, увы! безчестіемъ ужаснымъ;
Сталъ поношеніемъ безстудныхъ человѣковъ,
Уничиженіемъ глумящихся людей.
Се Богъ мой Іисусъ, источникъ чистоты,
Ругательство піетъ—какъ тинистую воду,
Изъ блата черплему, зловонну и зловредну—
Піетъ до сытости, и полнится студомъ.
Се боговидное владычнее лице,
(На коемъ истинный живаго Бога образъ
Зарей просіявалъ живоначальной славы,
Предъ коимъ выспренній благоговѣетъ міръ,
И дольній, въ день суда, падетъ со страхомъ ницъ,)
Отъ слугъ-мятежниковъ біется по ланитамъ!
И меркнетъ въ срамотѣ нечистыхъ заплеваній!
И безобразится, краснѣйшее красотъ!
Се злоба, отъ отцевъ прешедшая къ сынамъ,
Се злоба наглая, избившая пророковъ,
Пророковъ Господу въ лице даетъ удары,
И вземля отъ Него покровомъ свѣтъ очей,
Угадывать велитъ ударившую пясть;
Се ждущая зари—кровавой дня убійства!
Спѣшитъ, усталая отъ злыхъ своихъ ругательствъ,
Въ темницу затворить на долгій нощи часъ
Того, кѣмъ свѣтятся свѣтила въ небесахъ,

Кѣмъ бездна смертной тьмы затворится на вѣки.
И кроткій Іисусъ, Сынъ Бога всемогущій,
Какъ слабый человѣкъ безъ помощи съ небесъ,
Какъ бы отриновенъ отъ Божіей руки,
Вся терпитъ волею, спасая міръ отъ клятвы,
Являясь для людей—смиренія зерцало,
Въ страдальчествѣ своемъ—носящій смертну плоть,
Въ долготерпѣніи—превышшій смертныхъ—Богъ!
Страданіямъ Твоимъ, безстрастный Страстотерпецъ!
Я покланяюся отъ страждущаго сердца,
И славлю въ глубинѣ болѣзненной души
Долготерпѣніе, Незлобивый! Твое.
Но зри, и въ торжествѣ вострепещи, о злоба!
И гласъ свой измѣни ликующій въ плачевный:
Се первый твоего виновникъ торжества
Пріемлетъ первый казнь, убійца-ученикъ.
Змій бездны, мрачною свирѣпой страсти мглою,
Мрачилъ и ослѣплялъ свою злощастну жертву,
Доколѣ чрезъ нее убійства строилъ кознь.
Устроилъ—и открылъ злодѣю умный взоръ,
Да зритъ ровъ пагубы, грѣхомъ его изрытый,
И ввергнется въ него, отчаяньемъ сраженный.
Узрѣлъ—оцепенѣлъ, раскаялся злодѣй,
Но злымъ раскаяньемъ, въ зло вѣчное себѣ;
Но духомъ одержимъ гордыни безнадежной,
Въ раскаяньи хранящъ свой нравъ непокаянный,
Содѣлалъ вящшую предательства вину:
Въ спасеніи своемъ отчаялся въ конецъ,
Всеблагость поругалъ Спасителя и Бога.

Не палъ къ Его ногамъ, не исповѣдалъ съ плачемъ
Ему, противъ себя, нечестіе свое,
Да милостью Его восхвалится во вѣкъ;
Но трепетенъ, стенящъ, бѣжитъ никѣмъ гонимый,
Возноситъ на себя убійственную руку,
И вервію стѣснивъ крушитъ свою гортань,
И жизнь съ дыханіемъ отъемлетъ у себя,
И бьющійся еще своимъ висящимъ тѣломъ,
Обрушась падаетъ—и вся его утроба
Изъ чрева дымнаго (просѣлося оно)
Кровава излилась на прахъ лица земли;
И съ ужасомъ душа, исторгшися изъ тѣла,
Помчалась во свое на днѣ геенны мѣсто,
Гонима полчищемъ мучителей-духовъ.
Такъ сынъ погибели караемый погибъ;
И карой страшною, своимъ во злѣ клевретамъ,
На Сына Божія свирѣпствующимъ въ ковѣ,
Своей провозвѣстилъ подобную судьбу.
Но злоба нерадитъ, и алчетъ—зла изъ золъ—
Умучивъ умертвить, Спасающаго смертныхъ
Отъ смерти вѣчныя, мученій безконечныхъ.
Но, плѣнница меча, плѣнителя племенъ,
Не вольная сама исполнить свой совѣтъ,
Предъ хищной властію падетъ уничиженна,
Да казнь позорную, распятія на древѣ,
Ея свершитъ рукой надъ узникомъ своимъ.
Се Богъ мой Іисусъ, въ часъ раннія зари,
Изъ тьмы темничныя—Востокъ, и солнце правды—
Изводится въ цѣпяхъ, вождей народныхъ сонмомъ,
Израилевъ святый, къ язычнику на судъ.

Всепокланяемый, всемірный судія,
Судищу предстаетъ поклонника кумировъ;
И санъ его почтивъ довлѣющимъ отвѣтомъ,
При шумѣ лающей безбожной клеветы
Смирился, умолчалъ, Богъ Слово онѣмѣлъ.
И наглые Его навадники-злодѣи,
(Желѣзна выя ихъ—гордынею предъ Богомъ,
Ихъ мѣдяно чело—безстыдствомъ предъ людьми.)
Предъ строгимъ судіи невѣрнаго лицемъ
Личиною хвалясь ревнительства по вѣрѣ,
Отъ зависти въ сердцахъ рыгаютъ ложь устами;
И въ Сынѣ Божіемъ, пріявшемъ зракъ раба,
Наставившемъ людей отъ сердца воздавать
Честь царскую царю, честь Божескую Богу,
Представить силятся врага властямъ и небу.
Безмолвенъ Іисусъ—и правдою могущъ
Одѣять въ студъ и срамъ своихъ клеветниковъ,
Молчаніемъ уста хранитъ запечатлѣнны:
И тихъ незлобіемъ, въ премудрости спокойной,
И страхомъ не смущенъ, и миренъ на судѣ
Гдѣ смертный роютъ ровъ Ему Его враги,
Онъ зрится въ смертности превышшій человѣка,
Превышшій естества трепещущаго смерти,
Въ уничиженіи божественно великъ.
Величію Его дивится судія,
И въ сердцѣ начертанъ имѣя отъ природы
Законъ написанный на каменныхъ скрижаляхъ,
По гласу совѣсти износитъ правый судъ,
И громко предъ лицемъ народа и властей
Судимаго царя провозглашаетъ правость.

Но времени слуга, угодникъ человѣковъ,
Но выгодъ собственныхъ корыстью побѣжденъ,
Но вѣтрами страстей колеблемая трость,
Но въ трепетъ приведенъ угрозою злодѣевъ:
Что мнимому явивъ мятежнику пощаду,
Тирана своего къ себѣ возбудитъ гнѣвъ,
Онъ совѣсти своей презрѣлъ претящій вопль,
Невиннаго лишилъ защиты отъ закона,
И въ руки предаетъ гонителей завистныхъ;
И, властью облеченъ да будетъ злобѣ бичь,
Бываетъ для нея орудіемъ убійствъ.
Онъ чистою водой, убійца, моетъ руки,
И мнитъ, явиться чистъ отъ праведничей крови,
И весь виня народъ, обезвинить себя;
И весь, увы! народъ (старѣйшины—зміи
Ядъ злобы своея ему вліяли въ сердце)
Взываетъ: кровь Его на насъ, на нашихъ чадахъ!
И весь, увы! народъ, какъ море возшумѣвъ,
Взываетъ къ Судіи: распни Его, распни!
Такъ родъ Израиля, избранный въ чадо Богу,
Враждою Каина на Авеля—Мессію
Воставъ, изринулся отъ славы своея,
И Богу и Отцу содѣлался врагомъ.
Онъ зрѣлъ великаго дѣлами Іисуса,
Когда Его словамъ внимала вся природа,
Служила вся Ему какъ Господу раба,
Когда потоками безчисленныхъ чудесъ,
Его, на смертныхъ родъ, преизливалась сила;
И славой изумленъ Пророка—чудотворца,
И словомъ услажденъ учителя съ небесъ,

И святость честію чествуя во святомъ,
Ему свою судьбу вручалъ съ жезломъ державнымъ.
Но вдругъ Его узрѣлъ влекущаго оковы,
Влекомаго на судъ, судимаго на смерть,
И буйно соблазнясь, соблазномъ обуянъ,
Возмнилъ невиннаго предъ правдою виновнымъ;
И ухо приклонилъ къ завистникамъ-врагамъ,
И въ сердце воспріялъ отраву ихъ клеветъ,
И дерзкими, слѣпецъ, руководимъ слѣпцами,
Палъ съ ними въ яму золъ глубокую до ада.
Распни Его, распни! еще раздался вопль,
И робкій судія, смятенный мятежемъ,
Въ добычу предаетъ свирѣпымъ тиграмъ агнца.
Се Богъ мой Іисусъ, къ злой смерти осужденный,
Злодѣйской властію мучителямъ-слугамъ
Вдается, какъ злодѣй, на медленную казнь:
И се о зрѣлище! при коемъ ликъ небесный
Прервалъ побѣдну пѣснь, и стонъ пустилъ плачевный;
При коемъ восплескалъ ругающійся адъ,
О коемъ возгласить дрожжатъ мои уста.
Се Богъ мой Іисусъ, за грѣшниковъ страдалецъ,
Даетъ мучителямъ плещи свои на раны,
На раны лютыя отъ остраго бича;
Се льются и текутъ кровей Его струи,
Се рушась и дробясь плоть падаетъ частями,
Се рвутся до конца разсѣдшіяся жилы,
Се видится костей сквозь язвы нагота,
Се язвами хребетъ какъ нива изоранъ;
(Но нивы сей бразды глубокія, кровавы,

Спасенія людей произращающѣ жатву.)
Се, сѣ теплой плотію дымящаяся кровь,
Ко праху прикипѣвѣ багритѣ лице земли:
Но кровь сія сѣ земли грѣховѣ смывая скверны
Ей паки чистоту даруетѣ первобытну;
И лучше говоря чѣмѣ Авелева кровь,
На небо вопіетѣ, вѣ слухѣ Бога Судіи,
Не проситѣ за себя отмщенія отѣ неба,
Но древню Вышняго ходатайствуетѣ милость
Повиннымѣ вѣчному безѣ милости суду.
Такѣ злоба извергов—стоглавая змія —
На Сына Божія изсунувѣ остры жала,
Безмолвную свою, хвалясь, терзала жертву;
Но жизнь еще не всю отѣемлетѣ отѣ нея,
Да дастѣ лютѣйшую возчувствовать ей смерть,
Приложитѣ кѣ сраму срамѣ, приложитѣ муки кѣ мукамѣ.
И кроткій Іисусѣ, Сынѣ Бога всемогущій,
Какѣ слабый человѣкѣ безѣ помощи сѣ небесѣ,
Вся терпитѣ волею, спасая мірѣ отѣ клятвы,
Являясь для людей—смиренія зерцало,
Вѣ страдальчествѣ своемѣ—носящій смертну плоть,
Вѣ долготерпѣніи—превышшій смертныхѣ—Богѣ!
Страданіямѣ твоимѣ, безстрастный Страстотерпецѣ!
Я покланяюся отѣ страждущаго сердца,
И чту отѣ глубины болѣзненной души
Долготерпѣніе, Незлобивый! твое.
Се Богѣ мой Іисусѣ, болѣзненно, безчестно,
Истязанѣ ранами отѣ злобы кровожадной,

Подъемлетъ новую безчестія болѣзнь;
Стрегущій промысломъ всей твари бытіе,
Творится плѣнникомъ свирѣпой стражи воевъ.
Восхитили Его разбойники безбожны,
Восхитили вѣнчать, какъ ложнаго царя,
На царство мнимое, съ позорнымъ торжествомъ;
И къ ранамъ на хребтѣ прильпнувшую одежду
Влекутъ съ его раменъ, и съ тѣломъ рвутъ отъ
тѣла,
И въ утварь царскую спѣшатъ Его облечь.
И се, о страшный видъ! Царь славы Іисусъ,
Какъ багряницею одѣющійся свѣтомъ,
Одѣянъ видится посмѣшищной порфирой,
И трость, какъ будто скиптръ, держащъ въ своей
рукѣ!
Вѣнчанный честію и славой Божества,
И Самъ вѣнчающій—Самъ Божія премудрость —
Цвѣтами земный долъ, звѣздами сводъ небесный,
Вѣнчается, увы! отъ изверговъ-рабовъ,
(Князь тьмы воспламенилъ огнь злобы въ ихъ серд-
цахъ)
Вѣнцемъ, отъ тернія иглистаго сплетеннымъ!
Но вы, въ лице врагамъ, Сіоняне избранны!
Хвалитесь о своемъ поруганномъ Царѣ,
Болѣзнь Его и срамъ вамъ слава и цѣльба:
Онъ869 вземлетъ на себя, съ симъ рубищемъ багровымъ,
Кровь міра падшаго, самоубійцы міра!
Да обреченному подъ вѣчный Божій гнѣвъ
Страданіемъ своимъ притяжетъ благодать.
Съ симъ терніемъ вѣнца, болѣзнь усвоивъ чужду,

Онъ въ сердце острые грѣховъ наземныхъ терны
Пріялъ—да попалитъ любви своей огнемъ,
Которымъ, за грѣхи, сожжется самъ какъ жертва,
Да землю свободитъ отъ клятвы терноносной.
Онъ сею тростію, своей черниломъ крови,
Для чадъ, измѣною виновныхъ предъ отцемъ,
Подпишетъ на крестѣ прощеніе вины.
Онъ сею тростію, у всѣхъ народовъ міра,
Ударивъ сокрушитъ всѣ адовы твердыни,
Всѣ скверны капища сквернѣйшихъ ихъ боговъ,
И Божія врага высокій сломитъ рогъ.
Но сихъ безбожники не разумѣя таинъ,
Глумятся о царѣ носящемъ узы рабства,
И царскій санъ Его чествуютъ, злые, зло:
Колѣна преклонивъ метаются предъ Нимъ,
И, радуйся, о Царь! съ кощунствомъ восклицая,
Изъ скверныхъ устъ своихъ плеваній мещутъ тину
На томное Его увядшее лице;
И подражненіемъ страдальца подражнивъ,
Рукою наглою разятъ Его ланиты;
И тростный вземля скиптръ изъ царскія десницы,
Біютъ имъ по главѣ, біютъ имъ по вѣнцу;
И терніемъ вѣнецъ вгрызается въ главу,
И каплютъ кровію власы ея густые.
Но злоба, зрѣлищамъ забавяся плачевнымъ,
Забаву прекративъ спѣшитъ на дѣло золъ;
И узника—царя (царя лишь по вѣнцу)
Готовится вознесть на древо казни смертной.
И кроткій Іисусъ, Сынъ Бога Всемогущій,
Какъ слабый человѣкъ безъ помощи съ небесъ,

Вся терпитъ волею, спасая міръ отъ клятвы,
Являясь для людей—смиренія зерцало,
Въ страдальчествѣ своемъ—носящій смертну плоть,
Въ долготерпѣніи—превысшій смертныхъ,—Богъ!
Страданіямъ твоимъ, безстрастный Страсто-
терпецъ!
Я покланяюся отъ страждущаго сердца,
И чту отъ глубины болѣзненной души
Долготерпѣніе, Незлобивый! твое.
И се, уже я зрю мучилищное древо,
То древо страшное, на коемъ всякъ висящій
Тягчится клятвою отъ Бога и людей;
На коемъ Іисусъ распеншійся за міръ,
Предъ правдой Божества, Самъ Богъ благословенный,
По грѣшникахъ земныхъ содѣлается клятва;
Да въ Немъ, отъ Божества, благословится вновь,
Въ Адамѣ проклятый родъ грѣшниковъ земныхъ,
Да древомъ падшіе востанутъ паки древомъ.
Се крестъ является огромный, трисоставный,
Въ немъ съ певкомъ обнялись и кедръ и кипарисъ.
Душа! ты съ вѣрою надежду и любовь
Объемля, поклонись подножію святому
Царя, имущаго своимъ престоломъ небо,
И бреніемъ себя облекшаго на смерть.
О крестъ! ты ужасомъ, ты срамомъ былъ землѣ,
Ты будешь радостью и славой земнороднымъ;
Ты древо разума, спасенія и жизни!
Ты смертнымъ изліешь во мрачные умы
Богопознанія чистѣйшую лучу,
Какою не могли, блистающія звѣзды,

Свѣтящая луна, сіяющее солнце,
Отъ вѣка озарить блужденія ихъ тьму.
Ты свергнешь въ ихъ сердцахъ кумиры ихъ страстей,
Которыхъ не возмогъ ниже позыбнуть мало
Премудрости земной языкъ велерѣчивый.
Ты образъ Троицы представишь имъ въ себѣ:
Отца, живущаго горѣ на небесахъ,
И Сына, сшедшаго на землю и до ада,
И сущаго вездѣ, Святаго Духа, Бога.
Ты станешь на земли, и поколеблешь адъ;
Ты взыдешь въ высоту—и тамо съ торжествомъ
Низложишь гордаго воздушной силы князя;
Ты снидешь въ глубину—и змія преисподней
Коварнаго пронзишь сквозь тьмы его коварствъ;
Прострешься въ широту—и всѣ страны земли
Исполнишь милости Господней, неизмѣрной.
Ты мостъ незыблемый надъ адомъ утвержденный
Для смертныхъ — преходить изъ тьмы во свѣтъ живыхъ.
Ты смертнымъ лѣствица съ земли на небеса,
Ты сладкіе плоды безсмертнаго блаженства
Для смертныхъ израстишь, когда, на мѣстѣ лобномъ,
Кровь агнца напоитъ Твой сохнущій составъ,
Кровь агнца Божія, надъ коимъ острый ножъ
Въ убійственной рукѣ уже сверкаетъ грозно.
Се, злобы ихъ отцевъ спѣша исполнить мѣру,
И Сына, не рабовъ ихъ вышняго Царя,
Безчестно умертвить въ безчестіе Отцу,
Влекутъ наслѣдника наемники невѣрны;
Влекутъ къ закланію умученную жертву,

Влекутъ изъ града вонъ, да распнется внѣ вратъ
На мѣстѣ, гдѣ казнитъ преступниковъ законъ,
На мѣстѣ, гдѣ почилъ всѣхъ смертныхъ прародитель;
Да тамъ, вторый Адамъ, (о чудный Божій промыслъ!)
Отъ смерти смертію искупитъ всѣхъ людей,
Гдѣ первый погребенъ, всѣхъ смертности вина;
Да тамъ, гдѣ пала въ прахъ гордыня человѣка,
Преклонится къ Нему божественная милость,
И низкому грѣхомъ, ниспослетъ со креста,
Высокой святости безмездну благодать.
Се Богъ мой Іисусъ, прекрасный паче смертныхъ,
Уже ни красоты, ни вида не имущій,
Носящій на главѣ кровавый свой вѣнецъ,
И крестъ на раменахъ—мучилище свое,
Пронзаемъ жалами, дручимый тяготою,
Злостраждущій отъ мукъ терпимыхъ и терпѣнныхъ,
Но съ миромъ на лицѣ безстрастія души,
Но Богу и Отцу до смерти послушливъ,
Безъ лѣности течетъ, всѣ силы истощая,
Свершить спасеніе на гибель осужденныхъ,
И смертью увѣнчать—и смертью на крестѣ!
Весь подвигъ своего страданія за міръ.
Течетъ, сопутствуемъ народомъ жестосердымъ,
Алкающимъ узрѣть, какъ зрѣлище забавы,
Его въ мученіяхъ кончающуся жизнь;
Течетъ—и не коснитъ предать себя на казнь.
(Трепещетъ мой языкъ вѣщать сей казни ужасъ)
Возводится съ крестомъ на страшную Голгоѳу,
И тамъ, на смертный трудъ, какъ пищей учрежденъ
Горчайшей желчію, отъ тѣхъ своихъ людей,

Которымъ Онъ съ небесъ, въ дни глада ихъ въ пу-
стыни
Хлѣбъ Ангельскій дождилъ,—всесладостную манну;
И тамъ, на высотѣ, одежды совлеченъ ,
Предъ тьмами зрителей, Богъ славы, зрится нагъ,
Лишь ранами покрытъ, стыдомъ однимъ одѣянъ!
И алчны хищники бросаются съ несытствомъ
На скудную корысть Его нецѣнныхъ ризъ,
Дѣлятъ—и жребіемъ рѣшатъ въ раздѣлѣ споръ.
Богъ славы зрится нагъ!—да сниметъ съ человѣковъ,
Безвиннымъ на себя пріятіемъ ихъ срама ,
Вину ихъ срамныя грѣховной наготы;
Да Божія врага, властителя людей,
Отъ власти надъ людьми, украденной у Бога ,
По праву обнажитъ—и дерзость святотатца
Кичливу посрамитъ предъ тварью и Творцемъ;
Да тлѣнія рабовъ, грѣха носящихъ студъ,
Порфирой облачитъ нетлѣнія и славы.
Се жертва чистая, словесная, живая,
Одна достойная Творца и Судіи,
Возносится сама на крестный свой олтарь.
Се распинается Сынъ Божій воплощенный;
И къ распинателямъ, къ жестокимъ, милосердый,
Самъ молится Отцу простить имъ ихъ вину.
Се пригвождаются тѣ руки ко кресту,
Которыхъ всѣ дѣла—спасеніе для міра;
Тѣ ноги, коихъ слѣдъ—путь правды для словесныхъ.
Стукъ млата по гвоздямъ раздался въ небесахъ,
И весь содрогнулся соборъ небесныхъ силъ;
И ужасъ ихъ объялъ, и прервались ихъ пѣсни,

И промежилося ихъ вѣчное блаженство.
Зря Бога своего простерта на крестѣ,
Ницъ пали съ трепетомъ, простерлися они,
Предъ истощаніемъ Его непостижимымъ;
И, громкимъ паче словъ, безмолвіемъ глубокимъ,
Богатство славили Господней нищеты,
Имущей смертныхъ родъ обогатить на вѣки
Сокровищемъ тѣхъ благъ, безчисленныхъ, безмѣрныхъ,
Отъ коихъ обнищалъ родъ смертныхъ во Адамѣ.
Стукъ млата по гвоздямъ вселенную потрясъ,
И страхомъ двигнулись и небо и земля
Бѣжать отъ мѣстъ своихъ въ пространствѣ безконечномъ,
И пасть во глубину ничтожества бездонну;
Но маніемъ своимъ ихъ бѣгство удержалъ,
Всесильный въ немощи, распятый ихъ Творецъ.
А злоба извергов злодѣйствуетъ безъ страха:
Распнула Господа—и крестъ огромный, тяжкій,
Воздвигнувъ, водрузивъ, прямъ ставитъ на горѣ,
Народнымъ предъ лице неистовымъ толпамъ,
Являющъ имъ вину распятаго страдальца,
Вину безвинную—Его державный санъ.
Такъ зависть лживая, вѣщая клевету,
(Ей промыслъ Вышняго запнулъ въ ея коварствѣ)
Явилась громкая свидѣтельница правды,
Съ креста провозгласивъ распятаго царемъ.
Онъ царь, воистинну, и царь по существу,
Онъ царь Израилевъ, и царь всея вселенной.
А злоба извергов, распятаго срамляя,

Распнула вкупѣ съ Нимъ, двоихъ, съ обѣихъ странъ,
Татей-разбойниковъ караемыхъ судомъ,
Да съ беззаконными смѣшается безгрѣшный.
И кроткій Іисусъ, Сынъ Бога всемогущій,
Какъ слабый человѣкъ безъ помощи съ небесъ,
Вся терпитъ волею, спасая міръ отъ клятвы,
Являясь для людей—смиренія зерцало,
Въ страдальчествѣ своемъ—носящій смертну плоть,
Въ долготерпѣніи—превышшій смертныхъ—Богъ!
Страданіямъ твоимъ, безстрастный Страсто-
терпецъ!
Я покланяюся отъ страждущаго сердца,
И чту отъ глубины болѣзненной души,
Долготерпѣніе, Незлобивый! твое.
Се Богъ мой Іисусъ, Богъ-Слово воплощенный,
Который на водахъ, своимъ единымъ словомъ
Громадныя земли повѣсилъ тяготу,
На древѣ Самъ виситъ, болѣзньми отягченъ!
Самъ истая лоза виситъ на древѣ крестномъ,
И точитъ съ высоты, какъ кровь изжатыхъ гроз-
дій,
Кровь рукъ своихъ и ногъ, ископанныхъ гвоздьми,
Для смертныхъ сладкое безсмертія вино!
На воздухѣ виситъ межъ небомъ и землею
Да небу и земли посредникъ будетъ мира,
И всю да привлечетъ словесну, дольню тварь
Къ себѣ, своимъ крестомъ, изъ бездны золъ грѣха.
Простершій небеса навѣсомъ надъ землею
Простеръ, повѣшенъ Самъ, свои на древѣ руки;
Простеръ, къ сынамъ отецъ, къ народамъ на земли,

Десницу къ первенцу, и шуйцу ко другимъ,
Да въ сонмъ съ Израилемъ, по вѣрѣ приближеннымъ,
Собравъ и племена язычниковъ далекихъ,
Всѣхъ вкупѣ заключитъ въ объятія свои;
Всѣхъ вкупѣ своему небесному Отцу
Представитъ, о себѣ возлюбленномъ, любезныхъ,
И дастъ имъ пребывать въ любви Его на вѣки,
И въ ней блаженствовать блаженствомъ безъ конца.
Свѣтило дневное въ пути по небесамъ
Достигло вышнія полуденной степени,
И въ пламенной своей сіяющее силѣ,
Узрѣло страшный крестъ—и зрѣть не потерпѣвъ,
Сокрыло отъ людей свой зракъ радостотворный,
И мракомъ облеклось какъ вретищемъ печали.
И тьма простерлася по высотѣ небесъ,
И тьма простерлася по широтѣ земли,
И вся вселенная поникла въ сѣни смертной;
И нощь ужасная на ней отяготѣла,
Нощь новая во дни! не дѣло естества,
Тѣнь гнѣва Божія на скопъ богоубійцъ.
Но скопъ богоубійцъ, но чада тьмы и нощи,
Лишь вящше дерзкіе злодѣйствовать безстудно
Не обличаемы отъ свѣта въ дѣлѣ золъ,
Износятъ—тьму на тьму—всю злобу ихъ сердецъ,
Всю злобу зависти къ распятому Святому.
Жалѣнія во грудь желѣзну не пріемля,
Глумясь кощунствуютъ надъ тающимъ отъ мукъ,
Подобны лютостью лютѣйшимъ изъ звѣрей,
Играющимъ своей терзаемой добычей.
Старѣйшины людей, унизивъ санъ высокій,

Съ народомъ буйствуя толпятся у креста,
И мимо проходя висящаго на немъ,
Киваютъ на Него ихъ гордыми главами;
И, язвою одной имущаго все тѣло,
Свирѣпые, язвятъ, пронзаютъ до души,
Стрѣлами острыми ругательныхъ словесъ:
,,Себя ли не спасетъ иныхъ людей спаситель?
Да снидетъ со креста Сынъ Божій, Царь, Мессія!"
Но всѣмъ неодолимъ ругательствамъ враговъ,
Безмолвный Іисусъ, не сходитъ со креста;
Не рушитъ своего и отчаго совѣта
Да древомъ упразднитъ отъ древа древню клятву,
Да будетъ міру крестъ отъ пагубы оплотъ,
И праведника жизнь для грѣшниковъ искупъ,
И смерть безсмертнаго безсмертіе для смертныхъ.
Но чей я слышу гласъ, дерзающій безъ страха
Единъ противостать безчисленнымъ хуламъ,
Гремящимъ изо устъ народа и властей?
О сила въ немощи свершаемая дивно!
Се мнящихся святыхъ, учителей закона
Дерзаетъ поучать мужъ буенъ, мужъ кровей!
Се проповѣдаетъ Мессію на крестѣ
Единый изъ двоихъ распятыхъ съ Нимъ злодѣевъ!
Онъ искрой отъ Него возжегся благодати,
И смерти крестныя подъемля тяготу,
Самъ правды Божіей оправдывалъ суды.
Онъ тѣломъ на крестѣ воздвиженный высоко,
Падущъ во глубину смиренія душею,
Себя окаевалъ и каялся въ себѣ.
Онъ злобу заустилъ клеврета своего

Дерзнувшую хулить распятаго межъ ними.
Онъ зрѣлъ въ поруганномъ, измученномъ страдальцѣ,
Долготерпѣніе среди ругательствъ, мукъ,
Невмѣстное для силъ земнаго существа;
Зрѣлъ солнце въ небесахъ зашедшее въ полудни,
Зрѣлъ долу всю во тьмѣ скорбящую природу;
И свѣтомъ озаренъ отъ Бога на крестѣ,
Его, сквозь смертный мракъ, увидѣлъ Божество.
Увидѣлъ вѣрою—и вѣру скрыту въ сердцѣ
Въ спасеніе свое произъявилъ устами,
Свободны лишь уста имѣя на крестѣ;
Воззвалъ къ распятому святому всецарю,
О немъ да помянетъ, о грѣшнѣйшемъ рабѣ,
Когда во славное свое на небѣ царство
Пріидетъ отъ земли стезею смерти крестной.
Воззвалъ—и получилъ (о чемъ ниже мечталъ)
Даръ славы вѣчныя отъ Господа щедротъ,
И рай себѣ отверзъ единымъ малымъ словомъ,
И въ спутники горѣ Спасителемъ избранный,
Съ Нимъ первый (въ тотъ же день) вшелъ въ райскія врата.

Такъ добрымъ пастыремъ, заблуждшая овца,
Предавшимъ на крестѣ свою за стадо душу,
Воззванная съ креста спаслась на краѣ бездны.
А овцы пастырской всемощныя руки
Отбѣгли отъ Него, отъ части съ Нимъ въ бѣдахъ;
А ближніе души, а искренніе сердца,
Оставили Его въ день лютъ скорбей и срама;
И съ ужасомъ въ груди, и съ трепетомъ въ костяхъ,

Далече отстоя, метали робкій взглядъ
На страшно зрѣлище Его мученій крестныхъ.
Единъ лишь ученикъ Учителю любезный,
(Любезный чистотой и тѣла и души)
Дерзнувъ приближился къ подножію креста,
Со страждущимъ страдать, скорбѣть Ему въ отраду.
Оставили отца неблагодарны дѣти;
Но сына нѣжная не оставляетъ мать,
Мать, дѣвство съ рождествомъ счетавшая въ себѣ,
Заимодавшая плоть чисту Богу-Слову,
Мать Сына Божія, Марія Іисуса.
Съ Нимъ сердцемъ и душей сливаяся она,
Съ Нимъ сердцемъ и душей Его дѣлила студъ,
Съ Нимъ сердцемъ и душей Его дѣлила муки,
Съ Нимъ сердцемъ и душей сраспялася на древѣ;
Съ Нимъ въ сердцѣ и въ душѣ, стояща подъ крестомъ,
(Для горести ея тяжелымъ какъ гора)
Пронзалась остріемъ болѣзней нестерпимыхъ.
Но въ сына вѣруя, во плоти бренной Бога,
И вѣрою живой незыблемо тверда,
Единая она, изъ смертныхъ на земли,
Страданія Его разумѣвала тайну,
И видѣла зарю спасенія и жизни,
Свѣтающу уже для гибнущихъ людей
Изъ мрачной нощи бѣдъ Мессіи на крестѣ.
Но видъ распятаго, истерзаннаго сына,
Утробу матери терзаетъ люто, люто;
И плодъ всемірнаго блаженства отъ креста
Отрадой не живитъ ея стенящу грудь.

Но жизнь снѣдающій огнь скорби неутѣшной
Горитъ, свирѣпствуетъ, во всемъ ея составѣ;
И богозарная лучами красоты,
Печали тучею затмилася въ конецъ;
И плачемъ плачется великимъ, безпрерывнымъ,
О Сынѣ всесвятомъ ко древу пригвожденномъ,
О издыхающемъ среди поносныхъ мукъ;
И кровь дражайшую зря каплющу съ креста,
Своихъ теплѣйшихъ слезъ сливаетъ съ нею токи.
Свѣтъ жизни своея, свѣтъ сладкій, вожделѣнный,
Зря преклонившійся на западъ смертной тьмы,
Желаетъ и во тьму итти за Нимъ во слѣдъ,
Да будетъ съ Нимъ живымъ, съ Нимъ мертвымъ,
неразлучна;
И въ ревности любви, незнающей предѣловъ,
Желаетъ за Него пить горьку чашу золъ,
Сама себя предать на тысящу смертей,
И Искупителю содѣлаться искупомъ.
Къ ней взоры томные божественный страдалецъ
Склоняя съ высоты кроваваго креста,
И скорбь ея о Немъ Самъ чувствуя въ себѣ,
Скорбящую спѣшитъ своимъ утѣшить словомъ;
И бремя тяжкое по Немъ ея безчадства
Ей тщится облегчить замѣною себя,
Себя, возлюбленнымъ своимъ ученикомъ.
Речетъ—и матери усыновляетъ друга,
И чистой чистаго, и дѣвственника дѣвѣ;
Речетъ—и заповѣдь хранящій Самъ свою,
(Да чтутъ родителей рожденные отъ нихъ,
И благо житія виновниковъ ихъ жизни

Ревнуютъ устроять доколѣ дышутъ сами,)
Сынъ чтитель матери, Сынъ Божій Іисусъ,
О ней, забывъ себя, печется на крестѣ.
Изнемогающей, далъ помощь ей отъ скорби,
А Самъ, на древѣ мукъ, Самъ зрится безпомощенъ;
Имущій въ небесахъ честь равну со Отцемъ
Оставленъ отъ Отца судящаго земли,
Оставленъ претерпѣть за смертныхъ смерть безчестну.

Се Богъ мой Іисусъ, до мукъ неизреченныхъ
Самъ волей обнищавъ, Самъ истощивъ себя,
Умученъ зрится весь отъ ногъ и до главы;
Всѣ въ тѣлѣ страждущемъ страдаютъ члены, чувства:
Глава—отъ тернія, ланиты—отъ ударовъ,
Хребетъ и рамена—отъ крѣпкаго бича,
Отъ горькой желчи—вкусъ, отъ хульныхъ кликовъ—слухъ,
Богообразный зракъ—отъ скверныхъ заплеваній,
Отъ острія гвоздей—кровавы руки, ноги,
И кости всѣ и плоть—отъ лютаго креста.
Страдаетъ плотію Сынъ Божій Іисусъ,
Но духомъ мирствуетъ, блаженствомъ отчимъ полный.
Какъ древо, свѣтлое въ лучахъ дневнаго свѣта,
Хотя сѣкирою ссѣчется отъ корней,
Но дневный свѣтъ на немъ пребудетъ несѣкомъ;
Какъ солнца яркій видъ вмѣщающе зерцало,
Хотя, ударенно, разрушится на части,
Но солнца яркій видъ пребудетъ нерушимъ,

И въ каждой изъ частей отсвѣтится всецѣлъ:
Такъ Богъ мой Іисусъ, за міръ страдалецъ вольный,
Пріявъ, какъ человѣкъ, страданія несчетны,
Во всѣхъ провозсіялъ безстрастнымъ божествомъ.
Весь милость ко врагамъ, къ убійцамъ весь любовь,
Весь день, Онъ со креста, свои распяты руки
Ко сонмамъ простиралъ людей непокоривыхъ,
И въ милость и въ любовь къ себѣ ихъ призывалъ;
Но тщетно призывалъ.—Ругательства, хулы,
На званія Его, изъ устъ ихъ прекословныхъ
Гремѣли во отвѣтъ, весь день не умолкая,
И милость и любовь отгнали прочь и прочь.
Се вечеръ наступилъ Его земнаго дня,
И нощи смертной мракъ срѣтая Онъ очами,
Самъ волею въ него склоняется главою;
Но первѣе спѣшащъ исполнить всѣ слова,
Какія Самъ вдохнулъ пророкамъ о себѣ,
(Да всякая черта и всякая іота
Изъ писанныхъ о Немъ во свиткѣ жизни вѣчной,
Не прейдутъ—но вполнѣ всѣ сбудутся на Немъ,)
Онъ жажду изъявилъ—и жаждою горящъ,
Въ прохладу, въ питіе, пріемлетъ оцетъ ѣдкій
Отъ тѣхъ своихъ людей, которымъ Самъ въ пустыни,
Въ день зноя жаждущимъ, изъ твердыя скалы
Потокомъ источилъ воды живыя медъ.
Отъ оцта ѣдкаго вкусилъ страдалецъ крестный,
Вкусилъ—и поспѣшилъ спасенію вселенной,
Кончиною своей, желанный дать конецъ.
Онъ умирающій—всевластный жить всегда—

*

Гремящимъ возопилъ къ Отцу и Богу гласомъ,
(Не смертный человѣкъ, отъ мукъ изнеможенный,
Но крѣпкій въ немощи, во плоти смертной Богъ)
И въ руки отчія свой съ миромъ предалъ духъ.
И се—о чудеса!—раздралась вдругъ во храмѣ
Стѣнѣ подобная, огромная завѣса,
За коей, Бога силъ таинственный престолъ,
Ковчегъ свидѣнія, таился отъ людей;
И жертвы крестныя въ завѣтѣ ветхомъ тайны
Во всемъ величіи раскрылися для вѣрныхъ,
Да видятъ истинну, не тѣнь, грядущихъ благъ.
И средостѣніе, межъ неба и земли,
Адама падшаго грѣхомъ сооруженно,
Крестомъ Спасителя разрушилось на вѣки;
И грѣшникамъ земнымъ, въ святилище небесъ,
Кровь агнца Божія открыла новый путь,
Къ святынѣ Божества, дотолѣ неприступной.
И се—о чудеса!—смутилась вся природа,
О смерти своего восплакала Творца:
Твердь темная небесъ затмилася въ конецъ;
И зыбнулась земля, и плещуща морями,
Всей толщей потряслась отъ самыхъ основаній;
И водны полились къ истокамъ быстрины,
И съ трескомъ горныя разсѣлися скалы;
И смерти хищныя подземные заклепы,
Несчетны, вкругъ креста, разверзлися могилы;
Во знаменье, что крестъ надъ смертію трофей,
Что смерть надъ смертными свою теряетъ власть,
Что узники ея изыдутъ на свободу.
Боязнь бездушныя возчувствовали твари,

И скорбь, о Господѣ, убитомъ отъ рабовъ;
А тварь словесная, виновная сама
Во злѣ неслышанномъ—во злѣ богоубійства!
Не знаетъ дерзкая, ни скорби, ни боязни.
А Сына Божія безбожные враги,
Увы! превосходя жестокостью своей
Нечувственность земли, и твердость скалъ кремнистыхъ,
Въ душѣ не потряслись, не сокрушились духомъ,
При видѣ ужасовъ и долу и горѣ,
При видѣ пагубы зіяющей на нихъ;
И къ жизни истинной, раскаяньемъ неложнымъ,
Растлѣнныхъ ихъ сердецъ не отворились гробы;
И совѣсть спящая глубокимъ, мертвымъ сномъ,
Не пробудилася въ ихъ каменной груди.
Но, лютые, кичась ихъ лютости побѣдой,
Еще не престаютъ и къ мертвому страдальцу
Питать въ себѣ вражду—свирѣпый адскій огнь.
Увы!—и положивъ свою за смертныхъ жизнь,
Еще не престаетъ страдать страдалецъ мертвый;
Отъ воиновъ единъ, злодѣй безчеловѣчный!
Явить не устыдясь свою надъ мертвецемъ
Убійствомъ дышущу, неистовую злость,
Вознесъ на Господа продерзостную руку,
И въ ребра копіемъ пронзилъ Его до сердца.
И-се—о чудеса!—изъ язвы мертвыхъ ребръ,
Сугубая струя и крови и воды
Несмѣсно излилась—великихъ образъ таинствъ!
Въ сугубой сей струѣ, наитствуемой Духомъ,
Въ сей банѣ чистоты, въ сей пакибытія,

Все человѣчество, отъ всякаго грѣха,
Омоется въ конецъ—и возродится вѣрой,
И, вѣрой возродясь, наслѣдитъ жизнь и славу,
Жизнь вѣчну Ангеловъ, и славу Божества.
Се тайна тайною рѣшилась на крестѣ:
Сномъ изступленія уснулъ Адамъ въ Эдемѣ,
По сердцу одинокъ средь множества животныхъ;
И спящій претерпѣвъ, безвредно для себя,
Изъ бока вскрытаго изъятіе ребра,
Увидѣлъ, воспрянувъ, желанную дотолѣ,
Достойную его, словесную подругу;
И сердцемъ прилѣпясь къ сообщницѣ—женѣ
Сталъ съ нею прославлять ихъ общаго Творца.
Такъ Богъ мой Іисусъ, безстрастно пострадавый,
Сномъ смертнымъ на крестѣ уснувъ — Адамъ небесный —
Богъ-Слово, не имущъ словесныхъ по себѣ;
Изъ бока вскрытаго, изъ прободенныхъ ребръ,
Для грѣшныхъ изліялъ спасительные токи,
И церковь породилъ нескверну, святу, славну.
Востанетъ въ третій день — и узритъ въ торжествѣ,
Достойную Его невѣсту и сестру;
И съ нею сопряженъ союзомъ совершенства,
Единый съ нею духъ, едино съ нею тѣло,
Въ ней возвеличится до вѣка на земли,
И съ нею преселясь къ Отцу на небеса,
Свое величіе усвоитъ ей на вѣки.
Такъ жизни вѣчныя изыдетъ міру сладость
Изъ смертной горечи Спасителевыхъ мукъ.

Се БогЪ мой ІисусЪ, дающій отЪ себя
Дыханіе и жизнь всей твари во вселенной,
СамЪ зрится на крестѣ безжизненЪ, бездыханенЪ!
О како смерклися, угасли вЪ смертной тьмѣ,
Зѣницы молнійны всевидящихЪ очей?
О како тѣ уста связались нѣмотою,
КоторыхЪ сильный гласЪ и воскрешалЪ умершихЪ,
И вЪ бѣгство обращалЪ полки подземныхЪ силЪ?
О како вЪ мертвецахЪ вмѣнился БогЪ живый?
Се странникЪ ІисусЪ небесныя отчизны,
Во странствіи земномЪ лишавшійся покрова,
ПодЪ коимЪ могЪ бы дать покой своей главѣ,
Страннопріемлется вЪ подземный, малый гробЪ!
ОнЪ древле, вЪ день седьмый, почить благоволивый
ОтЪ зданія міровЪ, и зримыхЪ и незримыхЪ,
Се паки, вЪ день седьмый, почилЪ отЪ новыхЪ дѣлЪ,
ОтЪ возсозданія словесныхЪ на земли!
Субботы СамЪ Господь субботствуетЪ во гробѣ,
Субботство вѣчное уготовляя смертнымЪ,
Покоя Божія удѣлЪ на небесахЪ.
Держащій dланію вселенной тяготу,
Покрывшій небеса добротЪ своихЪ изрядствомЪ,
СамЪ, камнемЪ покровенЪ, содержится вЪ могилѣ!
Вся исполняющій—вЪ пещеру заключенЪ!
Зря Сына Божія, зря Бога своего,
На тронѣ вЪ небесахЪ, и мертва подЪ землею,
Небесны воинства дивятся дивомЪ страшнымЪ;
И кЪ погребенному летятЪ, за сонмомЪ сонмЪ,
И кланяясь Ему, челомЪ падутЪ во прахЪ,
И пѣснь жалѣнія поютЪ всеумиленну,

Пѣснь новую поютъ—безсмертному надгробну!
Поютъ превознося до выспреннихъ небесъ
Смиренія Его, до смерти! глубину.
Чествуютъ Ангелы, безчестятъ человѣки!
Убитый праведникъ врагами всякой правды,
(Врагами смертными)—но страшный имъ еще,
Убѣжища отъ злыхъ и въ гробѣ не обрѣлъ.
Пророчество Его о чудѣ несказанномъ:
Что самъ пробудится отъ сна тридневной смерти,
Востанетъ, отъ людей увѣруется Богъ —
Смущаетъ страхами ихъ злобы торжество.
И прелесть, мужи льсти, предотвращая мниму,
Гробъ стражей облегли, запечатлѣли камень;
Да не украдется опасный имъ мертвецъ,
И пройдетъ о Его востаніи молва,
И кровь Его на нихъ отмстится отъ народа.
Но не похитится сокровище нетлѣнно,
(Живый, оставленъ былъ своими до конца,
И мертвъ ли взыщется, умершій на крестѣ?)
Само произойдетъ со славой изъ могилы,
И міръ обогатитъ некрадомымъ богатствомъ,
Давъ съ вѣрой Божіей, убогому сему,
Наслѣдіе благихъ благаго Божества.
Но первѣе Господь въ себѣ явитъ исполненъ
Пророка своего пророчественный образъ;
И въ сердцѣ Онъ земли три дни почіетъ мертвъ,
На нивѣ смертности безсмертія зерно,
Класъ жизни вѣчныя растящее для смертныхъ.
Но гдѣ витавшая въ тѣлесномъ храмѣ Слова,
Святая во святомъ, словесная душа?

Изъ тѣла смертію душа изселена,
Но смертью Самъ въ себѣ не дѣлится Сынъ Божій;
Но въ тѣлѣ и въ душѣ, мѣстами разлученныхъ,
Вмѣщаясь Божествомъ единствуетъ лицемъ.
Сѣдящій со Отцемъ, живый на небесахъ,
И тѣломъ на земли лежащій мертвъ во гробѣ,
Душею сходитъ въ адъ, на князя тьмы, съ побѣдой.
Самъ въ сѣть свою впадетъ врагъ Бога и людей:
Онъ смерть, оброкъ грѣха, безгрѣшному нанесъ,
И хищная его надъ грѣшниками область
Прешла—и рушится его держава смерти,
И правды Божіей надъ нимъ свершится судъ.
Се, чуждыхъ немощей совлекшись на крестѣ,
Сынъ Божій во свою облекся, сильный, силу;
И ризой мщенія, кровьми Его червленной,
Одѣлся—и снизшелъ, снизшелъ во глубину,
Гдѣ вѣчная во тьмѣ владычествуетъ нощь,
Гдѣ злобы древней змій, прельститель человѣковъ,
Въ гнѣздилищѣ своемъ, въ темницѣ преисподней,
Какъ добычу держалъ, какъ пагубы корысть,
Адама и его отъ вѣка мертвыхъ чадъ.
Тамъ души праведныхъ—отъ вѣры оправданныхъ,
Но яду зміеву, грѣху, не непричастныхъ —
Доколѣ на крестѣ за грѣшный смертныхъ родъ
Еще не пролилась божественная кровь,
(Хотя имъ адская не прикасалась мука)
Терпѣли студный плѣнъ, лишались части славной
Зрѣть Божія лица желанну красоту.
Изъ мрачной пропасти вздыхали къ небесамъ,
Да чаемый съ небесъ Спаситель земнородныхъ,

Грядый не закоснитъ пришествіемъ блаженнымъ,
Пріидетъ—узниковъ избавить отъ оковъ,
Изъ сѣни смертныя известь во свѣтъ живыхъ.
Пришелъ, не закоснилъ—и адъ мятется страхомъ;
Трепещутъ вратники, трепещутъ князи ада,
Пришедшаго на нихъ зря грозный славой видъ.
Онъ грянулъ—и сразилъ высокій гордыхъ рогъ,
Онъ, мѣдныя врата, и вереи желѣзны,
Сломилъ и сокрушилъ—Онъ, солнце сущій правды,
Безсолнечну страну, жилище лжи и тьмы,
Лучами своего наполнилъ Божества;
Но свѣтъ Его сугубъ—для чтителей плѣненныхъ:
Сіяніе лучей отрадныхъ, животворныхъ;
Плѣнителямъ-врагамъ: палящихъ молній блескъ!
Онъ змія поразилъ, Онъ змію стеръ главу;
Онъ въ запустѣніе, карающей рукою,
Твердыни положилъ узилища подземной.
Онъ узникамъ врага, пресельникамъ земли,
Себя провозвѣстилъ, Спасителя съ небесъ;
Онъ спасъ, по милости, спасенія достойныхъ,
Открыться имъ велѣлъ, изыти на свободу.
И гласъ божественный, гласъ новаго Творца,
Услышавъ—не боязнь возчувствовалъ Адамъ,
(Какъ древле, по грѣхѣ, въ Эдемскомъ вертоградѣ)
Но радостью взыгралъ—и съ праотцемъ прамат ерь,
И съ ними сонмы чадъ, избраный правыхъ родъ,
Внезапно разрѣшась отъ нерѣшимыхъ узъ,
Ко свѣту потекли веселыми ногами,
И пали предъ своимъ Избавителемъ-Богомъ;
И агнцу Божію—ихъ пасхѣ всесвятой,

Согласно принесли созвучную хвалу;
И хвалятся о Немъ, и рай вкушаютъ въ адѣ,
И нову, вѣчну жизнь пріемлютъ въ сѣни смертной,
Отъ Обладателя и мертвыхъ и живыхъ.
Се Богъ мой Іисусъ, разрушивъ до конца
Всемірнаго врага владычество и царство,
И плѣнъ его плѣнивъ, и ада побѣдитель,
Возшелъ на высоту съ побѣдою на смерть,
Изъ тьмы подземныя въ подсолнечну страну.
Возшелъ—и побѣдилъ, и силою своею
Самъ мертваго себя возоживилъ во гробѣ,
Воскресъ—и тлѣнія не видѣвшая плоть
Изрядствомъ процвѣла природныхъ духу свойствъ—
Воскресъ—и плотію вещественно-духовной
Изъ гроба возсіялъ во славѣ боголѣпной,
Лишь ризы смертности, со смертностью самой,
Оставивъ по себѣ въ могильной пустотѣ.
Не рушилась печать, не чувствовали стражи;
Стрегутъ и бодрствуютъ—но тщетенъ трудъ и подвигъ!
Изшелъ изъ ложницы стрегомый ими Царь,
И праздень узрится Его покоя одръ;
И всѣмъ родамъ земнымъ свидѣтель будетъ вѣрный,
Его умертвія, востанія изъ мертвыхъ,
Его живущаго во плоти божества.
Днесь Сына своего, превѣчный Богъ Отецъ,
Всѣхъ первѣе вѣковъ рожденнаго имъ Бога,
Днесь воскрешеніемъ родилъ, какъ человѣка,
Въ жизнь славы вѣчныя, въ жизнь славы своея;

Родилъ—и воцарилъ на небѣ, на земли.
И кланяться Ему ревнуютъ горни силы,
Какъ вѣрные слуги ихъ новому Царю,
И въ ликахъ возгремѣвъ, Его величатъ власть,
И славословія Ему приносятъ дань;
И вся взыграла тварь ихъ пѣнія восторгомъ,
И съ небомъ и земля ликуетъ восхищенна
О воскресеніи Спасителя людей.
Се, Бога на земли служитель отъ небесъ,
Полетомъ радости спустился Ангелъ свѣта,
И камень отваливъ—подъ коимъ камень жизни
Какъ мертвенъ возлежалъ, носящій на себѣ
Всю церковь Божію, домъ неба и земли —
Возсѣлъ на вышинѣ надгробныя громады,
Какъ молнія—лице, какъ снѣгъ—его одежда;
И страхомъ пораженъ стрегущихъ воевъ сонмъ
Сотрясся, омертвѣлъ предъ княземъ горнихъ силъ.
Онъ радость возвѣстилъ Господнимъ ученицамъ,
Къ учителю на гробъ любовію влекомымъ,
Что всуе ищется, отъ плачущихъ вотще,
Нетлѣнный въ тлѣніи, и съ мертвыми живый;
Что смертію своей смерть смертныхъ умертвивый,
Распятый Іисусъ воскресъ какъ побѣдитель,
И смертнымъ даровалъ жизнь вѣчную свою.
Воскресъ воистинну! воистинну воскресъ!
Воскресъ—и не единъ—совоскресилъ съ собою
Святыхъ умершихъ сонмъ — начатки смертныхъ рода —
Которыхъ совозвелъ изъ адовыхъ глубинъ,
Которыхъ, вкругъ креста, трясущейся землѣ,

Имѣющихъ ожить, отверзлися могилы.
Се ожили они, изъ мертвости безсмертны,
И новы бытіемъ, изъ древнихъ ихъ гробовъ
Изникли, изнеслись—и быстры и легки,
Спѣшатъ во градъ святый явиться въ немъ избраннымъ;
Да имъ явятъ въ себѣ, что смерти Одолѣтель
Свое имъ удѣлилъ надъ смертью торжество;
Что смертныхъ естество, работное грѣху,
Онъ правдѣ покорилъ, и обезсмертилъ Богу.
Но се и Самъ Господь, воскресшій Воскреситель,
Самъ любящихъ Его, возлюбленныхъ Ему,
Спѣшитъ возвеселить явленіемъ своимъ:
Онъ тѣломъ обложенъ, имущій плоть и кости,
Проникнулъ, Богъ чудесъ, сквозь двери затворенны,
Подъ кровъ, гдѣ ликъ друзей, отъ сонмища убійцъ,
Таился трепетенъ, и сѣтующъ по Немъ.
Онъ плачущимъ предсталъ—и плачь ихъ неутѣшный,
Утѣшивъ, обратилъ въ неизреченну радость,
Имъ язвы показалъ пробитыхъ рукъ и ногъ,
Имъ язву показалъ пронзеннаго ребра;
(Онъ язвы на своемъ оставилъ тѣлѣ славы,
Да зримы въ небесахъ Отцу Его и Богу,
Безмолвны вопіютъ, зіяніемъ своимъ,
О милости въ судѣ надъ грѣшными земли.)
Онъ съ ними не презрѣлъ вкусить ихъ тлѣнну пищу,
И вѣрить убѣдилъ ихъ радости невѣрство

Что живъ, изъ мертвыхъ живъ, ихъ пастырь и
Господь.
Онъ миръ имъ даровалъ, миръ сердца и ума;
Онъ дунулъ имъ въ лице—и, древле душу живу
Вдохнувый въ бреніе словесныя природы,
Жизнь нову ей вдохнулъ, жизнь Духа своего,
Да всякая душа, умершая грѣхомъ,
Симъ Духомъ святости живится во святыню.
Онъ съ духомъ устъ своихъ усвоилъ имъ духовно,
Въ преемство вѣчное, власть Божеску свою,
Рѣшить и связывать на грѣшникахъ грѣхи.
Онъ имъ обѣтовалъ доспѣхи силы свыше,
На брань съ злокозненнымъ тьмы вѣка міродерж-
цемъ,
На подвигъ исхищать, чрезъ слово о крестѣ,
Отъ змія прелести словесный смертныхъ родъ.
Самъ посланный Отцемъ, онъ ихъ послалъ подобно,
Крестить, и научать всѣмъ заповѣдямъ вѣры,
Во всѣхъ концахъ земли земныя племена.
Онъ съ ними, съ вѣрными средь церкви своея,
Самъ истинной своей, и въ таинствахъ и въ словѣ,
Неложно обѣщалъ присутствовать до вѣка.
Онъ къ Богу и Отцу изъ гроба восходящъ,
Не вдругъ благоволилъ съ востаніемъ своимъ
Оставить видимо свою любезну землю,
Оставить видимо друзей своихъ и братій,
Но, срокъ таинственный! четыредесять дней
Онъ въ мірѣ препровелъ, для міра невидимъ;
Таинникамъ своимъ являлся Онъ единымъ,
И къ нимъ бесѣдуя о церкви правовѣрной,

Симъ царствомъ Божіимъ, небеснымъ на земли,
Училъ ихъ управлять во славу Всецаря.
Онъ тако совершилъ, посланникъ въ міръ отъ Бога,
Всю тайну Божія смотренія о мірѣ,
Спасенія земли скончалъ великій трудъ,
И часъ Ему войти въ небесный свой покой.
Се Богъ мой Іисусъ, готовый взыти съ тѣломъ
Туда, гдѣ прежде былъ, Богъ-Слово, безтѣлесенъ,
Своихъ учениковъ возвелъ на Елеонъ:
Да будетъ для Него, та самая гора,
Гдѣ въ подвигъ Онъ вступилъ мучительныхъ страданій,
Начальная степень къ возшествію во славу;
Да тамъ Онъ узрится высокій, сильный Богъ,
Гдѣ зрѣлся немощный, смиренный человѣкъ.
Тамъ къ небу Онъ воздѣвъ свои всещедры руки,
Благословеніемъ благословилъ небеснымъ
Свидѣтелей о Немъ словеснымъ на земли.
Имъ нову отъ себя дающій благодать,
Самъ вземлется отъ нихъ, возносится на воздухъ,
И тихимъ шествіемъ восходитъ выше, выше,
И удаляется отъ чадъ своихъ отецъ.
Но слѣдуютъ за Нимъ ихъ очи и сердца,
Но съ Нимъ любовію они соединенны,
Съ Нимъ силятся пребыть въ разлукѣ неразлучны;
И зрящіе съ горы грядущаго горѣ,
Забыли дольній міръ, не помнятъ и себя,
Стремятся выспрь и выспрь высокимъ, быстрымъ взоромъ;
Но взору быстрому представилась преграда.

Се облачная ткань, бѣлѣюща какъ снѣгъ,
Простерлась подъ стопы грядущаго горѣ;
И небошественникъ, отъ зрителей наземныхъ,
Сокрылся въ высотѣ ефирнаго предѣла.
Но зрятъ они еще—и въ лицахъ ихъ восторгъ,
Восторгъ духовнаго видѣнія чудесъ,
Чудесъ за облакомъ, не чувствомъ—вѣрой зримыхъ.
Се Богъ мой Іисусъ, во плоти обоженной,
И облакомъ несомъ, и облако несущъ,
Отъ низменной земли течетъ превыше звѣздъ,
Свѣтящъ величіемъ—во человѣкѣ Бога.
И сонмы съ Нимъ текутъ сыновъ блаженныхъ свѣта,
Пріявшихъ отъ Него торжественную честь
Его на небеса воспраздновать восходъ.
Сонмъ первый Ангеловъ безплотныхъ, пренебесныхъ,
Которые, надъ Нимъ—надъ сыномъ человѣка—
Сходя и восходя съ небесъ на небеса,
Служили свышнему пришельцу на земли:
Сонмъ Ангеловъ вторый земныхъ и плотоносцевъ,
Которыхъ Онъ исторгъ изъ адовой утробы,
Которыхъ Онъ воздвигъ живыми изъ гробовъ,
Надъ адомъ, смертію, побѣдъ Его корысть.
Два сонма вѣрныхъ чадъ, два сонма дружныхъ братій,
Ихъ общему отцу—ликуя совокупно—
Предшествуя единъ, возслѣдствуя другій,
Поютъ—и пѣніемъ плетутъ вѣнцы похвалъ.
Но грѣшной ли душѣ, во смертность облеченной,
Превыспренность постичь ихъ пѣсней богохвальныхъ?

Лишь нѣкія она, въ отверстый сердца слухъ,
Божественныхъ пѣвцовъ простѣйшія слова
Пріявъ—усилится изречь во славу Слову.
Такъ слышался поющъ ликъ Ангеловъ небесныхъ:
Грядетъ—о таинство!—носящъ земное тѣло,
Грядетъ, возносится, Господь на небеса,
Богъ къ Богу, Сынъ къ Отцу—и Сына ждетъ Отецъ,
Котораго всегда въ своемъ имѣетъ лонѣ!
И Сына Духъ святый, съ Нимъ присно неразлучный,
Грядущаго съ земли срѣтаетъ въ небесахъ,
И общій Божества Ему готовитъ тронъ.
Грядетъ, какъ человѣкъ, отъ Троицы единый,
Пріемлетъ полноту всей Божескія славы,
Но лица Троицы хранятъ свое число!
Коль страшенъ Ты, Господь! въ совѣтахъ и дѣлахъ!
Мы зрѣли иногда—о ужасъ!—брань на небѣ;
Упился местію Твой мечь побѣдоносный,
И вдругъ, свѣтлѣйшаго межъ горнихъ свѣтлыхъ силъ,
За гордость Ты низвергъ, чудовищемъ, во адъ,
Да небо и земля гнушаются имъ вѣчно.
Мы зрѣли нынѣ вновь Твое, о Богъ отмщеній!
Надъ злымъ чудовищемъ во адѣ торжество:
Ты гордаго сего мучителя людей
Поправъ, смиреніемъ своихъ мученій крестныхъ,
Отъ силы обнажилъ, изринулъ отъ начальства.
Ты смерти покорясь разрушилъ смерти власть,
Воскресъ, возносишься—и Духа отъ Отца,
И Духа своего—Утѣшителя міру,
Ты послешь, Бога Богъ—и снидетъ боголѣпно

На вѣрующій сонмъ, святыни огнь и свѣтъ.
Онъ хладныя сердца, Онъ мрачные умы,
Возжжетъ и просвѣтитъ, любить и вѣдать Бога;
И новыхъ вѣрою созиждетъ человѣковъ,
И вѣрой обновитъ лице всея земли.
Се новы надъ землей словесны небеса,
Посланниковъ Твоихъ соборъ богоизбранный,
Создались—и Твою повѣдаютъ ей славу:
Высоки, знаніемъ превыспреннихъ вещей,
Пространны, широтой божественной любви,
Кропятъ они съ высотъ, на всѣ народы міра,
И росы и дожди спасительныхъ ученій;
И блещутъ молніей творенія чудесъ,
И громъ прещенія на злобный мещутъ міръ,
И вѣрныхъ веселятъ надежды сладкой ведромъ,
И, свѣтлостью своихъ добротъ великолѣпны,
Достойный видятся Создателя ихъ домъ.
Тебѣ, Тебѣ хвала, Создатель и Господь!
Ты славенъ искони—Ты древле гласомъ силы
Изъ тьмы небытія изкликнулъ сонмы звѣздны,
И стали, блещущи, вращаться по кругамъ;
И весь небесный ликъ, ихъ блескомъ восхищенный,
Хвалами превознесъ Тебя, о Всемогущій!
Ты вновь прославился!—мы зримъ грядущи вѣки—
Ты церкви Твоея небоподобну твердь
Святыми озвѣздилъ, святыми безъ числа,
Святыми чудными, изъ грѣшныя природы;
И грѣшникамъ они, во тьмѣ житейской нощи,
Сіяютъ съ высоты святаго житія,
Горѣ къ себѣ влекутъ ихъ взоры и умы.

И мы любуемся святыхъ Твоихъ лучами,
И мы Тебя хвалить ревнуемъ съ жаромъ новымъ;
Ты въ сладость обоняй хвалъ нашихъ ѳиміамъ.
Такъ слышался поющъ сонмъ Ангеловъ земныхъ:
О Господи, Господь! Творецъ и Искупитель!
О како мы Тебя возъименуемъ, Дивный!
Ты милостивъ во вѣкъ—и милость Ты свою
Надъ нами утвердилъ, какъ небо надъ землей.
Какъ милуетъ сыновъ отецъ чадолюбивый,
Такъ Ты преступниковъ, рабовъ Твоихъ мятежныхъ,
Ущедрилъ милостью отеческой любви;
Воспомнилъ нашъ составъ, воспомнилъ прахъ и перстъ,
И Самъ до насъ снизшелъ—снизшествіемъ до плоти--
Отъ ада насъ исторгъ, исхитилъ насъ отъ смерти,
И се возносишься—и совозносишь насъ,
Да милостью Твоей насытимся въ конецъ,
За дни смиренія прославимся на вѣки,
За дни скорбей земныхъ возрадуемся въ небѣ,
И се возносишься—да наше естество
Зе́мное спосадишь небесному Отцу.
Ликуй, Сіонъ святый!—Се Богъ твой воплощенный,
Воскресшій плотію возносится на небо,
Но славою своей сіяетъ на тебѣ:
О церковь! Ты Сіонъ—Ты Божія гора,
Ты тучная гора—помазаніемъ свыше,
Ты усыренная, струями благодати.
Вселится на тебѣ вселенныя Господь,
Вселится жить во вѣкъ, невидимо присущъ;
И раемъ сладости Ты будешь земнороднымъ.

*

Прольются Божіихъ благословеній рѣки,
Потоки потекутъ божественныхъ щедротъ,
Съ вершины твоея во всѣ концы земли.
О Господи, Господь! Творецъ и Искупитель!
Коль чудно славою Твое святое имя!
Ты вѣры Божіей устроивъ міру пиръ,
Не хитрыхъ пригласилъ витій многовѣщанныхъ;
Но, разумомъ простыхъ, невѣжественныхъ словомъ,
Младенцевъ Ты призвалъ—незлобія дѣтей.
Призвалъ—и воздоилъ любви своей млекомъ,
И хлѣбомъ воскормилъ безмездной благодати;
Вино имъ растворилъ Твоей державной силы,
Трапезу предложилъ премудрости Твоей,
И далъ имъ предвкусить утѣхъ небесныхъ медъ.
Ядите, братія! упейтесь, други слова!
И сердцемъ крѣпкіе, и мужественны духомъ,
И смѣлые дерзать за вѣру на бѣды,
Теките, возвѣщать словесныхъ племенамъ
Спасеніе, крестомъ, отъ гибели грѣховной.
Текутъ—и крестная сопутствуетъ имъ сила,
И полнитъ цѣлый міръ невидѣнныхъ чудесъ:
Се, агнцы средь волковъ, подвижники креста,
Несчетны, храбрствуя на поприщѣ мученій,
Своею кровію свидѣтельствуютъ вѣру;
И вѣрѣ чудное готовятъ торжество,
Гонимой одолѣть гонителей своихъ.
Се съ царствами цари, порабощаясь вѣрѣ,
Смиряются во прахъ предъ крестною святыней,
Крестомъ свои вѣнцы вѣнчаютъ и святятъ,
И чтутъ Распятаго царемъ царей и царствъ.

Се словомъ о крестѣ—симъ проповѣди буйствомъ—
Плѣнилися умы кичливы мудрыхъ міра.
Се тысящи святыхъ отъ міра бѣглецовъ,
Да царство въ небесахъ восхитятъ силой нуждъ,
Въ пустыняхъ нудятся жить ангельски во плоти.
Се Бога чуждые, свирѣпые народы,
Возбнувъ отъ мрака лжи пріяли вѣры свѣтъ,
Кумиры поплевавъ, облобызали крестъ.
Се вѣдомъ въ мірѣ Богъ—и вѣденіе Бога
Какъ море разлилось, и всю покрыло землю;
И Духъ вседѣтельный, какъ голубь среброкрилъ,
Надъ моремъ носится—и мысленныхъ птенцовъ
Изводитъ изъ воды, летѣть, летѣть на небо!
Тебѣ, Тебѣ хвала, спасеній нашихъ Боже!
Толь красные плоды, сладчайшій Іисусъ!
Во всей произрастутъ подсолнечной странѣ,
Отъ крови Твоея посѣянной на Лобномъ.
Ты началъ, Ты сверши—да вѣрой всѣ народы
Тебѣ поклонятся, послужатъ на земли,
Да будетъ вся земля священъ Тебѣ олтарь.
Такъ Господу съ земли сопутствуя на небо,
Ликъ Ангеловъ земныхъ, ликъ Ангеловъ небесныхъ,
Хвалили Господа и неба и земли;
И шумомъ празднества, и громомъ похвалы,
Наполнили, въ своемъ на горняя полетѣ,
Безчисленны міры въ безмѣрности ефирной.
Надъ звѣзды вознеслись, узрѣли Божій градъ,
Сіяніемъ вокругъ трисвѣтлыя зари
Какъ адамантовой стѣною препоясанъ;
Узрѣли—и въ восторгъ симъ зрѣлищемъ плѣненны,

Воззвали въ торжествѣ, изъ двухъ единый ликъ:
Возмите прочь врата, о вратники небесъ!
Возмите прочь врата, о князи силъ небесныхъ!
И внидетъ Царь во градъ, Царь славы въ градъ блаженства,
И внидетъ облеченъ порфирой Божества!
Кто шествующій Царь? Царь славы, отъ земли?
Онъ именемъ—Господь! Господь во брани сильный,
Во брани съ полчищемъ подземнымъ царства злобы,
Во брани немощей, уничиженій, мукъ,
Подъятыхъ Всесвятымъ—до смерти на крестѣ!
За грѣхъ и за грѣхи всего земнаго міра.
Возмите прочь врата, о князи силъ небесныхъ!
И вы, возмитесь прочь, о вѣчныя врата!
Васъ древле, въ страшный часъ, гнѣвъ Бога судіи
Воздвигъ—да падшему словесныхъ дольнихъ роду
Входъ неба возбранитъ, исперва невозбранный;
Но строгаго суда прешла, прешла зима,
Но щедрой благости цвѣтетъ, цвѣтетъ весна;
Но милость съ истинной, но правда нынѣ съ миромъ,
Срѣтаясь на крестѣ лобзаются предъ Богомъ;
Но небо и земля связуются крестомъ,
Союзомъ дружества связуются на вѣкъ!
Возмите прочь врата, о князи силъ небесныхъ!
И внидетъ Царь во градъ, Царь славы въ градъ блаженства.
Кто шествующій Царь? Царь славы, отъ земли?
Господь чудесъ и силъ! Царь славы, Іисусъ!
Прочь взялися врата при имени великомъ,
И вшелъ съ сопутствіемъ Сынъ Божій воплощенный,

И вшедъ, вступилъ единъ въ святилище небесъ,
Гдѣ Троицы святой едино Божество,
Въ трехъ солнцахъ свѣтъ единъ , для тварей неприступный,
Единоцарствуетъ, и трисіяетъ славой.
Торжественно вступилъ—и Божію лицу
Со дерзновеніемъ явился человѣкъ,
Грядущихъ смертнымъ благъ первосвященникъ вѣчный ,
Съ ходатайствомъ о нихъ своей дражайшей крови,
Съ ходатайствомъ своихъ неоцѣненныхъ ранъ,
Съ ходатайствомъ своей безмѣрныя любви ;
И вновь, какъ человѣкъ, сѣлъ одесную Бога ,
Гдѣ вѣчно возсѣдалъ—отеческое Слово,
Почилъ какъ человѣкъ покоемъ Божества,
И поклоненіе отъ всѣхъ небесныхъ силъ
Пріялъ, какъ человѣкъ, какъ Богъ во человѣкѣ.
О Богъ мой Іисусъ! вознесшійся на небо
Средь звуковъ торжества небесныхъ умныхъ трубъ,
Средь кликовъ радости спасенныя земли!
Когда сложилися, міръ горній съ міромъ дольнимъ,
Величія твои витійствовать согласно,
Я грубый ли дерзну вознесть нестройный гласъ
На славословіе, Всеславимый! Твое?
Но я ли умолчу, Тобою искупленный?
Но ревностью Твоей хвалы богопріятной,
По дару Твоему, горитъ моя душа,
Горитъ—и не даетъ безмолвствовать устамъ.
Страшась—что возопивъ нечувствующій камень
Въ нечувствѣ каменномъ ей будетъ укоритель —

Дерзаетъ—Ты оставь ей дерзости вину.
О Богъ мой Іисусъ, отъ Троицы единъ!
Превѣчному Отцу и Духу всесвятому,
Превѣчный, всесвятый, во славѣ сосѣдящій,
И чающій своихъ свершенія судебъ;
Да паки, на концѣ всѣхъ будущихъ вѣковъ,
Когда исполнится число Твоихъ избранныхъ,
Ты снидешь, какъ возшелъ, во плоти обоженной,
Возмездникъ—Судія и мертвыхъ и живыхъ,
Враговъ своихъ карать, и миловать рабовъ!
Достоинъ Ты пріять, отъ всѣхъ племенъ словесныхъ,
Благословеніе, хвалу и честь и славу.
Твоей кончиною въ мученіяхъ за насъ,
Надъ нами кончилось мучительство грѣха.
Ты кровію Твоей, цѣною несочтенной,
Насъ Богу искупилъ отъ рабства змію злобы;
И мы Тебя блажимъ, и мы, изъ рода въ родъ,
Спаситель! о Твоемъ восхвалимся крестѣ.
Какъ древле Твой пророкъ, являя чудомъ тайну,
Желѣзо изъ воды возвлекъ сѣкирнымъ древомъ:
Ты наше тяжкое грѣхами естество,
Погрязшее на дно пучины вѣчныхъ золъ,
Крестомъ — сѣкирою на адскіе заклепы,
Изъ тьмы глубинныя вознесъ во свѣтъ небесный;
Да истинныхъ изрядствъ пріиметъ свыше блескъ
И ржа растлѣнія не коснется ему.
Крестомъ Ты измождилъ всю крѣпость сопостата:
Онъ, первѣе креста, влекъ, нудилъ земнородныхъ
Тещи за нимъ на грѣхъ—на гибель отъ грѣха;

Но нынѣ созади, лукавый кроясь тать,
Лишь борешъ кознями Тебѣ во слѣдъ грядущихъ,
И трепетенъ бѣжитъ отъ крестнаго трофея.
Крестомъ Ты сокрушилъ свирѣпой смерти мощь:
Смерть къ Жизни приразясь—къ распятой на крестѣ--
Простерлась у креста полмертва—и оттолѣ
Не смерти смертные, но смерть страшится смерт-
ныхъ.
Крестомъ Ты рай отверзъ—и райскій грозный стражъ
Поспѣшно отступивъ отъ древа живота,
Сокрылся со своимъ мечемъ молніеноснымъ:
Да идутъ смертные питаться невозбранно
Безсмертія плодомъ, до сытости души.
Ты, правда вѣчная, средь грѣшниковъ земныхъ
Явился—и крестомъ изгладилъ ихъ неправды,
Явился—и крестомъ запечатлѣлъ на вѣки
Видѣнія Твоихъ пророковъ о Тебѣ:
И Самъ, Святый святыхъ! помазался тогда,
Когда разрушилъ адъ, когда восталъ изъ гроба,
И слава Божества, со всею полнотою,
На плоть преизлилась воскресшую Твою,
На воскресившую словесныхъ мертвый родъ;
И радости елей потекъ съ главы на члены,
Потекъ въ обиліи съ Тебя на человѣковъ,
И будетъ присно течь съ теченіемъ временъ,
И въ вѣчности его не оскудѣетъ токъ.
Тебѣ величіе, единъ, единъ Великій!
Повиннымъ пагубѣ спасенія виновникъ!
Господь мой Іисусъ, и Богъ мой Іисусъ!
Тебя благодарю, Тебя отъ всей души,

Что мужу грѣшному явясь благоувѣтливъ,
Ты не прогнѣвался на дерзкую молитву
Худаго Твоего и нищаго раба;
Но свыше вразумилъ безуміе его
Со страхомъ испытать таинственность писаній,
Въ которыхъ Божій перстъ, въ жизнь вѣчную для смертныхъ,
Тебя изобразилъ, о Слово—Іисусъ!
Со страхомъ испытать глаголы живота,
Въ нихъ вѣрою живой взыскуя жизни вѣчной;
И нѣкіимъ звѣнамъ—немногимъ отъ несчетныхъ—
Изъ цѣпи Божіихъ свидѣтельствъ о Тебѣ,
Коснуться съ вѣрою вѣщаніемъ простымъ,
И пѣнія звѣнѣть, Тебѣ, Отецъ! во славу,
Себѣ и братіи, въ преспѣяніе вѣры.
Ты, сердце хладное, Ты ревностью разжегъ,
Господь! воспѣть Тебя въ смотреніи Твоемъ;
Тебя во образахъ воспѣть одушевленныхъ,
Тебя въ различіи священныхъ службъ закона,
Тебя въ пророчествахъ посланниковъ съ небесъ,
Тебя въ явленіи во плоти на земли,
Тебя въ страданіяхъ, Тебя воспѣть во славѣ.
Ты откровеніемъ міръ мрачный просвѣщая,
Сотъ богословія Твоихъ духовныхъ пчелъ,
Какъ снѣдь и врачевство, словеснымъ далъ душамъ,
И церковь научилъ, медъ чистый таинъ Духа,
Изъ воска изжимать писменъ богочертанныхъ;
Да вкусятъ вѣрные съ желаніемъ благимъ,
Да видятъ вѣрою, что Ты, Господь! всеблагъ,

Что всѣмъ спасаемымъ, Спаситель! весь Ты сладость.
Всещедрый! Ты и мнѣ, симъ медомъ животворнымъ,
Наполнить попустилъ скудельный мой сосудъ,
Да духомъ писмени питаясь буду живъ,
Да ближнимъ предложу сей даръ Твоей щедроты,
Да вкупѣ вознесемъ Твое святое имя.
О имени Твоемъ, о Богѣ мой Іисусъ!
Я руки возношу и сердце ко кресту
Въ восторгѣ радостномъ, въ восторгѣ благодарномъ:
Да будетъ, Всеблагій! да будетъ, Всемогущій!
Всегда Твоя хвала, всегда въ моихъ устахъ
Доколѣ я дышу—и въ страшный смерти часъ,
Съ дыханіемъ моимъ хвала Твоя, о Боже!
Да не преторгнется въ душѣ моей безсмертной.
Но даждь—да о Тебѣ похвалится душа,
Тѣлесный, тлѣющій сложивъ съ себя покровъ;
Да въ пакибытіе, духовнымъ, чистымъ тѣломъ
Облекшись, воспаритъ, какъ въ юности орлиной,
О солнце истинны! къ Тебѣ на высоту,
И тамъ Тебя поетъ не въ ветхости грѣха;
Но въ обновленіи святыни благодатномъ,
Въ блаженной вѣчности величитъ безконечно,
Немолчной пѣснію торжественной хвалы,
Тебя, о Іисусъ! о Богочеловѣкъ!

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Напечатано*	*читай.*
13.	благостью;	благостью ,
70.	созяди	созади
79.	миръ	міръ
135.	безмолвіеиъ	безмолвіемъ
250.	избраный	избранный

A. Omg. V.

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 555 049 A